

2к0

ДИАНА СОРОКОВА

ПРИВЕТ ИЗ XX ВЕКА

2005 г.

ДИАНА СОРОКОВА

**ПРИВЕТ
ИЗ XX ВЕКА**

Екатеринбург,
2005 г.

Автор выражает благодарность администрации, Думе, Управлению культуры и молодежной политики МО г. Полевского за оказанную помощь при издании книги.

Творчество Д. Сороковой, и поэзия, и проза - пронзительно личные, но мысли и думы, боль и любовь она передает так искренне, так глубоко и образно, с такой самоиронией, что жизнь автора читатель невольно примеряет на свою собственную, не только сопереживает ему, но и переосмысливает свое прожитое и пережитое, может, тем и ценны строчки, написанные людьми ушедшего века.

У мемориала.

*Есть у жителей города точка опоры -
Это память. Каленый годами солдат,
Будто вросший в родные уральские горы
Здесь хранитель истории, памятных дат.*

*Эти даты навечно впечатаны в мрамор.
В книгу судеб, разбитых жестокой войной...
И на тусклом от времени ордене старом
Лик войны приоткрылся - Отечественной.*

*И года: сорок первый тире сорок пятый,
Между ними эпоха и мы, и страна.
Это время дано нам прожить многократно -
В книгах, фильмах, причудливых снах.*

*Имена, имена ... Ивановы, Петровы -
В них трагедия века, народов, семей.
Сотни строк по-военному строгих и ровных,
И сжимается сердце от боли сильней.*

О книге и об авторе

"Привет из 20 века" Дианы Александровны Сороковой прочитала с большим интересом.

Думала, что ничем уже меня не удивить: столько всего прочитано о войне и о послевоенном периоде. Но эта повесть задела за живое своей искренностью и честностью. Читая "Первые уроки", я как будто бы вместе с этими ребятишками пережила те трудные голодные и холодные военные дни, вместе с ними отогреваясь на полатах.

Это надо знать и почувствовать, чтобы стать чище, сильнее и справедливее, особенно тем, кто не знает ничего о военной и послевоенной сельской жизни.

Читать интересно еще и потому, что написаны они проникновенно, очень точно, пронзительно откровенно.

Автор не поучает, не указывает, а через свое большое и умное сердце дает возможность почувствовать и пережить все, что пережила она и ее братья и сестра в те годы, поэтому прочесть книгу полезно и очень важно.

Я же вновь не устаю удивляться этой необыкновенной, поистине уникальной женщине - Диане Александровне Сороковой.

Спасибо Вам за мудрость и щедрость, которые Вы дарите своими новыми творческими работами.

Пусть будет много благодарных читателей у Ваших повестей цикла "Привет из 20 века". Они того стоят!

С искренним уважением

Ваш благодарный читатель.

**Н.Боброва,
начальник управления образования,
г. Полевской.**

Главная мысль нового сборника полевчанки Дианы Сороковой точно выражена в двух строчках одного из ее стихотворений:

Томимся мы в предчувствии сюжета,

А он - вся жизнь.

Может, кто-то скажет, что в жизни автора и не было ничего необычного, все дети довоенно - послевоенного поколения прошли через такие же тяготы-лишения, дождались покатеченных или вовсе не дождались кормильцев с фронта, ходили за двенадцать километров в школу в лаптях, а в школах было две классные комнаты и русская печь...

На долю Дианы Сороковой выпало несколько страшных военных лет, на мою - несколько месяцев. Она жила в деревне и мерзлую картошку почитала за лакомство. Я в лаптях не ходила, жила в тыловом городе и довольствовалась черным мякишем в тряпочке. Но, читая воспоминания Дианы Александровны, то и дело ловила себя на мысли

об удивительной похожести нашего детства, юности, взросления. Эта похожесть, скорее, даже не бытового плана. В эссе кроме интересных деталей быта точно отражено нечто большее: атмосфера той жизни, характер человеческих взаимоотношений, облик людей, в общем-то, очень разных и в то же время удивительно похожих.

Творчество Д. Сороковой, и поэзия, и проза, - пронзительно личные. Но мысли и думы, боль и любовь она передает так искренне, так глубоко и образно, с такой самоиронией, что жизнь автора читатель невольно примеряет на свою собственную, не только сопереживает ему, но и переосмысливает свое прожитое и пережитое.

Может, тем и ценны строчки, написанные людьми ушедшего века.

Г.КИРЬЯНОВА,
заместитель главного редактора
Полевской газеты "Рабочая правда",
член Союза журналистов РФ,
секретарь первичной организации СЖ.
г. Полевской.

"Родители дали ей античное имя - Диана. Стихи она пишет с детства, но в печать их стала предлагать в 90-х годах минувшего века. Может быть, поздновато? Но - дело хозяйское. У Дианы Александровны, жительницы города Полевского, есть "искра божья", есть самоирония и юмор - признаки одаренности".

"Областная газета", 2003 год.

"Неугомонная, эмоциональная Д.А.Сорокова всегда находится в гуще жизни, интересуясь всем, что происходит вокруг, откликаясь на всё поэтическими строчками. В них радость и боль, теплота и горечь, желание быть нужной людям".

Н. Бадина,
Коми-Пермяцкое
книжное издательство, 2002 год

Книга поразила меня правдивостью изложенного. Передо мной четко всплыли военные и послевоенные годы, пережитые нашим поколением. Да, жили трудно и бедно, но были добрыми и человечными...

Р.П. Морозова, пенсионерка.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда-то прочитала я повесть В.Астафьева "Последний поклон" - отличная вещь. Но герой повести - известный писатель.

Доводилось читать и книги из серии ЖЗЛ - "Жизнь замечательных людей". Но там, как я узнала позже, все подчищено, приглажено, откорректировано, герои возведены до уровня идеала. Разумеется, читала достаточно романов известных писателей, но герои, хотя и типичные, все же придуманные, их в природе не существовало.

Но попался однажды в руки сборник речей известного дореволюционного адвоката Кони и он поразил меня. Долго не понимала чем - ведь не кровавыми же драмами, описанными адвокатом - сейчас такими сюжетами хоть пруд пруди. И вдруг сообразила, что заделали они меня своей достоверностью.

Реально существовала какая-нибудь купеческая дочка, невинно убиенная или бедный студент, который злодейское дело совершил. Их уже давно нет, лишь памятники, возможно еще кое-кому сохранились. Было любопытно читать, как жили они, ничем не примечательные люди, которые действительно были, страдали, любили - в другом, совершенно не известном веке.

Вот уже 20-й век стал историей, но как же быстро он менялся за то время, пока я живу. И люди менялись, и все вокруг стало другим с того времени, когда я впервые ощутила себя в этом мире.

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней, решила я, и какие-то штрихи 20-го века захотелось запечатлеть. "Своими словами", скрупулезно описывая ползу забытые или вовсе незнакомые современному читателю бытовые детали, или пунктиром пробегая по годам, с большой долей достоверности рассказала я о жизни среднестатистического человека, а конкретно - о своей жизни. Иногда маленькая девочка со странным для того времени именем Дина отделяется от меня, теперешней, начинает жить самостоятельной жизнью и я ничего не могу поделать с ней, порой своенвольной и глупенькой. Иногда она вновь приближается ко мне так, что становятся понятными ее поступки и мысли, и вот я довожу ее, уже повзрослевшую, уже поседевшую до сегодняшних дней, получая новые уроки и совершая новые ошибки.

Вот и вышло нечто среднее между повестью и воспоминаниями...

*Запах пню отцовского прокоса,
Улыбаюсь первому лучу.
В дом, что в речку смотрится раскосо,
Из другого времени лечу...
Проводами стянутое небо,
Под которым я теперь живу
Потемнее стало, ниже. Мне бы
Вновь с отцом в лугах косить траву.
Облаком взметнулись к солнцу росы,
Я босая, прямо по стерне,
Подбегаю к маме чернокошой...*

Говорят, что плачу я во сне.

ПЕРВЫЕ УРОКИ

Все васильки, васильки, васильки...

Папа взял меня на руки и подбросил высоко-высоко.

-Ну вот, ухожу я от вас,- тихо сказал, он и мама заплакала.

-А кто меня к небу поднимать будет? - размазывая слезы по щекам, спросила я и, вцепившись в его шею, твердила: - Не уходи от нас папочка! Не уходи!

-Война, дочь! Война!

Мне было 2,5 года и сцену эту я, наверное, помнить не могла, но мама так часто рассказывала о проводах папы на фронт, что и не знаю уж, мои ли это воспоминания или мамины.

И осталась мама одна с нами, пятью погодками, младшему из которых Володе, было 4 месяца.

Но война собирала свою дань не только на полях сражений, но и в глубоком тылу - а жили мы тогда в Чернушинском районе Пермской области. Один за другим истаяли двое старших детей - от дифтерии в ту пору редко кто спасался.

Как при настоящих археологических раскопках осторожно, не разбить бы, не смешать одно с другим, снимаю из памяти поздние временные наслоения, пытаюсь добраться до самого низа, сложить в одно целое осколки детства, раннего, не вполне осознанного, в котором собственное "Я" еще не отделимо от сестры и братьев, а главное от родителей. По мере того, как очищаю их, они, эти осколки проступают все яснее, а некоторые и совсем заблестели первоначально, я могу к ним прикоснуться, заново пережить свои детские ощущения и не только увидеть, но и услышать мамину песню, которую пела она вместо колыбельной. Грустная мелодия и раньше нет-нет да вспыхивала в сознании, теперь же, сама пережившая многое, я заново понимаю каждую мамину интонацию.

"Все васильки, васильки, васильки, сколько мелькает их в поле. Помнишь, у самой реки их собирали для Лёли..."

Вообще-то в песне пелось "для Оли", но моего старшего брата звали Олегом, а мы, дети видимо, звали его Лёля, Лёлька, вот и вставляла мама в песню имя одного из них, выплакивая свою материнскую боль. Песню я запомнила отчетливо, а вот братьев - нет, будто и не было их в моей жизни, только песня осталась.

Я мало что помню из первых двух лет войны, поэтому и повествование относится к более позднему времени...

Зима 43-го года была на редкость холодной, поэтому большую часть времени мы "живем" на полатах.

Мы еще не спим, шушукаясь и толкаясь, мама в валенках и накинутой на плечи шали пристроилась к печке с прялкой. "Все васильки, васильки, васильки..."

Мы с Томкой каждый вечер теребим слезавшиеся клочья овечьей шерсти, выбирая из нее репьи, и вот уже пышной бородой шерсть привязана к прялке. "Сколько мелькает их в поле..." Мама щиплет бороду, вытягивая из нее нить. Веретено сначала легкое, вырывается порой из ее руки, затем становится все тяжелее и тяжелее, с легким шумом вертится оно волчком по полу.

"Помнишь, у самой реки их собирала для Лёли...?"

Васильков много, очень много: синее - синее поле без конца и без края, вдаль оно сливается с небом и плещется от ветра, меняя цвет от бледно-голубого до ярко-синего. Мы с Томкой бегаем по полю, срываем цветы и плетем венки для себя и для Вовки, который смеется и тянет руки к маме, а она молчит и хмурится. Может быть потому, что мы не сплели венок для нее? Почему она плачет? "Ма - ма!" - кричу я и подбегаю к ней.

-Мама, ты что? - я проснулась от ее прикосновения.

Слабый огонек керосиновой лампы, не защищенный стеклом, опасно трепещет, грозясь погаснуть.

- Спи, спи. - Большая мамина тень, отраженная на стене, подрагивает и тянется к Вовке. Темная рука замирает на мгновение на его груди и вдруг взлетает вверх. Тень зашевелилась еще сильнее. Я перевожу взгляд на маму и вижу, как лицо ее изменилось в одно мгновение: оно неприятно заострилось, стало чужим и далеким, глаза расширились, будто она увидела не своего ребенка, а что-то жуткое. Рот начинает подрагивать, я слышу какой-то звук, похожий на шенячий скулеж; мама закрывает рот ладонью, будто заталкивает обратно крик, уже готовый вырваться

-Мам, ты что? - пугаясь чему-то непонятному снова спрашиваю я, а в ответ слышу: "ШШШ", но произносит она совсем не так, как обычно, когда, похлопывая Вовку, усыпляет его: "Ш- ш- ш.. - нет, это был резкий, пугающий звук и я замираю от ее почти злобного шипения. Мама снова принакает к Вовке, но уже не рукой, а ухом, а он чмокнул во сне губами и шевельнулся. Мама подняла голову, вспугнув огонек, мечущееся пламя высветило ее лицо, и я, уже готовая зареветь от непонятного страха, успела заметить, что оно снова приняло выражение спокойной усталости, даже легкая улыбка промелькнуло на нем, отчего я почти успокоилась. А ее рука уже потянулась к Томке, но на полпути остановилась: та чихнула и перевернулась на другой бок...

-Скоро у нас молоко будет, - обрадовала в конце зимы мама.

Намороженные кружки молока кончились уже давно. Мы любили их стругать ножом, превращая в холодную сладковатую кашичу: оно

меняло свой вкус, как и подмороженная картошка. Молочное крошево мы уминали за обе щеки с перепечками, которые мама выпекала на углях. Но молоко кончилось, и ржаную муку мама растягивала, как могла, подмешивая в хлеб то одно, то другое.

-Том, потри, - мама уже вымыла целый таз картошки. Сестра берет за работу. "Ой!" - вскрикивает она и дует на руку: кусочек вылетел из ладони и костяшки пальцев с размаху проехали по терке, оставляя кровоточащие ранки. Томка сжимает ободранную руку другой, несколько минут баюкает ее, потом снова с ожесточением продолжает прерванное дело, а кровь еще сочится по тонким пальцам сестры и смешивается с картофельной кашцей.

-Хватит, - останавливает ее мама. Томка снова дует на руку: картошку приходится тереть часто и пальцы ее постоянно ободраны.

Мама отжигает мезгу, кладет в нее небольшую горсточку муки и печет на углях перепечки - мы уже крутимся около нее, ожидая их.

-Сейчас будем есть, говорит она ревушему Вовке и быстро-быстро заваривает крутым кипятком ржаную муку, - да успокойте вы его, не слышите, что ли? - говорит она и мы стараемся оттащить ревущего брата от печки.

-Ну, иди ко мне! - завет она его и мы наконец-то садимся за стол.

-Бяка? - спрашивает Вовка, показывая на заваруху.

-Ты что, Вова! - Томка берет в рот липкую темную массу и чмокает: - Вкусно, очень вкусно! ...

Сегодня последний день каникул и мама в школу не идет, может, она сошьет куклу, как обещала?

-Ты куклу нам шить будешь? - радуюсь я, когда мама поставила на стол швейную машинку.

-Нет, пеленки - ответила она.

-Зачем? - ты же не пеленаешь уже Вовку?

Мама промолчала. Взгляд у нее отсутствующий - у нее часто бывает такой взгляд: когда от папы нет писем, когда кончается еда, или в школе какие-нибудь неприятности.

-Дай, дай, - Вовка увидел, что я пытаюсь спеленать его лошадку, которую недавно сшила мама: она набита паклей, была мягкой, даже хвостик и гривка есть - тоже из пакли.

-Тамара, ложись спать, я ночью опять разбужу тебя, - увидев, как зевает Томка, сказала мама: они каждую ночь ходят к корове - ждут теленка.

-У нас теленок родился? - ахнула я, увидев, как рано утром открылась дверь и вместе с клубами морозного воздуха тяжело вошла мама, держа на руках теленка с накинутым на него половиком - а он теперь с нами будет жить?

-Поживет пока с нами, холодно в конюшне.

-Можно, я Томку разбуджу? - я побежала к полатам, но мама остановила. - Пусть поспит, она почти всю ночь не спала.

Теленок шевельнулся, встал на еще неокрепшие ножки и тихонько замычал.

-Бедненький, есть хочешь? - Мама, можно его покормить?

-Сейчас, подою корову, - она несколько минут посидела еще, потом тяжело встала и взяла подойник.

-Тома, вставай, мне в школу пора. - Мама налила в ведро немного молока и ткнула туда морду теленка, сунув ему в рот палец. Он потянулся за пальцем и стал неумело пить, фыркая и захлебываясь.

Мама уже собрала в сумку школьные тетрадки, сшитые из газет, на ходу давая наказы Тамаре по хозяйству.

-Папа?- проснувшийся Вовка встрепенулся на стук.

-Нет, это не папа - ответила сестра.

Вошла соседка, которую мама просила проведать корову и теленка.

- Ну, как вы тут? Справляетесь?

Напоив теленка, соседка пошла в конюшню, гроыхнув дверь в сенках.

-Где па- паа - заревел Вовка.

Осенью 42-го года приезжал после госпиталя папа и теперь на каждый стук наш Вовка поднимал голову, требуя отца. Моя память не сохранила счастливые дни, когда он гостил, рана, видимо, была не очень тяжелой, и пробыл папа недолго, а вот последствия не замедлили сказаться.

Уже через пару-тройку месяцев мама стала о чем-то шептаться с соседками.

- Понесла, Евстолия, - однажды напрямик спросила одна из них, сочувственно качая головой, - тяжеленько тебе будет, ох, тяжеленько:

-Этих-то кормить нечем!- она кивнула головой на нас, троих глазастых ребятшек.

-Может, поговорить с ...- тут она понизила шепот до неразборчивости.

Почему-то в лексиконе тех лет почти не употреблялось слово "беременность", оно считалось чем-то стыдным, а уж слово аборт и подавно - они, эти аборты, были под строжайшим запретом: страна нуждалась в людском пополнении.

-Нет, аборт делать не буду, - как-то нервно сказала мама и тут же испуганно заоглядывалась на нас, будто сказала совсем что-то уж грязное, вроде мата, а он в нашей семье не употреблялся. Никогда, я это точно помню. Семья наша хоть и деревенская, но учительская, а на учителей народ смотрел уважительно, что взрослые, что дети, тем более, что никто из учителей даже в застольных беседах, даже в сильном раздражении речь свою матом не осквернял.

Помню случай более поздних лет: Вовку, ученика 2-го класса привела домой соседка зареванного, испуганного.

- Смотрю, прижали пацаны вашего парнишонку, кулаками замахиваются, орут что-то, - рассказывает соседка.

- За что они тебя? Натворил что? - спросила мама.

- Чтобы я плохое слово ска-за-ал!

- Сказал?

- Не-ет - проревел Вовка...

Вот мама и смутилась, когда вырвалось у нее "плохое" слово...

Много сердобольных старух сгинуло в тюрьмах, если соглашались на свою голову - за ведро картошки или за килограмм муки освободить несчастных женщин от тяжести несвоевременной беременности, да и женщины, случалось, гибли от грязных операций. У них, истекающих кровью, полуживых, выпытывали имя той, что сотворила запретное дело: выдавали, бывало, женщины имя благодетельницы в надежде на то, что за признание их спасут, не дадут помереть. Но были и те, кто стоял на своем: "Ничего не знаю, не ведаю, сама скинула, оступилась..." - и уносили в могилу свой секрет, не нарушив данного слова, как правило, оставляя после себя кучу детей мал-мала меньше.

Конечно мы, как и все деревенские дети, знали об отношении полов не только по пестикам и тычинкам: бегала во дворах живность, которая котилась-ягнилась чуть ли не на наших глазах, были и уроки дру-гого рода.

Мы играли на улице зимним вечером, когда тетя Галя, мать подружки, выволокла бойкую бабенку, с которой она дружила, из бани.

-Ах ты, подлюга бесстыжая, плесну в морду твою кислотой, дож-дешься у меня, если еще раз увижу тебя с Ванькой. - А ты что глаза-то пялишь, кобель эдакий? Наделал детей, а теперь по чужим юбкам ша-ришь? - кричит она уже мужу своему, выглянувшему из бани: дядя Ваня совсем недавно пришел с фронта по инвалидности.

-За что она так - спрашиваю подошедшую подружку.

-Наш папка ее за голые титьки трогал, - неохотно ответила та.

Но все отношения такого рода оставались там, за порогом и на родителей не распространялись, вот и невдомек было нам сначала, почему мама стала толстеть - ведь голод в деревне стоял лютый.

"Подайте Христа ради"

-Тетя, дай хлеба - девочка с порога тянет грязную ручку к маме, ей примерно столько же лет, сколько и мне. С любопытством смотрю на девочку: на чумазом личике ее от уголков глаз видны две светлые полоски, слезинки, подрагивая, уже готовы сорваться с подбородка, но еще держатся, на голове клетчатая шаль, завязанная узлом сзади; она была почему-то босая, а лето только-только началось, и утра еще сто-

яли прохладными. На покрасневших ногах со следами засохшей грязи виднелись расчески - "цыпки, наверное",- подумалось мне и сразу зазудели, зачесались свои.

-Ты с кем ходишь? - спросила мама, протягивая лепешку.

-С дедом. Там он - девочка махнула рукой куда-то на улицу.

Вздыхнув, мама протянула еще лепешку, ту, из гнилой картошки, вкус этих лепешек - хлеба военной поры, останется в памяти моей на всю жизнь.

Толпы нищих все чаще проходили по деревне: старики, женщины, дети. Война согнала их с родных мест, они шли все дальше на восток, в надежде отыскать кров и пищу, а находили голод и разруху.

-Подайте, Христа ради, - просили они, глядя на хозяев слезящимися и почему-то виноватыми глазами. Деревенские бабы совали им несколько картофелин или кусок тяжелого хлеба. Они благодарно кланялись, или, услышав сдержанное: "Бог подаст", - безропотно уходили дальше. Помогали, помогали люди деревенские нищим и друг другу кто чем может: кто куском хлеба, кто кружкой молока, а кто-то поможет солдатке выкопать картошку или вывезти сено, если совсем невмочь ей станет одной с детьми справиться вовремя с работой...

С силой колочу лапти об угол дома: с них жирными ошметками во все стороны летит грязь.

-Мама, лапти мокрые, - хнычу я.

Мама настиляет в лапти пучки соломы и помогает их обути.

-С вечера надо было очищать, высохли бы тогда, - ворчит сестра, лапти на ней обуты аккуратно, как спеленатые куколки, онучи без единой складки и опорки подвязаны так, что хоть весь день ходи - не съедут гармошкой вниз, не развяжутся, как часто бывает у меня. С ранней весны мы рыскаем по непросохшим колхозным полям, отыскивая случайно оброненные картофелины. Перемерзшие, не до конца сгнившие, они идут на лепешки, которые получаются тяжелыми, почти черными и на другой день превращаются в камень, но детские зубки все равно разгрызают их. Впрочем, это случается редко - еда в доме не залеживается, на другой день остается редко...

-А помните, пиканы в детстве ели? - Уже совсем недавно на даче за шашлыками совершенно неожиданно вспомнил кто-то.

-Горькую редьку...

-И пестрянки...

-А если в пистики яйцо положить, такие вкусные пироги получались - мечтательно проговорила подруга. У нее, по-моему, даже слюнки потекли от лакомства такого, так ясно вспомнила она далекое детство.

Молодая красивая девушка, внучка знакомой, непонимающе смотрит на нас.

-Пистики - это молодые побеги полевого хвоща, когда он еще метелку не выбросит,- наперебой объясняют ей собравшиеся.

-Не понимаю, зачем собирать гнилую картошку: в деревне ведь земли не меряно. Овощи-то были? Да и скотина всякая - мясо - молоко-то были?

-Стоит ли рассуждать о вещах, которые не понимаешь - парируют ей.

Конечно, до конца понять может это человек переживший, на себе испытавший тяготы военного времени. Но что-что, а молодым такого "понимания" не желаю - пусть, хотя бы приблизительно знают, чем жили их отцы и деды. Для чего знать? Памятью жив человек...

-Ребята, айда в лес - выкрикивали мы соседских ребятишек, или они нас и мы отправляемся на подножный корм, набиваем вечно урчавшие от голода животы свои малосъедобной зеленью. Частенько трамбовалась она в непроходимые залежи в детских животах и заходилась в крике от нестерпимых колик те, кого постигла такая участь.

-Мам, что она делает? - скорей со страхом, чем с любопытством спросила я шепотом, придя с ней к соседке за каким-то делом, но мама только махнула рукой.

Соседка держала на коленях, животом вниз, четырехлетнего сына и выковыривала катачиком* спекшиеся комышки окаменелой массы. Почти бесчувственное тельце сына, плеточкой распластанное, слегка вздрагивало.

-Ты за лекарством ходила? - спросила мама.

-Ходила,- утирая слезы, отвечала тетя Паня - дал фершал какие-то порошки, дак не помогает. Клизму за ради Христа выпросила - ни граммульки воды не прошло. И чего нажорался, спрашивается? - от собственного бессилия она сердилась, а Валерка не то, что отвечать, он плакать был уже не в силах, только всхлипывал тихонько и жалобно.

Материнские слезы градом падали на худющую, как стиральная доска, спину мальчика.

-Обожди, Паня, я сейчас, - через несколько минут мама принесла бутылочку с лекарством и помогла соседке влить в рот ребенка.

-Ну, как Валерка? - спросила мама часа через два, увидав соседку в огороде.

-Да отудобел маленько - с облегчением выдохнула та и безо всякого перехода спросила - у тебя сенца не осталось после коровы- то? Травы не хватает, ночью опять инеем подморозило, а у меня цела копейка сгнила с осени - не дал Ванька, гад, лошадь вовремя.

-Сена у меня давно нет, забыла, что ли? А бригадира что ругать - сама знаешь, какие в колхозе лошади, им самим подпорки нужны.

* Инструмент для плетения лаптей, похожий на черенок ложки.

- А нам кто подпорки эти поставит? - снова загоревала соседка.
- Летом от зари до зари наломаешься на колхозных полях, а на свое хозяйство только то и остается, что вечера да ненастные дни. Когда уж мужики наши вернутся...?

-А у тебя картошки с ведерко не осталось? Мне бы досадить надо - спросила, в свою очередь мама.

-Да ты что! Зимой на валенки обменяла ребятам, да продать пришлось - корова с голодухи кружку молока дает, а налог-то все едино требуют!

Не знаю, как до новой дотянем... - женщина тяжело вздохнула.

Я вспомнила нашу корову и вздохнула тоже. Однажды увидела на коровнике маму с вилами: она остервенело раздирала почерневшую шапку соломы, которой была покрыта крыша. Солома, прибитая дождями, поддавалась плохо. Мама работала молча, сосредоточенно, не отвечая на мои "почему" и "для чего"? Мысли ее были где-то далеко, а взгляд, обращенный внутрь себя, не замечал ничего вокруг. Молча сложила она охапку соломы в корыто, молча вылила туда ведро кипятка, чуток посолив и посыпав горсткой ржаной муки, потащила корыто в коровник - тоже молча. Корова, худая, со включенной шерстью, понуро стояла у пустой кормушки: сено кончилось, да и с обочин дорог мы давно собрали все клочки, которые оставляли иногда проезжавшие возы с сеном. Корова ткнулась в корыто с соломой, стала медленно жевать, переминаясь с ноги на ногу, отчего выпирающие дугами ребра ее задвигались.

-Ешь, кормилица ты наша, ешь, больше нечего, - говорила мама, оглаживая бока коровы, потом прильнула головой, обхватив руками шею - по ней волнами прошла дрожь. Корова повернула голову, посмотрела на маму влажным, покорным взглядом и тихонько замычала.

-Ну не смотри на меня так, потерпи, всем трудно. Живи, ребятки ведь у меня...! - Мама пододвинула корыто и перешла на шепот, а потом заревела в голос: слезы текли и текли, но мама даже не замечала их. "Трава скоро...апрель ведь", - донеслось до меня.

-Мама, пошли домой. У меня тоже потекли слезы. Она высморкалась и пошла за мной, но в дверях, обернувшись, еще что-то прошептала, то ли заклинала жить, то ли просила прощение за что-то...

Через две недели корова сдохла: выпустила ее мама во двор, чтобы травку какую ушипнула да на солнышке погрелась - трава уже пробивалась кое-где сквозь щетину прошлогодней травы, хотя в тени полно еще было снега. Схватила буренка с голодухи картошку, вмерзшую в снег - всего и было- то штуки четыре, оброненных, видно, еще с осени, но и одной хватило - подавилась корова, не стало нашей кормилицы.

Оставила нас и теленка своего заморыша без молока. Еле-еле дотянули мы его до осени - мама в это лето часто болела и сено косить не могла.

То на одной улице, то на другой умирали дети. Еще слушает мать, прильнув к ребенку, его сердчишко, а он уже смотрит сквозь нее далеким, нездешним взглядом, тихо уходя в мир иной, где нет ни войн, ни страданий, ни даже папы с мамой.

В такую-то пору, когда свирепствовал голод и болезни, когда выли женщины над маленькими холмиками, или, получив похоронку, оплакивали мужей, неизвестно где схороненных и схороненных ли вообще, мама наша "понесла".

-А у вашей мамы в животе ребеночек живет - округлившиеся глаза подружки с любопытством смотрят на меня: знаю ли?

Нет, не удивила меня подружка: к тому времени мы и сами уже поняли, что мама толстеет не с лепешек...

В конце августа 43-го года мама не встала с постели. Прибежавшая соседка засуетилась, принялась растапливать калёнку и греть воду, а нас послала за фельдшером. Седой сторбленный старик долго мыл руки, а Томка, серьезная и молчаливая, стояла рядом с чистым полотенцем. На улице шел холодный проливной дождь, и нас отправили не на улицу, а на кухню. Мы с любопытством и страхом прислушивались к тому, что делается в другой комнате - а там натужно кричала мама. Ее о чем-то просил Николай Лукич, но мама не слушала его и снова кричала. Я закрыла уши ладонками, но крик проникал и через них, мне хотелось убежать куда-нибудь, чтобы не слышать его, но вдруг он сменился другим: сначала будто пискнуло что-то, потом весь дом наполнился детским плачем. "Уа, уа", кричал ребенок, а мне слышалось ура, ура - может быть, он радовался, что увидел маму?

-Сын у тебя, Евстолия, - сказал Николай Лукич, стараясь перекрыть победное "Ура".

-Сын ... Олег, - слабо отозвалась мама.

-Сын, говорю, у тебя родился, - уже громче сказал фельдшер, думая, что она бредит. Ему ли не знать, что сына Олега у мамы уже два года, как нет.

-Олегом назову - уже отчетливо сказала мама.

Новый Лёлька мне сначала не понравился: красное сморщенное личико, он постоянно кривил рот или широко разевал его, показывая беззубые десны и громко кричал. Соседка завернула его в пеленки, сшитые из маминых платьев, и положила к маме.

-Тома, ты уж последи за матерью и братом, если что, зови меня, - фельдшер вымыл руки.

-И не давайте до вечера матери спать - сказал Николай Лукич уже с порога.

-Мам, Расскажи сказку, - канючили мы снова и снова, тормоша ее, измученную родами, как только она закрывала глаза, боясь, что мама уснет насовсем. Мама, борясь со сном, начинала рассказывать, но голос ее угасал, и она переходила на непонятное бормотание.

-А дальше?

-В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь-царевич... и пошел он на войну.... А корова сдохла....

-А, вы здесь?, - открыла мама глаза.- Так на чем я остановилась?..

Ранним утром свешиваю голову с полатей: мама гремит ухватami, начиная свою утреннюю работу. Мне неохота вылезать из кокона ватного одеяла, терплю еще какое-то время; там, внизу, холодно- старая изба к утру промерзает так, что иногда вода в ведрах подергивается тонким слоем ледка: мама сказала, что дрова не подвезли, их надо экономить. Но терпение мое кончилось, приходится слезать вниз

-С-с - теплая струйка ударяется о край поганого ведра и вот я снова под одеялом и почти засыпаю, но ручеек от Вовки дотекает до меня, тихонько - не разбудить бы, отодвигаюсь от него и подкладываю на мокрое место какое-то тряпье. Он спит, но просыпается Томка и тоже спускается вниз.

-С-с - слышится снизу.

-Уже вставать? - спрашивает она шепотом.

-Спи, рано еще...

Она засыпает, а ко мне сон уже не идет. По звукам, доносящимся снизу, определяю, что делает мама: вот она клюкой разгребает золу, извлекая из-под нее угли, они подернуты пеплом, но огонь еще живет в них. Мама дует на них, подставляя лучину. Несколько поленьев - гладких, ровненьких, почти без сучков сушатся на припечке возле трубы несколько дней. Щепать их легко - полоски с треском отскакивают от полена безо всяких усилий - это, конечно, когда мама щиплет. Или Томка - у нее получается почти как у мамы, а мне попыхтеть приходится. Лучина в маминых руках вспыхивает, огонь лижет поленья, вгрызается в них, они начинают трещать и постреливать маленькими искрами, пламя бьется о свод печи, его языки едва не дотягиваются до трубы, а мама в это время моет картошку и ставит чугунок в печку. Пока топится печь и варится картошка, мама садится проверять школьные тетради и писать планы уроков: она всегда это делает утром. В это время никто не отвлекает и не дергает ее, поэтому она встает рано, очень рано. Так, или примерно так, бывает каждое утро, но сегодня я чувствую, что все идет наперекосяк. Долго и натужно дует мама на угли, но огонек никак не может перескочить на лучину: угли, наверное, слабые, потому что мы последнее время топим печь не жаркими березовыми дровами, а всякими отбросами - угли после них частенько гсасают к утру.

Но вот пламя вспыхнуло и пока неохотно, все-таки загораются поленья, но дым хлынул в избу: похоже, мама забыла открыть выюшку. Осторожно, чтобы не наступить на чьи-то ноги на четвереньках переползаю спящих и открываю трубу, еще успеваю заметить слезящиеся

от дыма мамины глаза. В это мгновение огонек лампы гаснет, печка тоже заглохла. "Фу, ты черт!" - ругнулась мама. Дом погрузился во тьму, я заглянула в окно, но ни огонька в соседних домах, ни звездочки на небе - казалось весь мир, а не только наш дом погрузился во тьму. Может, это навсегда? Мама чем-то громыхнула, наощупь добираясь до полатей, Лелька закричал, собираясь заплакать, но мамино тепло успокоило его и он, затих. Полная тишина и мрак. Интересно, как стали бы жить люди на земле, не видя друг друга, натываясь, не различая своих мам и чужих. Мне стало страшно...

Свет уже пробивался в окна, когда я проснулась окончательно.

- Мама, ты же в школу опоздала! Она все еще лежала с нами, но мама успокоила меня.

- Ты что, сегодня же воскресенье! А раз ты встала, сбегай-ка к соседке, спички кончились. Да и керосина тоже до понедельника не будет, вечером с лучиной придется сидеть, - как-то виновато сказала она. Наощупь нашарила я валенки, какие попались, дрожа от холода, кое-как натянула одежку и выскочила на улицу, где было уже посветлее. Над крышами домов тянулись вверх дымки, только наша труба не дымила.

- Ты за делом пришла, али как? - спрашивает соседка, помогая начать разговор.

Ой, ну конечно не "али как" - ну чего без дела пришла бы к чужой тетеньке? - и я выдавливаю чуть слышно, за каким делом пожаловала.

Деревенские дети тех лет удивительно застенчивы и мы не исключение. Нет, не были мы "забитыми" детьми, дома, между собой, разговаривали во весь голос, кричали, дрались, бедокурили, а в чужих людях будто язык прилипал к небу.

Соседка нагребла углей в чугунок и я мчусь домой: там уже сестра набила щепьем каленку.

Тонкие бока печурки быстро накаляются, отдавая тепло избе, но также быстро и остывает. Вспомнила: ее еще буржуйкой зовут. Интересно, думаю, почему? Неужели и буржуины, о которых читала мама, тоже возле нее греются? Представив себе, как в какой-то холодной избе сидят в дорогих шубах буржуи, тянут руки к печке, отогревая их, пьют чай, - изо рта, как у нас, вырывается пар, мне стало смешно.

- Ты чего? - с недоумением смотрит мама.

Томка уже режет пластинами картошку и поджаривает тоненькие кружечки на каленке. Мы хрустим поджаристой корочкой. - Вкусно? - спрашивает мама.

- Вкусно! - отвечаем хором и выжидательно смотрим на нее: вкусно-то вкусно, да мало - много ли напечешь на каленке?

- Ну, подождите, я сейчас - она достает из печки чугуны с картошкой. Мы, обжигаясь, чистим и едим, посыпая крупной солью.

Тепло заполняет кухню: зимой мы ютимся только в ней, запечаты-

вая двери в другую комнату - так теплой. Подтаяв, потекли диковинные деревья на стеклах окон, остались лишь стволы, но и от них скоро будет лужица, зато наружные стекла так и остались в шубе куржака.

- Ребята, уберите Маньку, - кричит мама: запахло паленой шерстью - недельная козлушка подошла к раскаленным докрасна бокам печи, мягкая шерстка задымилась, стала жесткой и короткой.

- Не лезь к огню, - отталкиваем мы, а она так и норовит подбежать к теплу, чуть только зазеваешься.

- Это вам новая коровка, - сказала мама, несколько дней назад внеся козочку.

- Ме-е, - заблеяла Манечка.

- Мее - передразнил Вовка. Он, опустившись на четвереньки, стал с ней бодаться.

Мне стало завидно: "М-е!" я тоже полезла к ним.

-Я за водой схожу, Том, картошка вымыта, потереть надо немного - оделась мама.

Кап-кап-кап - под зыбкой образуется лужица.

-Том, что с ним делать, он спать не хочет? - зыбка взлетает уже не только верх и вниз, но и вправо - влево.

-Ты что, не видишь, он мокрый! - бросив картошку, она подбегает к зыбке и достает орущего брата. Очип* вдет в кольцо на потолке так, чтобы зыбка висела низко, но все равно семилетняя Томка кричит, пока достает Лёльку.

-А вот мы тебя перепеленаем, ты будешь спать - совсем как мама, говорит она, заворачивая брата в сухое, но Олег все время выбрыкивается то ручку, то ножку.

-Ты подгузник забыла - подсказываю ей, но она уже сама сообразила и снова принимается за дело.

-А давай, мы ему ручки не будем пеленать, - предлагаю ей, видя, как он все время сопротивляется Томкиным усилиям.

- Нельзя: он ручками махать станет и забудет, что надо спать... - Томка - нянька опытная, она уже выводилась с Вовкой, а теперь нянчится со вторым, приходя из школы - нынче она пошла в первый класс. Всю осень, когда родился Лелька, у нас жила приехавшая из города папина сестра, а теперь мы нянчимся все трое - мама, Томка, и я, пока они в школе.

Дверь открывается: пришла мама.

-Прикройте Лёльку, - кричит она, увидев голенького, в одной распашонке сына. Одна мамина рука придерживает коромысло с двумя ведрами, другой несет третье, мама осторожно ставит ведра на пол.

Погрев руки у калёнки, она подходит к Лёльке, которого крепко-накрепко пеленает; он становится похожим на полешко, только гла-

* Очип - жердь.

зами моргает и все еще орет. Мама расстегивает кофту и берет его на руки.

-Тоже хочешь титю? - спрашивает она подошедшего Вовку, который внимательно смотрит, как сосет братишка.

-Еще чего, Лёльке не хватит - ревниво кричу, украдкой поглядывая тоже, хотя мне всегда неловко за маму, когда она распахивает грудь. Мама смеется, мы с Томкой удивленно переглядываемся: она смеется редко, но потом вспоминаем, что вчера почтальонка принесла папино письмо, мама вчера тоже весь день смеялась.

...Не увенчались успехом мои "археологические" раскопки памяти - не осталось в них содержания весточек с фронта, которые делали счастливыми каждую женщину. Не сохранились от частых переездов и сами письма, а может мы, дети, пустили их на весенние кораблики, еще не понимая ценности солдатских треугольников, но все же отрывок одного из них помню, потому что мама не раз цитировала его - уже в более позднее время. "Опозорила ты меня своим письмом - прочитала мама однажды - как ты можешь советовать, чтобы я берег себя и не лез на "рожон"? - Ты в своем ли уме, если поешь такую чушь - ведь мы же ваши письма читаем вслух!" Гнев папы не был поддельным: он, судя по ранениям и наградам, в кустах не прятался...

Обрадованные маминой улыбкой мы тут же принялись с Вовкой носиться по комнате, как телята под весенним солнцем. Налетев на табуретку, мы разбили глиняную чашку, стоявшую на ней, но и тут мама не заругала, не шлепнула меня - она понимала, наверное, что самые хрупкие чашки почему-то всегда доставались мне.

Впрочем, если говорить о шлепках, то это было не в правилах мамы, а тем более папы: уже, будучи взрослыми, выясняли мы, пятеро и однозначно пришли к выводу - нет, не было такого в нашей семье, а вот за что - было. Трудно представить, что хотя бы один ребенок на свете вел себя рассудительно, как мудрый старичок, не разу не послушался взрослых и вообще вел себя образцово-показательно, являя пример другим, "плохим" детям, мы тоже не были исключением. И все же подзатыльники мы от родителей не получали, кроме одного раза. Совместными усилиями, дополняя друг друга, мы провели собственное "расследование" того единственного случая, но какого!..

...В один из летних дней мама с Тamarой ушли на речку полоскать белье, а мы с Вовкой собирали щепки после колки дров. "И чтобы до единой!" - наказала мама. "До единой", и быстро, собрали мы щепки, потому что два - три Вовкиных дружка, дожидаясь его, нам охотно помогали. Потом они запрягали по очереди друг друга, изображали лошадок - резвые трехлетки носились по улице. "Но, лошадка", раздавалось то здесь, то там, а я принялась наводить порядок на личном,

"кукольном" подворье, совсем забыв про них - не заметила даже, как вернулась мама.

-Ты что наделал, паршивец ты этакий, - ахнула она, выронив таз с бельем.

Вовка, который только что, вытерев о штаны морковку, протягивал ее другу, замер и непонимающе взглянул на маму. Ребята паслись, видимо давненько - с разрешения "хозяина" они рвали и тут же бросали хвостики, отыскивая морковь покрупнее. Мама, увидев разоренную грядку, схватила веревку, которая совсем недавно служила мальчишкам сбруей и, не помня себя, опоясала Вовкину спину. Взыв от боли и ужаса, он, вероятно от неожиданности, замахнулся детской деревянной лопаточкой на маму.

-Ах ты дрянь этакая! - выдохнула мама и взмахнула веревкой вторично. Громкий Вовкин рев и мамин плач слились вместе, но разошлись они порознь: мама, забыв про белье, ушла в дом, а Вовка убежал в сарай, откуда долго раздавался его рев.

-Больно? - спросила я боязливо, - прошел уже, наверное, час, а он все еще всхлипывал, как побитый щенок: он и меня будто не заметил.

Целый день в доме была напряженная тишина. Виноватые, мы еще не умели повиниться, уткнувшись в мамины колени, а маме было не до того, чтобы приласкать наказанного сына, уже осознавшего свою ошибку, да и не было в нашей семье всяких там сюсюканий, целований да милований. К сожалению.

Наверное, мне все-таки не хватало физического ощущения маминей близости, я даже, как она рассказывала позже, палец долго сосала как-то странно: охватив правой рукой левое запястье и прижавшись к нему щекой, как к материнской груди, сосала пальчик правой.

Похоже, и маме в старости хотелось, как маленькому ребенку прижаться к нам, взрослым, но мы тоже были стеснительны в выражении чувств, бросали при встрече: "Привет, мам! Ну, как ты?" - вот и вся любовь, хотя, разумеется, действительно любили свою маму, навещали и помогали ей.

-Мама, а почему ты в детстве никогда не целовала, не обнимала нас? - однажды спросила я, без тени упрека: у каждого свой характер.

-Так вас же много! Да и время такое было... - ответила она.

-А помнишь тетю Паню?

Мама задумалась припоминая...

Но о Пане - позже.

Больше ничего подобного, кроме случая с Вовкой, мы не вспомнили - не вымещали они свой родительский гнев на наших попах.

Но и детям своим, даже грудным, даже в шутку не то, что шлепнуть, а замахнуться на себя не позволяла мама.

-Эт-то что такое? - строго, очень строго говорит она, к примеру, Лёльке, когда он, играя, шлепнул ее по щеке, пробуя на "зубок" мать,

кормящую сына грудью и тон был такой, что детская ручонка уже гладит ее лицо или прячется в мамину же кофту.

Но шлепки и затрещины, и очень даже весомые, в изрядном количестве получали мы от сестры своей старшей; она могла моментально навести порядок своей карающей рукой, не особо разбираясь, кто прав, а кто виноват. Да и мы, младшие, порой дрались между собой, отстаивая свое право на какую-нибудь игрушку, на место возле мамы - теребачины и шипки, да еще с вывертом, были так болезненны, что слезы из глаз брызгали. После наших ссор дольше и громче всех ревел Владимир, ревел как-то деловито, без эмоций, на одной низкой ноте: встанет в угол и ни с места, если затянет свое бесконечное "уу-у!"

-Хватит орать-то - выпихивая брата из угла, говорю ему, но он упорно возвращается на первоначальную позицию - в угол, куда заточил себя добровольно и старается дореветь до мамы: авось пожалеет.

Зря. Сама пыталась жаловаться маме на Томку и на Вовку, с которыми была очень дружна, хотя бои местного значения с переменным успехом мы все-таки вели. Нет, не вмешивалась мама в наши междоусобицы, если не было ничего особо серьезного: единоначалие Тамары в наших рядах соблюдала.

Да, доставалось нам от старшей сестры, но и ей доставалось тоже: это ее раньше всех будила мама, чтобы шла на угоры собирать ягоды для нас или на обмен: меняла мама их на бус*, на муку, что-то другое. Это она вместе с мамой пилила и колола дрова, шла с ней в дождь и зной на покосы, копала и полола огород наравне со взрослыми, выводилась с младшими братьями. Подрастая, мы тоже брались за работу, но старшей сестре, конечно же, досталось больше всех. Да мы и сейчас, прожив долгую жизнь, знаем - она бросит все свои дела, сорвется с места, прибежит, приедет, если кому-то нужна ее помощь: на правах старшей она привыкла быть в ответе за нас и брать на свои плечи ношу потяжелей.

Маленький, но очень характерный штрих: спустя десятилетия прилетели мы с ней к Владимиру на юбилей. Он встретил нас в аэропорту с букетом цветов и, естественно, взялся за нашу поклажу.

-Не надо, я сама,- хватается Тамара за свою сумку. Владимир удивленно смотрит на нее, а мне стало смешно.

-Ничего себе картина: идут две навьюченные женщины, а рядом шагает молодой здоровый подполковник с пустыми руками. Не срами брата!- говорю ей. Тамара неохотно отдает ему сумку.

* Бус - мучная пыль.

Делу время, потехе - час.

Война войной, работа работой, но мы, дети, находили время и для игр и для своих дел.

- Долго не бегать, холодно, - предупреждает нас мама, и мы несемся на улицу, где нас поджидает ватага ребятишек пяти-десяти лет: нас много - деревня всегда богата на детей, да и эвакуированных было полно. Война.... Даже мы, малышня, чувствовали причастность к этой большой страшной войне, которая гремела где-то далеко от нас, хотя отголоски ее мы ощущали постоянно. Но в наших головах все время крутились мысли, что проходит та, взрослая война как-то совсем не так, как мы ее представляли: ну что они так долго воюют, наши папы? Может, они не знают, как надо воевать? Уж мы-то бы им дали, проклятым фрицам, живо бы перебили всех, если бы мы были на фронте. Но нас туда не зовут и мы ведем свои, детские войны, разрабатывая хитроумные стратегические планы, правда, слова такого - стратегия, мы, конечно, не знали, одерживая блистательные победы, строим блиндажи и крепости, ходим в разведку, обращая противника в позорное, беспорядочное бегство, но и сами бывали побежденными. В пылу сражений мы иногда забывали, где своя, а где чужая армия.

Через какое-то время, когда коленки, не защищенные шерстяными штанишками: матерчатые, холодные шили нам наши мамы и мокрые варежки дают о себе знать, мы мчались домой, а там, конечно, прямиком на печку и подолгу воем, когда окоченевшие руки-ноги начинали отходить.

- Мама, когда елка? - в последнее время это был постоянный вопрос, с которым я приставала то к сестре, то к маме.

- Через неделю - отвечает мама. Впрочем, все ожидают этого события - раньше елки в школе не проводились. Я еще не учусь, но мама обещала взять меня на утренник. Чем сильнее становилось мое нетерпение, тем, конечно, медленнее шло время. Неделя тянулась как месяц, а может быть, как целый год. Уже давно мы с Томкой делаем из газет игрушки: кораблики, фонарики, звезды, а главное - лепим цепи, а потом Тамара уносит к себе в школу - она учится в первом классе. Целые гирлянды цепей развешаны у нас дома и во всех классах - ими украсят елку.

- Завтра! - услышала, наконец. Только бы поскорей он прошел, этот последний день!.. Только бы мама не раздумала взять меня на елку, только бы ее не отменили!

Мама с Тамарой ушли в школу, оставив меня хозяйничать. Любуюсь платьем, которое мама погладила и развесила на спинке кровати, но Вовка уже встал, надо его накормить и вообще браться за дела. Я накормила брата, намяла картошку и дала курам, зимующим под ше-

стом, а, вымыв посуду и подметя пол, задумалась: что бы мне еще такое сделать, чтобы обрадовать маму, чтобы уж никаких сомнений у нее не оставалось "брать" - "не брать".

Постелила на пол половики, грудой лежащие в углу - в кухне стало светлее и нарядней.

-Ой, - скажет мама, - я все забывала про них, а ты вспомнила. Молодец, милая доченька, завтра обязательно пойдешь на елку!

Тайная мечта была несбыточной: доченьками, да еще милыми, мама нас не называла, да и в оценках была сдержана.

- До чего у тебя, Евстолия, баские да послушные дети, - сказала однажды наша соседка.

- Тс-с, - приложила мама палец к губам.

- А работающие-то какие, ни минуты без дела не сидят - соседка заговорила тише, думая, видно, что кто-то спит.

- Да перестань ты - с легким раздражением перебила мама.

- А что? - удивилась та.

- Что, что.... Вырастут зазнайками...

Тогда я впервые узнала, что мы дети не самые плохие, просто, наверное, мама хотела, что бы мы были еще лучше...

Но доброе слово все-таки хотелось услышать...

- Но-о, лошадка! - би-би мы еще не знали. Вовка перевернул табуретку и карета промчалась по половикам, сбуровив их. Разозлившись, даю ему подзатыльник. Он заревел - вдруг он доревет до мамы! - испугалась я, а какой же это порядок, если дети плачут - пришлось дать ему свою любимую куклу, которую мама все-таки сшила полгода назад, а сама принялась качать орущего Лёльку. Сцеженного молока не хватало, мы давали мякиш хлеба, размоченного в воде и завернутого в тряпочку. Лёлька уже большой - четыре месяца, пусть привыкает. Он затих, но подозрительно затих и Вовка. Увидев то, что натворил он, взвыла уже я. В тазик с водой, где лежали грязные пеленки, он засунул куклу и старательно мыл ее, отчего лицо, нарисованное химическим карандашом, потемнело и стало злым, а Вовка от усердия облился водой: пришлось его переодевать и снова отшлепать.

Проливая слезы над любимой куклой, положила ее сушиться на печку, а Вовка, закончив реветь, заигрался с Манькой, которая все еще жила в доме. Она уже успела намочить половики и рассыпать свои горошки. Я только-только начала подметать их как она, вскочив на табуретку, а потом на стол, уронила горошницу прямо на половики.

Реветь мне стало совсем некогда: скорей-скорей соскребла еду обратно в чашку, скорей-скорей замыла, сильно намочив половики, снова скатала их в рулон: пусть будет, как раньше.

-У-у - ревел Вовка.

Ме-е - вторила ему козушка Манька.

-Уа, уа! - требовал еды Лёлька.

Ку-ка-ре-ку! - петух заорал так неожиданно, что все сразу примолкли.

- Все в порядке? - спросила мама, придя из школы.

-Все, все! - заверила я.

Мы доели горошницу. Мама, выстирав пеленки и освободив тазик, стала мыть мне голову перед праздником.

Все прически ребятишек младших классов и у сестры конечно, были одинаковы - их стригли наголо.

-Зато волосы будут густыми и красивыми, - утешала мама Тамару: ее стригли до 4-го класса.

Ой нет, не о красоте волос заботилась мамы в то время.

Всех - и взрослых и детей, одолевали полчища вшей. Нет волос, нет и вшей. Впрочем, они скоро появлялись вновь: не так-то просто от них было избавиться - мыла, жидкого и вонючего, хватало не надолго, даже на стирку.

До моих волос мама пока не добралась, они были погуще, чем у сестры - вот и хотела она, чтобы хотя бы одна из ее дочерей была с косичками.

С вечера намазала мне мама голову керосином, чтобы повывести этих тварей и они, встревоженные запахом, носились по голове под платком, вызывая нестерпимый зуд, а потом затихли - может, умерли, а может, попадали в обморок.

Вымыв мою голову, мама пошла к соседке, чтобы та с часик посидела с Вовкой да Лелькой, пока мы будем на елке.

-А давай я тебя немножко подстригу, а то волосы в глаза лезут, некрасиво - предложила Тамара.

-Мама заругается, - с сомнением ответила ей.

-Так я же только челку. Маме просто некогда, а то бы она тебя сама подстригла, - сказала сестра. Я согласилась и подставила голову. Томка взяла огромные ножницы, которыми стригут овец: женщины легонько стучат ими по голове овцы, приговаривая: "Слушай, овечушка, ноженки" - это чтобы овца стояла смирно во время стрижки.

Мне такие слова говорить не пришлось: безропотно доверила сестре свою голову - та лучше знает, что делать.

Она работала старательно и добросовестно, пыхтя от усердия, и через несколько минут дело было сделано.

-Покачай Лёльку - попросила сестра, замечая волосы, и я стала усыплять брата, забыв посмотреться в зеркальце.

-Это что еще такое?! - ахнула мама, увидев меня.

Взглянув в зеркало, заревела: даже не будучи искушенной по части причесок поняла я, что на голове у меня не челка, как обещала сестра, а грубо вырезанная "лесенка" - смешная и одновременно безобразная, проложенная от макушки до самого лба.

-На елку не пойдешь - сказала мама, как отрезала. Приговор обжалованию не подлежал: она убрала обратно в сундук мое платье.

-Может, подстрижешь меня машинкой? - робко подала я голос, но машинки у нас нет, надо было бежать к соседям, к тому же перед праздником у мамы было столько дел, что она категорически отказалась.

Удар был такой силы, что я утянулась на полати, отказавшись от ужина и вечерней маминой сказки: перед сном она постоянно или читала, или рассказывала их, часто придумывая новые сюжеты. Но в этот раз не хотелось ни слушать, ни видеть их. Никого.

Они ушли утром в школу, а желание увидеть елку хоть издали, хоть одним глазком вспыхнуло во мне с новой силой.

-Покачай зыбку, дров надо принести, - попросила я брата и, накинув платок, не застегнув пальто, без чулок - помчалась в школу: она была недалеко. Долго ходила вокруг, заглядывая в окна, но ничего через них не было видно - они были в изморози. Внутрь зайти так и не решалась, пока одна из родительниц чуть ли не силой завела в школу.

Меня обступили семиклассники, стали снимать пальто, я сопротивлялась, объясняя, что мама мне не разрешила приходить - да они и сами догадались, в чем дело, сняв с меня платок.

-Если ты споешь песню или расскажешь стишок, дед-Мороз даст тебе гостинец, и мама не будет ругаться, - объясняет один.

-Ты ведь хочешь получить подарок? - спрашивает другой.

-Хочу - все сомнения исчезли ментально.

Раз так, то конечно, надо остаться.

Не успела собраться с мыслями, как лукавые семиклассники, среди которых было много эвакуированных, очень бойких детей, вытолкнули меня, дождавшись "окна", на середину классной комнаты. Выученный с мамой стишок забылся начисто и в наступившей тишине раздался срывающийся голосок.

"Глазенки карие и желтые ботиночки зажгли в душе моей пылающий огонь".

Стою перед всеми в замызганном платье, в валенках без чулок, с безобразной стрижкой на голове, чувствуя непонятную неловкость. О пылающем огне, который почему-то горел не в печке, а в душе, я имела смутное представление, а вернее, не имела никакого, но догадывалась, что речь идет о каком-то невыносимом страдании и дрожащим голоском старалась, как можно достовернее передать это самое страдание. Наверное, у меня получалось неважно, потому что строгий директор нахмурился, у завуча полезли брови на лоб, а мама конфузливо улыбнулась. "Надо петь громче" - подумалось мне и, усилив страдание, запела сначала. Мама, не выдержав, выхватила меня из-под елки, которую от волнения так и не удалось разглядеть.

-Марш домой! - свистящим шепотом бросила она уже в коридоре.

-А подарок?

-Я кому сказала: до-мой - еще раз отчеканила мама и почти вытолкнула меня за порог.

Она все-таки принесла подарок: в газетном пакете было несколько леденцов, пряники и яблоко - настоящее яблоко, о котором мама нам только читала. Вся эта роскошь меня не радовала, - я понимала, что подвела маму: позже узнала, что песня была нэпмановская, а значит - запрещенная, и маму за меня ругал директор.

Весна 44-го года ворвалась в дом в распахнутые окна. В доме сразу посветлело, когда мама достала вторые, зимние рамы. К 1-му мая мы всегда особенно тщательно моем-скоблим каждый угол.

-Я буду мыть пол, а ты отскабливай пятна в кухне - командует сестра.

Мама уже открыла запертую на зиму комнату и побелила там. Вот уже и закопченная за зиму печка празднично засияла, а я все еще скобливаю кровавые пятна со стены возле кровати.

-Мама, Лёльку опять клопы ели, - сокрушается Вовка, рассматривая большие розовые пятна на тельце брата.

Да, кровососы водились не только в наших головах.

-Не надо было на стене давить: - сестра уже вымыла пол в комнате и сейчас критически смотрит на мою работу.

- Пока ты тащишь куда-нибудь одного клопа, другие разбегутся, - не согласилась я.

Частенько мама, а то и все вместе встаем ночью и ведем охоту на клопов: напившись нашей кровушки, отяжелевшие, они при свете медленно расползаются по углам.

-Я ставила ножки кровати в тарелки с водой - сообщила соседка, пришедшая за солью.

-Помогло?

-Где там!- вплавь, они, конечно, не лезли, а в обход перли - заберутся на потолок, а оттуда пикируют вниз.

-Развелось тварей всяких, - вздохнула мама.

Мама права: и тараканы у нас есть - целые стада живут на печке, им там тепло и уютно, они нас не кусают, но чувство брезгливости заставляет нас вновь и вновь объявлять им войну - ладно бы ели картошку у кур, но ведь они лезут везде, думая, наверное, что мы едим слаще их.

- А я недавно тараканов травила, - сказала мама.

-Чем?- удивилась гостя.

Мне стало смешно. Я фыркнула: однажды мама принесла откуда-то порошок.

-Это не сахар, а отраву, - предупредила она.

Мама смешала его с картошкой, развела, не пожалела кусочек сахара и велела нам вынести из дому всю воду - даже из умывальника вылили. Утром ахнули мы, глядя на великое множество трупиков: не

пуганные химией, которой тогда и в помине еще не было, они с аппетитом поели приманку.

-Мама, ты новые занавески повесила?- спросила Тамара.

Выметавшая тараканов мама подняла глаза и удивилась: на занавесках было множество красных и синих крапинок - тараканы в поисках воды нашли чернильницы с красными и синими чернилами. Напившись чернил, стоявших на окне, они оставляли следы на занавесках своими лапками или усиками. А может, тошнило их - подумалось мне.

Наконец- то большая весенняя уборка подошла к концу: Вовка вытирал от капелек известки табуретки и лавку, мы с Томкой старательно, шаг за шагом, отскоблили пол, на влажные половицы разостлали половики, вытканые мамой еще прошлым летом.

Солнце, отраженное створками окна, зайчиками плясало на стене, ради праздника мама постряпала калачики почти без тертой картошки и патоку дала к чаю: обед получился замечательным!

Мы еще не знали, что через год вместе с весной ворвется в наши дома ликующее слово "Победа!"...

- Николаевна, ты последи за баней, я за дровами съезжу, - попросила тетя Паня маму.

Бани, экономя дрова, соседи топят по очереди, моясь по несколько семей. Баня "черная", топка сложена из камней без трубы: плотная пелена дыма, заполнив маленькое пространство, вырывается наружу. Дым выедаёт глаза, слезы потоком бегут по щекам, но мы с мамой наводим шлох, подбрасываем еще дров и идем за водой. Баня выставляется долго, так что соседка успевает приехать из леса. Перемыв младших, Паня зовет и нас.

-Том, наведи-ка воды обкатиться - просит она свою дочь, тоже Томку.

- Ты что, ошпарить меня хочешь? - вскрикнула она и тяжелая мокрая рука припечатала девочку. "Ой" вскрикивает Томка, но не соседкина, а наша Томка.

-Тома, дак это я тебя ударила? - расстроилась Паня.

Маленькая керосиновая лампа, вставленная в закопченный фонарь, так слабо освещает баню, что в ней стоит полумрак, усиленный клубами пара - ошибиться и правда не трудно.

-А у тебя на спине красная ладонь отпечатана, - разглядела я дома,

-Тебе бы так - обиженно говорит сестра - как будто я виновата, что тетя Паня промахнулась.

Удивительная была у них семья, детей было семь человек. Потом, когда в середине войны вернулся по ранению дядя Яша, ведя за собой корову, прибавилось еще трое, а позже узнала, что ходил он еще к одной женщине - и там было много, почти столько же детей. Обе семьи мирно уживались и помогали друг другу. Мы, дети, дружили между собой, как и взрослые, выручали друг друга, кто чем может. Тетя Паня

постоянно раздавала своим ребятишкам затрешины и тут же хватала заплаканное дите, усаживала на колени: "Миленький дак миленький, маленький дак маленький",- припевала она нехитрую песенку своего сочинения, тилиская и успокаивая орущего ребенка...

Скромно отметив Первомай, отсеявшись на колхозных полях и посадив огороды, в один из июньских дней люди потянулись в лес отпраздновать и другой праздник - "троицу"...

Надо же, подумалось мне, как же долго живу, если помню и такой, кажущейся теперь таким доисторическим обычай наряжать "живую", а не бутафорскую березку разноцветными лоскутками, редкими, довоенной поры атласными лентами и косынками. Не крашенные, в пух и прах разряженные в стилизованные под старину наряды городские модницы, а всамделишные деревенские девушки собираются в круг и...

"Во поле березка стояла, во поле кудрявая стояла, лю-ли лю-ли стояла..." Во все глаза смотрим мы, ребятишки, как они водят хоровод, слушаем красивые протяжные песни, которые переходят в частушки про глупых фрицев и, конечно - же, про любовь, а потом "фигура первая!" - начиналась кадриль. Девушек, еще стесняясь, еще неловко подхватывали парни, почти подростки да молодые мужики, вернувшиеся с фронта по ранению, но больше все-таки танцевали девчонки друг с дружкой.

-Лико чё, Танька то выплясывает, а пузо набок, - слышу осуждающий голос какой-то женщины.

-От кого нагуляла-то? - спрашивает ее другая.

-Да шут ее знает, от Петьки вроде бы...

-Да ты че, ему же только шестнадцать!

-Ну дак, женилка-то, поди выросла?

1938 год. Мордовская школа. 2-й ряд слева - А.И. Коротков.

1929 г. д. Большая Кашка Куединского р-на.
1-й ряд в центре: А.И. и Е. Н. Коротковы.

Яков и Антонина Уховы, сестра и брат.

Коллектив учителей.

Супруги Коротковы и дети: Олег 1-й, Тамара.

Бабушкин сон

*Ветер затих и улегся в сугробы,
Звезды гулять отпустила луна.
Бабушке Марье сегодня-с чего бы?
Снится, что девка она.*

*Ярко цветет на плечах полушалок,
Маша, зардевшись, идет по селу.
Вырвал у девушки парень - ох, шалый,
Нет, не один поцелуй...*

*Утром старуха взялась за ухваты,
Сон вспоминая, крестилась тайком:
Ладно, прислал все же парень к ней сватов,
Как бы одна- то с дитем?*

*Девушки нынче об этом не тужат,
Бес их, поди-ко, и сам не поймет:
Внучка с любимым живет, будто с мужем,
А замуж никак не идет!*

Да, парни, подростки даже, делали в колхозе и дома всю тяжелую мужскую работу, а вечерами торопливо любили, отчего, случалось, рождались дети. Единственной памяткой оставались некоторые из них от не вернувшихся с фронта тех парней; рождалась "безотцовщина", как порой роняли про них, поджав тонкие губы, старухи, забывшие молодость и уже по возрасту ставшие почти святыми. А дети все-таки росли не хуже "других-прочих".

-Пойдем, хватит уже - тянет меня подружка - я тебе что-то покажу!

Ее находка и вправду была красивой: почти полчашки с позолотой, с голубыми цветочками, чисто отмытая, она блестела на ее ладошках.

-Пошли в клетку - зовет она - ей не терпится пустить в обиход найденную чечку. Удивительно быстро, на раз-два-три строили мы свои "дома": на обломки кирпичей кладем четыре доски и "жилище" готово. Туда стаскивали мы все чечки, лоскутки, обломки ложек, худые чугунки - в хозяйстве сгодится.

-Отдай мне свою тряпочку - у Нинки новый атласный лоскуток, он прямо-таки притягивает мой взгляд.

-А ты мне - свою куклу.

В наших "домах" множество кукол, мы делаем их сами просто и быстро: берем гладкую щепку, крест-накрест привязываем другую, поменьше - кукла готова. Они разного размера, даже из вички от голи-

ка можем сделать куклѐнка. Мы пеленаем их и кормим. Иногда наказываем, но любим ничуть не меньше, чем современные дети кукол Барби. Конечно, у наших кукол были существенные недостатки: у них не было лица, но были вечно распятые руки. Когда мама сшила мне куклу - счастью моему, казалось, не будет конца. За полгода она изрядно постарела, потому что ее тискали, купали, играли все - сестра, Вовка и я. Она окосела на один глаз, рот почти стерся, но она была любимая, потому что сшила мама.

Я заколебалась: лоскуток блестел на солнце и был гладким, его хотелось трогать и гладить.

-Может мячик возьмешь - неуверенно протягиваю мяч, скатанный из коровьей шерсти.

-Не - а, куклу хочу.

Конечно, хорошо бы в такую тряпочку завернуть мою куклу...

-Бери - протягиваю потрепанную куклу и забираю новый лоскуток. Нинка выхватывает куклу и сразу же, забыв об игре, направляется домой, с каждой секундой убыстряя шаги. Внутри у меня что-то екнуло.

-Нинка, отдай куклу, кричу ей вслед, чувствуя огромную потерю. А Нинка уже уходит, но я бегаю быстро и, догнав, сходу вырываю куклу и швыряю ее тряпку. Все равно кукла лучше.

-Но мы же поменялись! - со слезами протестует она.

Понимаю, что поступаю неправильно, но уже ничего не могу с собой поделать: куклу сшила моя мама для меня! Она была мягкой, теплой, родной.

...Мы помирились потом с подружкой: мне пришлось отдать ей много-много своих чечек...

-До-мой, тебя мама зовет, - кричит Вовка с крыльца.

-Давайте ешьте и ложитесь спать, вам с Тамарой завтра в поле.

Я засыпаю. Кукла - рядом со мной.

Мы проходим несжатое поле, пролетающий ветер поднимает волны, они рябью растекаются шире и дальше, серпы мелькают в руках у женщин - вжик, вжик, вот готов сноп, другой, третий. Женщины составляют их по четыре, сверху нахлобучивают, как шапку - пятый, колосками вниз - от дождя.

-Васька, - кричит одна из женщин мальчику из нашей группы - при-дешь домой, встретить корову да кур покорми, я после работы на свой покос пойду!

На сжатом поле стоят суслоны: издали они похоже на диковинных животных - паслись-паслись и вдруг застыли все по взмаху чьей-то волшебной палочки.

Мы, дошколята и младшие школьники, собираем опавшие колоски в холщевые сумки, а потом сдаем их содержимое бригадиру.

Нынче я работаю второй год, а Тамара уже и раньше собирала колоски и горох крутила.

Старшие школьники - те на других работах заняты.

Кто-то шлепает меня по плечу и мы, забывшись, начинаем носиться по полю, прячась за суслоны. Стерня колет босые ноги, но мы привыкли.

-Работаем, работаем, - наводит порядок учительница. Она - из эвакуированных, очень строгая и мы снова степенно кланяемся земле.

...Как часто путешествую я в последнее время, перебираясь из века, только что народившегося, в другой, ушедший, пытаюсь осмыслить пережитое, связать его с настоящим, ответить на вопросы, роящиеся в голове.

Королева - мать

- Ты, что, генеральную затеяла? - увидев груды вещей у порога, спросила я, зайдя к соседке.

-Какой там! В мусорку приготовила. Может, что-нибудь себе выбе-решь? - с надеждой спрашивает она.- Ребята привезли: носи, говорят - а мне-то зачем?

В куче вещей - добротные сапоги из натуральной кожи, куртка, тоже кожаная, пальто и шляпа: такую шляпу только перед пенсией смогла я себе купить.

-Так отдай в детский дом, - говорю.

-Не берут, носила уже. Придется в мусорку тащить, а беспризорных нынче много, подберут...

Нынче много чего выбрасывается на помойку: совесть, вещи, дети ...

Еще раз взглянула на мешок с добром с сожалением, но все это мне тоже ни к чему. Уже ни к чему - время желаний прошло...

... Она была великолепна в роскошном одеянии бордового цвета, черный орнамент по подолу и рукавам подчеркивал чистоту и благородство линий. Тяжелый шелк спадал из-под кушака до самых пят, а рукава, расклешенные к низу да еще с прорезьями от самой проймы, развивались при движении, обнажая руку до плеча. Свита шла в глубоком, торжественном молчании, что было не совсем обычно, но красота наряда завораживала, даже чуточку подавляла нас, поэтому шли мы, совершенно онемевшие, поднимая фонтанчики теплой дорожной пыли босыми пятками, искоса поглядывая по сторонам, изо всех сил желая, чтобы кто-нибудь заметил маму в ее наряде. Но улица была пустынной: это было досадно, однако уже через несколько минут все

изменилось. Мамино окружение стало шумным и многочисленным - к шествию добавилась пестрая и крикливая толпа цыган, стоявшая в эти дни возле деревни.

-У, батурина купчиха, кричали они, пристраиваясь то сбоку, то забегая вперед. - На что тебе такой халат - в коровник в нем ходить будешь, да? Подолом пол подметать? Твои ребята быстро его обкакают, продай нам, красивая, большие деньги дадим, а?

Да, халат никак не вязался ни с убогим нашим жилищем, ни с суровостью военного времени. Обычная одежда тех лет - шаровары, заправленные в кирзачи или валенки, сверху - тяжелая ватная стеженка, а между ними черная полоска юбки - ходить в одних шароварах было не прилично. А летом "щеголяли" женщины в лняных ситцевых платьях, иногда надевая поверх кофтенку, давно потерявшую форму и цвет.

В таком халате, который достался маме по талонам, благородные леди, наверное, пили свой утренний кофе в постели или принимали частных гостей где-нибудь на вилле, но могла ли мама скрыть, не показать такую красоту деревенским? Нет и еще раз нет!

Да что - халат! Некоторые молодайки, получив щедрую заграничную помощь в виде ажурных комбинаций, натягивали их прямо на ситцевые платья - получалось что-то вроде сарафана.

-Ой, сколь баско - шелкали языками им вслед старухи, строгие блюстительницы нравов. Между тем и без того уже шумная толпа пополнилась деревенским людом.

- Тебя, королеву эдаку муженек-то поди не признат - вон, как срядилась, - кричали женщины, стараясь наощупь оценить качество материи и запомнить - на будущее, фасон. Мама улыбалась.

-Николаевна, отправляйся-ко ты на покос, как ободнят, состоговать надо дотемна! Побольше баб собери, тожно успеете, да старшую прихвати - пособи́т маленько, где погребет, где поварочает сено девчошка, - сказал бригадир, косясь на мамин халат.

Толпа расходилась неохотно, тем более цыганки - мама так и не решилась продать им халат: летом 44 года во всю поговаривали о скором конце войны - хотела, видно, встретить папу в обновке.

...Я так и не узнала, что означает слово "Батурина", но ясно, что купчиха-то уж точно, должна быть подородней да посытнее. Возвращаясь мысленно к тем годам, мне отчетливо помнится тогдашнее ощущение, да мне и сейчас так кажется - в тот день в нарядном халате по пыльной дороге, окруженная голодными детьми, шла не изможденная усталая женщина: шла Королева. Мать - королева.

-Мама, к нам директор идет! - всполошился Вовка.

Директор свернул с дороги на тропинку, ведущей к дому и осторожно ступал, притаптывая выпавший за ночь снег.

Растерявшись, мама схватилась было за веник, но бросила, стала поправлять половики.

-Тамара, убери со стола, только быстро, а ты вынеси Вовкин горшок.

Я взяла горшок и на пороге чуть не облила важного гостя.

-Маме помогаешь? - директор чуть брезгливо поморщился и, не дождавшись ответа, посторонился, пропуская меня.

С крыльца выплеснув из горшка, я шмыгнула на полати, прислушиваясь к разговору внизу, который шел не бойко.

-Ну, как живете, Евстолия Николаевна? Дрова еще есть?

-Мало осталось.

-Подвезем. В понедельник скажу председателю колхоза, на неделе будут - он помахал рукой, проверяя температуру воздуха в избе, - да, кажется у вас прохладно. Что-нибудь еще надо?

-Ребята совсем обносились, материи бы какой выделили, - неуверенно сказала мама, не веря своим ушам.

-Поможем обязательно. Мы должны помогать солдаткам, чьи мужья сражаются за нашу любимую Родину, - с пафосом произнес директор и отбыл, пожелав маме скорейшего выздоровления. Мама чихнула - она уже несколько дней из-за простуды не ходила на работу. Дверь за директором захлопнулась, и мама бессильно опустила на кровать.

-Тося, что он приходил? - на пороге в распахнутой стешонке появилась Елена Ивановна, тоже учительница: она видела, как от нас выходил директор.

-Не знаю, - растерянно ответила мама, еще не пришедшая в себя.

-Может, про Александра что узнал? Он ведь вчера в район ездил. Когда в последний раз письмо-то получала?

-Месяц назад. Пишет, что в госпитале снова, а что да как - не сообщил, - мама заплакала, зашмыгали носами и мы.

-Про медаль в письме есть - снова получил, а про ранение - ни слова.

-А может... - со страхом начала было Елена Ивановна, но мама перебила ее: - и думать не смей! Прикуси язык, Елена.

-Да я что.... Вчера его Валентина опять с синяком в школу пришла, - поспешила перевести разговор Елена Ивановна, - вот боров жирный!

Видя, что мама не слушает ее, гостя ушла.

После директорского посещения у мамы все валилось из рук, она нервно вздрагивала на каждый стук, была раздражительна и молчалива...

Победа.

Проснулась я февральским утром довольно рано от разговора внизу и увидела, что маму обнимает мужчина, стоящий спиной ко мне. Мама плакала, а он что-то говорил ей, как будто утешая, потом заговорила женщина, стоявшая поодаль, мужчина повернул к ней лицо и...

-Папа! - мой крик перебудил остальных, мы горохом посыпались вниз и повисли на отце.

-Осторожно, у отца нога болит, - предупредила мама нас, повисших на папе.

Женщина - медсестра, сопровождавшая папу, попрощалась и уехала.

Холодные тонкие лучики солнца, растопив узоры на стекле, осветили все еще плачущую маму: оказывается, плакать можно не только тогда, когда расшибешь коленку или кто-нибудь обидит.

Стоял февраль 45-го года...

Мы снова сидели на полатах, но не от холода внизу: там так тесно, что некуда сесть: прибежали соседи, учителя из школы, неся к столу кто что может: капусту, огурцы, хлеб и яйца, появилась и бутылка вина.

Выпили за встречу, за скорый конец войны, за что-то еще.

-Александр, - ты моего не видел? Или слышал, может, что? - то одна, то другая женщины умоляюще - требовательно спрашивали папу.

-Может знаешь, когда война кончится?

-А помнишь, Александр Иванович, как мы им под Сталинградом всыпали?

Разговоры, разговоры и вот уже возбужденный, покрасневшийся папа начинает дирижировать хором: гости пели, а потом снова о чем-то все время говорили, говорили.

Покрасневшаяся, оживленная мама бежит от печки к столу, ее звали посидеть, но она была так взбудоражена встречей, что ей не сиделось на месте. Под гул голосов я уснула, проснулась уже поздно вечером. Гости разошлись, мама убирала со стола, Тамара ей помогала.

-Александр, ложись-ка спать, - проговорила она.

Папа, осоловело сидевший за столом, встал и заковылял к кровати, приволакивая хроющую ногу, почти рухнул на постель, но потом тяжело сел и стал раздеваться. Сняв гимнастерку и скинув с плеч ремень, который поддерживал хроющую ногу, он вдруг взялся за нее обеими руками и... поставил рядом с кроватью.

-Пап, это плохая нога? Она тебе не нужна? - спросил Вовка, вытаращив глаза.

-Нога плохая, но ходить на ней придется, - ответил папа.

Мы, конечно, знали уже, что с войны приходят солдаты без руки или ноги, на костылях, но не знали, что ногу можно надевать и снимать, когда захочешь - так мы узнали новое слово "протез".

Не смотря на позднее время, мы "сгрудились" возле ноги, трогали ее гладкую не живую поверхность, шелкали блестящей шишечкой, отчего она сгибалась в колене, даже пытались с табуретки сунуть согнутую в колене ногу в широкий зев протеза.

-А ну, марш спать! - шуганула нас мама, - еще сломаете что-нибудь!
Утром, когда она с Томкой ушла в школу, а папа на костылях - в сельсовет, я позвала подружку.

-Нинка, иди посмотреть "ногу"!

Она прибежала не одна, а с целой ватагой ребятишек, я с гордостью показывала протез, чувствуя, что они мне завидуют.

Ох, не знала тогда, как тяжела эта ноша, как частенько бывала стерта до крови папина культя, как болит нога, которой давно нет...

Папа по ранению был еще в отпуске и в школу, где до войны работал учителем русского языка и литературы, не ходил, тем более что место было занято эвакуированной учительницей. Он сидел с нами, помогал маме по хозяйству.

-Пап, почитай нам, - просили мы вечером уже его, а не маму.

Мы с Томкой пристраивались к столу с рукоделием, папа - с книгой, мальчишки ближе к отцу и он читает вслух. Не было ни телевизоров, ни даже радио, вместо них мы слушали папу или маму, читающих нам не только сказки.

Я запомнила часто повторяющиеся имена авторов : это были Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, помню напевность пушкинских стихов, мрачный колорит мистического Вия. Этот рассказ мама читала по частям и мы с нетерпением ждали вечера: сгрудившись как котята, мы прижимались к ней и друг другу плотнее, когда она страшным голосом Вия произносила:

-Поднимите мне ресницы...

Читала она замечательно, иногда тем же голосом произносила: - Почешите мне пятки...

У нее уже тогда, видимо, начинали проявляться первые признаки болезни ног и мы детскими коготками чуть ли не царапали ее ноги, унимая зуд: о псориазе мы тогда слыхом не слыхали. Так и засыпали все вместе, забыв про голод.

Победа! К ней готовились, ждали, предчувствовали скорый ее приход: это слово уже готово было сорваться с уст, смертельно уставших от войны людей.

"Скорей бы" - так начинался и заканчивался любой разговор взрослых, да и детей тоже. А кто первый прокричал в деревне эту весть - теперь и не вспомнить.

Но помню: по улице промчался на лошади всадник, бросая направо и налево "Победа!" "Победа!" Ах, какое это громкое и весомое слово, оно мощным набатом прозвучало, покатилося по деревни, отозвалось и во мне, заполнив до отказа неведомым чувством торжества: "Мы победили!"

Захлопали двери, распахнулись окна, люди спешили к сельсовету.

Папа, торопясь, путаясь в ремнях, надел протез и гимнастерку с лейтенантскими погонами, на которой алел орден, еще не потускневший от времени, позвякивали медали, тоже блестящие первоначально.

Они с мамой пошли к сельсовету и мы за ними вприпрыжку, чувствуя, что победа - очень важное дело, а во всех важных делах ребятня тут - как тут.

У сельсовета начался стихийный митинг. Конечно, не помню того, о чем говорили взрослые, но учитывая то время, на сто процентов могу угадать хотя бы концовку, потому что без этих заученных фраз обойтись было нельзя.

-Да здравствует наш вождь и учитель товарищ Сталин, приведший нас к Победе!

-Да здравствует героическая советская армия, разбившая фашистскую нечисть!

-Да здравствует советский народ, который под руководством партии и правительства выстоял в тяжелой кровопролитной войне!

Обязательными здравицами заканчивались тогда все собрания, все газетные передовицы - мы читали их еще долго.

На фоне всеобщего ликования еще тяжелее было горе тех, кто уже понес невозвратимые утраты.

-Том, почему она плачет?- показала я на девочку.

-У нее же папу убили, еще в прошлом году...

Плакала, конечно, не только эта девочка, но мне запомнилась почему-то она, стоявшая с матерью, которая что-то причитала, и девочка что-то причитала и размазывала слезы.

Когда схлынуло первое опьянение победой, еще нетерпеливей, одержимей что ли, стало ожидание близких с фронта. Снова, как заклинание, люди произносили "Скорей бы!"

Плакали, но все равно ждали даже те, кто уже получил похоронки или сообщение о без вести пропавших: их ожидание держалось, вопреки фактам на вере и надежде. В ходу были байки, передаваемые из уст в уста, вот, например, одна из них.

Женщина узнала, что муж лежит в госпитале в безнадежном состоянии, с обожженным до не узнаваемости лицом, да еще и говорить не мог после контузии, только по каким-то документам узнали человека. Забрала женщина его к себе, выходила, вырвала у смерти, но вдруг, откуда не возьмись, муж ее законный появился: живой, здоровый, да еще грудь в орденах и медалях. Увидел он, что на кровати лежит мужчина, "Убью", закричал, сдернул одеяло, а там калека. Поклонился жене в ноги, а инвалида не выгнали, у себя оставили, ходили за ним, как за родным.

Слушая такие истории, вновь зажигалась надежда в погасших глазах женщин.

Для некоторых ожидание растянулось на всю жизнь: чудеса свершаются редко...

Война, блокада и любовь.

-Ты жив? Еще дышу. А ты-то как?

- Мне кажется, и я жива пока.

*Война, блокада, юная любовь-
Как бестелесно было это чувство-
Где блеск улыбок, выгнутая бровь,
Где праздников и ревности безумство?*

- Ты веришь, нет, что кончится война?

- Припас тебе я корку хлеба. На!

*Чтоб сэкономить слабенький огонь,
Хватало полужеста, полуслова,
И видя черные кресты окон,
Кому они молились утром снова?*

-У нас талоны где-то были. Где?

- Давай не будем думать о еде!

*У новобрачных стылая постель
И девушка, почти совсем подросток,
Легла в нее под визг дверных петель:
Вершилась жизнь - так мудро и так просто.*

- Ложись поближе! Видела я сон.

Большую чашку, веришь - макарон...

*Безусый мальчик... Как неловко он
Ей отдавал тепло, сам согреваясь ею.
Смешалось время, явь и полусон,
И слабые вдох-выдох слышно еле.*

- Не спишь? Да не молчи! Жива ты? Да...

- Встать можешь? Как же ты худа!

*У колыбели их любви сидел,
Добычу карауля, ангел смерти,
Но не дождавшись, дальше полетел,
Крылами всколыхнув безумный ветер.*

- О Господи, бомбежка там опять...
- А сколько мы детей родим, пять? - Пять!

*Сжималось обручальное кольцо-
Блокадное, грозя огнем и пеплом.
Но все ж начало не было концом
Дыша надеждой, их любовь окрепла.*

- Снег падает... Какой слепящий свет...
- В подъезде кто-то жив, ты видишь след?...

ПОБЕДА

*Зрела почка тугого побега,
Рвало сердце под грязным плащом.
Два шага добежать до победы,
Два шага и полшага еще.*

*А в какой-то немыслимой сказке
Распахнула весна календарь.
Шпалят фрицы по звездам на касках-
Ну-ка, батя, по-нашему вдарь!*

*В сказке май разливался душистый,
Рваный голос, хрипя, заорал:
«Эй, пехота, давай по фашистам,
Врежь за Родину и за Урал!»*

*И один разъединый подснежник,
Трепетал, не убитый войной.
А она в час последний как прежде
Обжигала слепящей волной.*

*Пуля - дура! Осталось полшага...
Он упал, но рукою достал,
Дотянулся солдат до рейхстага-
"Дотянулся!" - подснежник кивал.*

*Под зарей кумачового стяга
Имя кровью - успел, записал-
Не на черную стену рейхстага,
А в бессмертье, не целясь, попал...*

*Будешь плакать надрывно и горько, прикинув к земле,
Только это потом - ты на собственной свадьбе пока что.
Да какая там свадьба: военный набат уж гремел
И за горло рвал голод когтистой лапою страшной.*

*От бескормицы падала лошадь - впрягалась ты в плуг,
И одно лишь отличие, кнутом как ее не стегали -
Поднималась сама. Будь побольше у женщины рук,
Все бы заняты были: стирали, гребли, обнимали.*

*Все обиды на жизнь ты простишь, но и это потом.
Муж здоровьем был слаб, но забрали его в 45-м.
Было двое детей - вновь кричала запекшимся ртом,
И совпало рождение сына с победною датой.*

*А от мужа ни строчки. Исчез как иголка в стогу,
Отписали в казенной бумаге, погиб мол, без вести.
И нахмурилось небо, появили цветы на лугу,
Где при жизни другой с Ваней пели счастливые песни.*

*Жизнь дырявая, думы тревожные, слезы и дом,
Дети малые, песни тягучие, снова работа.
Фотографию мужа порой осеняла крестом,
Что с партийным билетом лежал в углочке комода.*

*Билась рыбой об лед, хоть военная стихла гроза.
Все наветы людские стерпела: вдова ли? Жена ли?
Годы стерли улыбку, померкла былая краса,
Но детей подняла - вон и дети детей нарожали.*

*И стерпела - двухильной, как все россиянки была,
Невнимание власти, но в сердце не сеяла злобы.
Дождалась: почта важный пакет в старый дом принесла -
Муж героически погиб и завyla в душевном ознобе.*

*Вот и стала ты мужниной нынче законной женой:
Отыскались в больших кабинетах листы наградные.
Но не надо - не бейся о стену седой головой,
Не сгаси у правнуков героя улыбки родные.*

В этом небольшом рифмованном рассказе уместилась бы, наверное, бесхитростная судьба тысяч россиянок...

Анна Краузе (Ухова)

Выходя за рамки повествования, вопреки законам жанра, которые не очень-то и соблюдаю, путешествуя во времени, то, надевая поношенное платьице несмышленной девочки, то, с высоты нынешнего времени всматриваясь в прошедшие события, - я кланяюсь всем, оставшимся в живых: кто воевал и ждал, едва таская ноги от голода; склоняю голову над могилами тех, кого нет - перед признанными героями и сгинувшими в неизвестности солдатами, а еще кланяюсь и восхищаюсь стойкостью и терпением советского народа.

Истинную цену победы мы узнали позже, да и то, конечно, не всю...

-Я на работу устроился,- сказал папа.

-Куда?- мама удивилась. Место в школе еще не было, да и учебный год вот-вот кончится.

-Председатель предложил сторожем на пасеке летом поработать.

-Можно, мы с тобой пойдем? - загорелись у нас глаза.

Иногда он действительно брал нас с собой в тесную закопченную сторожку и угощал сотовым медом. У нас началась "сладкая" жизнь: колхоз выдавал папе за работу мед, и мама к чаю иногда ставила его, а не свекольники паренки, как обычно. И хлеб наш стал немного вкуснее - мама стала меньше класть в тесто картофельной мезги и лебеды.

Осенью 45-го года меня хотели отдать в школу, хотя я "октябрь-ская", но подготовка была что надо: с тех пор, как Тамара пошла в школу, мы с Вовкой тоже сели "за парту": учительница, естественно была старшая сестра.

-Тебе двойка, - рассматривает она Вовкины каракули.

-За что?

-А вон, две кляксы.

-А мне за что? У меня чисто, - мне показалось, что оценка была явно занижена.

- А куда ты съехала со строчки, не видишь?

-Сама дура!

Занятия закончены: мы расходились по углам, недовольные друг другом, но через какое-то время снова идем на урок. Я с нетерпением ждала, что скоро пойду в настоящую школу, но...

-А-а-а!- я бежала по деревенской улице в нижней рубашонке, с накинутым на голову одеялом, концы которого волочились по земле.

-Лицо перекошено, глаза вот-вот выскочат из орбит от ужаса, а в чем дело, понять не могу, - рассказывала позже Ольга Николаевна.

Вид мой был так страшен, что поймавшая меня учительница и сама не на шутку испугалась.

-Что с тобой? Кто тебя обидел?- спрашивает она, прижимая к себе, а, дотронувшись рукой до лба, всполошилась, - да ты горишь вся.

А я уже пришла в себя, и мне стало стыдно за то, что стою на улице в рубашке, а главное, за то, что не могу толком объяснить, почему сбежала из дому. А мне, видимо, "млило". Возле нашего дома стояло полуразрушенное двухэтажное здание какого-то дореволюционного купца. Развалины пользовались дурной славой: там "блاذнило", а мы, как и все дети, пугали друг друга "страшилками", явно преувеличивая количество призраков, населяющих бывший купеческий дом.

В воспаленном мозгу все страшные рассказы сплелись в один большой кошмар, какое-то чудище погналось за мной, отчего я и сбежала из дома. Мама была на покое, сбегали за папой, который зачем-то ушел в школу, и когда смирили температуру, взрослые ахнули: градусник зашкалило. Болезнь была тяжелой и долгой, почему и в школу как предполагалось, осенью меня не отдали.

"Кино привезли" - эта весть моментально облетала всю деревню, в клуб набилось множество народа, лавок не хватало, смотрели стоя или приходили со своими табуретками. Кино, сначала немое, а потом озвученное все смотрели так, будто все происходящее переживали сами. Плакали, когда смотрели фильмы про Зою Космодемьянскую, а позже про молодогвардейцев: к нам опять, но уже с экрана, приходила война.

"Сегодня будет спектакль" - и это было событие в деревне и снова -

полный "аншлаг" - слово в ту пору незнакомое. Готовили спектакли учителя: мама рассказывала, что и до войны она играла, а зрители, неграмотные крестьяне, часто принимали действие спектакля за реальное событие, иные выходили на сцену и вступали в разговор с "актерами". Не знаю, по системе ли Станиславского играла мама или по своей собственной: мне казалось, что лучше мамы актеров нет. И стихи она читала замечательно - на концертах и дома, на вечеринках.

Неискушенный деревенский зритель, в общем-то, шумный народ, замирал, слушая: "Есть женщины в русских селеньях..." - Некрасова она знала, наверное, полностью.

А еще мне нравилось, когда учителя на своих "складчинах" пели песни и романсы- старинные, певучие, берущие за душу: после войны нет-нет да стали они отмечать праздники.

Если вечер проходил у нас в доме, мы слушали их с галерки - с полатей: за стол со взрослыми нас никогда не садили.

"Вечерний звон", который они пели на "голоса" заполнял весь дом и вырывался на улицу - мы слышали его и там, если играли на улице.

Папа и мама пели вместе со всеми, пели хорошо, слаженно и мне тоже было светло и тепло на душе...

*Жизнь заставила жить и все сызнова-
Засверкали в домах огоньки
И погуще над крышами синие
Заплескались флажками дымки.
И с неустовой жадностью женщины
Все рожали, рожали детей
От мужей, в той войне покалеченных
И растили без лишних затей...*

В деревню возвращались солдаты - редко здоровые, чаще увечные, контуженные, изломанные войной. Папа иногда уходил к кому-нибудь из пришедших или они приходили к нам и снова шли разговоры, понятные только им: "А помнишь, на Орловско-Курской..." "А наших в том бою полегло видимо-невидимо..."

"Артиллеристы, Сталин дал приказ..." - запевал кто-нибудь. Песню подхватывали и разговоры ненадолго стихали, пели они так, будто заново переживали случившееся с ними. Потом снова вспыхивали разговоры, в них все: радость победы, горечь от проигранных сражений, боль за гибель друзей. Война еще живет в них, а, судя по отцу, она осталась с ним на всю жизнь и каюсь - нас порой раздражали кажущиеся назойливыми рассказы о войне, возможно потому, что начинал их папа всегда за бутылкой. Послушать бы его сейчас, но - трезвого.

"Выпьем за тех, кто командовал ротами, кто замерзал на снегу. Кто в Ленинград пробирался болотами..." - это снова запевает папа - он любит эту песню.

Они пьют за тех, кого нет и за тех, кто рядом, с каждой последующей рюмкой папа все больше мрачнеет, он, видимо, пытается отыскать и никак не может найти ответ на мучавшие его вопросы: "кто виноват?". Ну не товарищ Сталин же виноват за разоренную страну и гибель стольких людей - и он вглядывается в лица сидящих за столом людей.

-Окопались тут, тыловые крысы, - обидно бросает он порой тем, кто по брони или по болезни "пороха не нюхал", а то и заносит над ними палку.

-Хватит, уймись!- чуть не плача бросается к нему мама, но он отстраняет ее, пытаясь найти истину, хотя мужики, уважая учителя и жалея инвалида, в ссору с ним не ввязываются, стараясь перевести все в шутку.

-Как дам по кумполу, - взвился однажды папа: учителя собрались к нам на какой-то праздник: кумпол был начальственный - папа замахнулся на самого директора школы, рыхлого мужчину барственной осанки. От фронта он был освобожден по броне и сильно притеснял молодых учительниц, оставшихся без мужей, а строптивую маму готов был сжить со свету, тем более, что мама написала в районо о некоторых шалостях директора. Детские ушки слышат, случается, много чего, для них не предназначенного и мы давно знали, что директор - "плохой дяденька", так что на этот раз папа метил точно в цель, будто хотел отомстить за "оскорбленных и униженных". Хорошо, что карающую руку во - время остановили: дело могло принять совсем другой оборот - замахиваться на власть было опасно. Высокие друзья директора школы мягко, но настойчиво посоветовали родителям перевестись на работу в другую школу.

....Мы, четверо ребятишек, сидим на телеге, сюда же вместились весь нажитый годами скarb большой учительской семьи, папа молчаливый, притихший, с виноватым лицом сидит на краешке телеги. Сопровождающий нас возница и мама идут рядом - она подгоняет корову, слезы нет-нет, да наполняют ее глаза - ей жалко оставлять насиженное место, соседей, школу.

-Евстолия, садись, а я пройду с немного пешком,- говорит папа: мама была в "положении".

-Да сиди уж на месте, герой - раздраженно отвечает она.

Мы с Тamarой иногда тоже спрыгиваем с телеги, когда дорога идет в гору.

-Мама, садись, - говорим и мы, но она упрямо не желает сидеть рядом с отцом, из-за которого сыр-бор и разгорелся.

Семь "Я".

В первый класс я пошла в новой деревне, в незнакомую школу и училась, во всяком случае, в начальных классах, очень легко: программу я уже давно прошла с более строгой учительницей - Тамарой. Чуть ли не полгода у нас было чистописание - этот предмет отменили давно. Писать чисто было трудно: с перышек то и дело слетали на бумагу кляксы, туда же падали и детские слезы учеников - у нас вырабатывали красивый почерк. Зря тратили время: знакомый хирург, в детстве потративший столько часов, осваивая каллиграфию, писал впоследствии так, что истории болезни могла прочитать только медсестра, а он порой даже сам себя прочитать был не в состоянии.

Непосредственность "детей природы", как нас называли городские, доходила порой до смешного. Мы, первоклассники, сидим на уроке, учительница проверяет, как выучили стишок.

-Петя, хочешь ответить? - она увидела, как мальчик настойчиво тянет руку, от нетерпения привскакивая с места и, получив разрешение, встал:

-Эттак Екатерина Мерзлякова нас...ла!- громким голосом объявляет он.

-Ну, разве можно говорить так некультурно? - укоризненно замечает Валентина Ивановна, а плечи ее вздрагивают от сдержанного смеха.

-Катка воздух испортила, - уже культурно выразился Петька и сел, отодвинувшись от Екатерины Мерзляковой на самый краешек парты, всем своим видом показывая непричастность к конфузу, который допустила сестра: они были двойняшками. Девочка опустила голову, накрытую черным платком, к самой парте, вжалась в нее, стараясь быть незаметной: точь-в-точь испуганная птичка, над которой мелькнула тень коршуна.

-Катя, ты выйти хочешь? - сочувственно спросила учительница.

Девочка выскользнула из класса подальше от предательства брата и хохота одноклассников. Мне вдруг тоже захотелось в туалет. При старшеклассниках было стыдно развязывать свои бантики. Бельевой резинки в магазинах еще не было, и мама пришивала завязки к фланелевым штанишкам, которые мы одевали под платье. Тесемки завязывались узлами в самые острые моменты и если не репутация, то эти самые то ли трусы, то ли штаны - в общем "исподнее" не раз были подмоченными. Из-за отсутствия резинок и мальчишки-дошколята на всех фотографиях тех лет были одеты в трусы с обязательными ляпочками через плечо. Школьники одевались в штаны из ткани, называемой "чертовой кожей", где кожей и не пахло, или из домо-тканины да в ситцевые рубахи навыпуск, с пояском - и ремней тоже не было.

-Том, а тебе папа двойки ставит? - спросила я сестру.

-Еще чего?

Впрочем, я сама знала, что училась она хорошо - и не потому, что папа был учителем у нее в классе. Никому бы из нас в голову не могло придти просить его о поблажке, да Томка в поблажках не нуждалась, как и братья мои - позже.

Был папа строг и суховат, не любил "писанину" и завуч, слышала от мамы, поругивал его за планы уроков. "Ничего себе, план", - фыркала мама, - напишет пару фраз и уже конец: упр., №, стр..."

Мама пишет планы обстоятельные, подробные, хотя характер у нее порывистый, шумный. Порой она, добиваясь благословенной тишины, делает нам строгое замечание раз, другой, третий, утихомиривая нас, а потом как закричит, стекла в окнах, наверное, дрожали, хотя про дрогнувшие стекла, конечно не помню, а помню, что добившись тишины, мама долго отчитывает нас, раздражаясь длинной тирадой, немного, как сейчас понимаю, театральной. А папа скажет свое слово - тихое, но веское, его мы слушались беспрекословно. Часто хватало не слова, а одного взгляда.

-Александр, ты что там за фиговину вчера сделал? - возмущается мама, гремя пустым подойником.

-А что? - чуть показшливая и прихрамывая, идет в стайку, за ним отправляемся и мы смотреть "фиговину". Папа вчера вечером сделал загородку для теленка, а сейчас довольный теленок, перемахнув через препятствие, подтыкает коровье вымя - значит, сегодня мы будем без молока. Папа, не говоря ни слова, начинает переделывать работу, Вовка и Лёлька суетятся около него. Руки у папы аккуратные, интеллигентные, не очень приспособленные к крестьянскому труду, хотя всю жизнь прожил в деревне. Он старается, что-то делает, но все у него выходит не так ловко, как у деревенских мужиков.

-Отец у нас говорил: кто как ест за столом, тот так и работает, - неоднократно с легкой насмешкой замечала мама, глядя на то, как ест папа: не торопясь, тщательно пережевывая пищу. Маме все чаще приходится класть ему отдельно: наши ложки довольно бойко мелькают от чашки до рта.

-Почему сегодня не встретили корову? Она же пол-огорода вытоптала! - отчитывает нас папа. Ложки начинают двигаться помедленнее.

-Это ты!..

-Нет, это ты хотел встретить.

-Врешь...

-А ты - лодырь.

-А ты кто такой?

-А сама?

-Да прекратите вы, - возмущается мама.- Александр, ты другого времени не найдешь? Что ты за столом начинаешь?

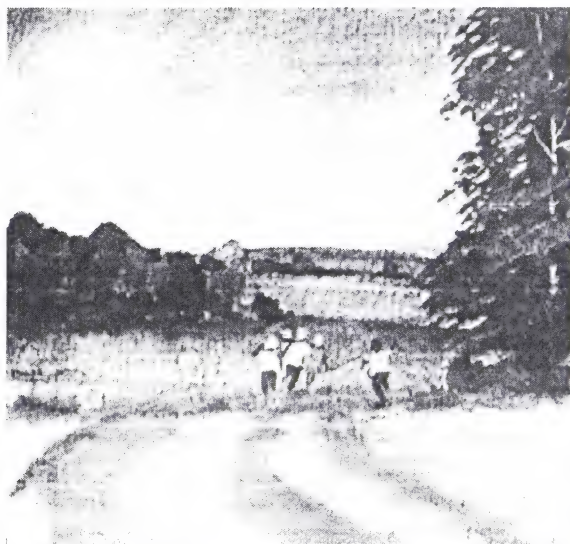
Она неукоснительно соблюдает авторитет отца, никогда не отменит наказание, не пожалеет виновных, но твердо придерживается правила: сначала накорми, потом начинай. Еда дело святое, ее нельзя отправлять распрями. За стол мы садимся все вместе - это уже обязательно. "Ешьте за столом и не смейте кусочничать", - предупреждает мама...

Как жаль, что темпы сегодняшней жизни почти не оставляют возможности совместных обедов с их неторопливой основательностью, негромкой беседой, домашними пирогами, когда каждой клеточкой чувствуешь: за столом сидит семья, а не сумма отдельных ее членов, где каждый сам по себе.

*Земляником измазаны губы и щеки,
Полон ягод выдавший виды туюсок.
Голова поседела, но все-таки, - таки
Память снова уводит в заветный лесок.*

*Мама утром сплетает мне волосы в косы,
И за стол мы садимся не порознь - семьей!
Едем в тряской телеге, спеша на покосы,
Где коса в разнотравье мелькает змеей.*

*Истончилась с годами души пуповина,
Что связала когда-то с землею меня,
Но вернусь, но вернусь я в деревню с повинной:
Гуси-лебеди детства с собою манят.*

Мы уже немного обжились на новом месте в селе Ананьино, когда в самый последний день 45-го года снова в доме раздалось "Уа" - родился Сережа и папа назвал его в честь брата, без вести пропавшего на фронте. Опять пеленки - распашонки и ночные бдения над младенцем. После рождения Сережи родители срочно сходили в сельсовет и расписались.

Оказывается, их брак был гражданским - в ту пору он считался законным, если были дети, но сразу же после войны вышел другой закон, по которому регистрация брака стала обязательной, а иначе в графе "отец" в метрике у Сережи был бы прочерк, да и фамилия была бы маминой. Ни то, ни другое отец допустить не мог.

Мамины руки успевают не только проверить школьные тетради и написать планы, но и переделать всю домашнюю, а иногда и колхозную работу. Она из семьи Уховых, потомственных крестьян, лютых на работу, отчего имели с новой властью ее родители неприятности: чуть ли не до нитки их разорили за то, что продыха в работе не знали и считались крепкими середняками. Мельком обмолвилась мама, что фамилия ее матери, моей бабушки, в девичестве была Краузе. Откуда эта фамилия залетела на Урал, нет ли во мне кровей французских или немецких: может, были прадеды какими-нибудь фон Краузе? Не узнать уже, а потому и придумывать не буду, слышала только, что была Анна Краузе гувернанткой то ли у помещика, то ли у богатого купца. Понятно, что говорить об этом было не принято даже дома: тень 37-го года была еще густой и тяжелой. Мама рассказывала: в школе, где она работала после педучилища, был у них завуч, который на видном месте оставлял листки примерно такого содержания:

"Докладываю, что Н. сказал на собрании..."

"Сообщаю, что в разговоре М. с коллегами..."

Неоконченные докладные наводили на коллектив ужас: что он слы-

шал? Сообщил ли куда следует? Не придет ли за кем-то из них черный воронок? Он видимо никуда не сообщал, ему нравилось держать всех в страхе.

Но все-таки кое-что мама рассказала о бабушке: даже если и была она какой-то "фон", однако трудилась, как всякая деревенская женщина, всю крестьянскую работу исполняла как должно и маму всему научила, а та нам свое умение передала по наследству, что умела сама, что положено было знать женщине тех лет.

*Вздых прошлого, малюсенький пустяк,
Нахлынет в день сегодняшний внезапно:
"А мама шаньги стряпала вот так!"-
припомню я и русской печки запах,*

*И бабушку свою. Она
Могла сноровко растворить квашенку,
Чесала на куделю пряди льна,
Рубахи деду расшивала шелком,*

*И маму, что и в старости порой
Так по-дочерни говорила "Мама",
Как будто бабушка лишь вышла за порог,
Иль, притомясь, в чулане задремала.*

*Увел и маму к бабушке закат
И - день за днем, то хмурый, то погожий...
"А мама шаньги стряпала вот так!"-
Теперь я часто повторяю тоже.*

Бывала мама терпеливой и вспыльчивой, веселой и грустной. Мы всегда чувствовали ее настроение: в доме становилось холодно и неуютно, если она ходила хмурая: мы старались выскользнуть из дома на улицу, когда папа с мамой ссорились.

Родители никогда не говорили нам о своей любви, никого не выделяли и не обделяли вниманием, но все равно мы чувствовали их любовь по внимательным взглядам, по их сдержанной реакции на наши удачи или промахи. Помню, как они оба почернели, когда заболели наши братья - все трое.

-У Вовы скарлатина, - сказал фельдшер, а, посмотрев остальных, добавила: - У Сережи и Олега - тоже, надо класть в больницу.

-А дома нельзя их лечить? - взмолилась мама.

-Евстолия Николаевна, форма тяжелая, рисковать я не буду, - ответила Елена Ильинична.

-Я лягу с ними, - твердо сказала мама.

-Позвоно в больницу, но вряд ли получится: Сереже год, он ходит и ест уже все.

Больница была от нашей деревни за двенадцать километров; у нас был только фельдшерский пункт.

-Нет, Вас не положат, - сообщила она через час.

Дом как будто опустел, в нем надолго поселилась тишина, которую и нарушить было как-то неловко: если мы с Томкой ссорились, то шепотом.

У мамы все валилось из рук, у папы тем более, дома братьев не было долго, очень долго.

-Звонил сегодня в больницу, можно забирать, - обрадовал нас папа однажды.

-Боже мой, что с тобою стало, - прошептала мама, внося на руках Сережу. Вовка и Олег вбежали сами, а Сережа ослабел, ходить разучился, был худющий, личико бледное до синевы.

-Мама, что у него на спине? - ахнула Томка.

-Пролежни, - хмуро ответила мама и снова она не спала по ночам, вставая на каждый Сережин всхлип...

-А ваша Томка расшиблась на физкультуре, - на пороге стояла запылавшаяся одноклассница: ей не терпелось сообщить новость.

-Что с ней? Где она, - всполошилась мама.

Через минуту учительница четвертого класса, где училась Тамара, привела зареванную сестру.

-Не досмотрела я, - виновато сказала Анна Сергеевна.

-Ты что, не могла свернуть? - ахнула мама, прикладывая к голове мокрую тряпку: рог на голове сестры был угрожающих размеров, аккуратно посередине.

Свернуть?

Будто не знала мама свою старшую. В жизни такого не было, чтобы Тамара свернула с намеченного пути. Сильно рисковала березка, не уклонившись: могла ведь и сшибить Томка ее, когда неслась на лыжах с горы.

-Мама, если на голове шишка, думать можно?

Вопрос на миг озадачил маму.

-Наверное, можно, - с некоторой долей сомнения ответила она.

Долго боялась мама за последствия травмы, за головку своей дочери. Долго еще шишка, меняя свой цвет от багрового до бледно-зеленого, пугая нас, освещала прямолинейный путь сестры.

...Она и сейчас упрямо идет к поставленной цели, преодолевая все препятствия, трудолюбием и настойчивостью прокладывая дорогу.

-Евстолия, отдай пока Диану нам в Свердловск, вам с Александром полегче будет, - сказала приехавшая погостить на лето тетя Рида.

У меня ушки на макушке насторожились: что ответит мама? А папа, когда узнает- разговор шел без него, отпустит ли?

- Дети наши, нечего их по чужим людям рассовывать, - возмутился папа.

- Какая же она чужая - сестра ведь мне! - теперь возмутилась уже мама.

- Тетка - не мать, - парирует отец

- Да пока на одну зиму, а там видно будет, - подает голос тетя Рида.

- Нечего ее туда-сюда дергать, не игрушка ведь: поиграл да бросил.

- А ты поедешь? - спросила мама меня.

- Поеду... - мне хотелось посмотреть на неизвестную жизнь, о которой рассказывала тетя.

- Пусть поучится в городской школе, ей полезно будет. Да и мир хоть увидит...

Не очень охотно, папа все же согласился отпустить меня. Увидев мир, я открыла рот и долго его не закрывала - уже на станции, где впервые увидела паровоз.

Впрочем, даже лошадь захрапела и чуть не выскочила из оглобелей, когда увидела огнедышащего дракона.

- Надо было шоры одеть, - спохватился папа. Отведя лошадь подальше, он накинул дрожащей лошади на голову пиджак: в деревне только-только стали появляться шустрые трофейные грузовички и лошади шарахались при встрече с ними.

Еще больше удивилась я, когда мы вышли из поезда: стояла глубокая ночь, а на вокзале было светло, как днем: в деревне электричества еще не было, а тут все сверкало, как на празднике. Ощущение праздника чуть пригасло, когда мы спустились по ступенькам вниз, в полуподвальное помещение, где жила тетя Рида со своей старшей дочерью Клавой. Одно окно в комнате, которую они занимали, выходило во двор, а два других на улицу: из комнаты были видны ноги, которые ходили туда- сюда.

В комнате было идеальный порядок, потому что в свободное от работы время тетя Рида гонялась с мокрой тряпкой за каждой пылинкой. Мои вещи, положенные не на место, вызвали у нее чуть ли не потрясение, хотя она меня почти не ругала, а ругала свою дочь Кланьку. Это она ее так называла, а мне было не понятно, как к ней обращаться - на "ты" или "Вы"? По имени-отчеству или просто Клава? Моя двоюродная сестра по возрасту уже тетя. Я еще не спала, когда услышала, как ссорились мать с дочерью: разговор был долгим и резким, ругала она ее конечно не за разбросанные вещи.

- Хахалей сюда не приводить! Не хватает мне вашей грязи. Тем более что сейчас Тосина дочь здесь будет жить.

Я училась в первую смену, тетя Рида работала днем, а Клава по

сменам - токарем на Уралмаше и "хахалей", как узнала уже позже, все-таки приводила. Она была, в общем-то, несчастной девушкой: тетя Рида наотрез запретила ей выходить замуж, вернее, не хотела видеть ее молодого человека у себя дома и - пошло, поехало: Клава сорвалась, что называется с узды, видимо наперекор матери, меняла кавалеров, делала аборт - страшные, криминальные, что и привело к печальным последствиям: она умерла, успев родить внука тете Риде. Мне все это было тогда неизвестно, слышала, не особо понимая причину, их частые ссоры - подробности узнала только через годы. Тетя Рида - вскоре умерла, да и внук ее прожил недолгую жизнь...

Четырехэтажная школа, где я училась во втором классе, была рядом с площадью 1905 года, недалеко от улицы Февральской революции, где жила тетя Рида. Школа была женской - тогда в городских школах учились раздельно. Девочки в перемену окружали старенькую учительницу и наперебой спрашивали, что ей купить в буфете. Чаше всего она заказывала булочки, которые назывались "венскими". Хотя девочек училось видимо-невидимо, они в коридорах не бегали, не играли во дворе, а чинно гуляли парами, о чем-то шепчась между собой, особенно старшеклассницы. Это было непривычно и неинтересно.

Дома тетя Рида, в перерывах между работой, борьбой с пылью и ссорами с дочерью, собиралась с подружками со двора выпить стаканчик-другой бражки, которая всегда водилась у нее в большом количестве, а потом они пели грустные, тягучие песни. Однажды к тете Риде пришла другая тетя - тоже мамина сестра. У нее полезли глаза на лоб, когда она увидела в дневнике тройки - раньше такого не замечалось. Чувствуя ответственность перед сестрой Тосей, моей мамой, она решила, что для воспитания подрастающего поколения, у нее больше возможностей и моральных прав и приказала мне собираться. Кривая моей успеваемости падала медленно, а вверх по социальной лестнице я взлетела мгновенно: всего-то и надо было выйти из подвальчика и открыть парадный вход этого же дома.

Это все мне? - ахнула я, когда тетя Тоня принесла форменное платье с двумя фартучками, зимнее пальто с пушистым воротником из рыжей лисы и шапочку, отороченную этим же мехом.

- А это что? - из пальто выпала еще одна пушиста штучка, название которой не знала.

- Это муфта. Ее носят вот так... - тетя показала, для чего она предназначена.

Тетя Тоня величественная дама, работала главным бухгалтером в швейной мастерской, толк в нарядах знала и теперь я совсем не отличалась от городских девочек, по крайней мере, в одежде. Новая семья, куда меня привели, занимала две больших комнаты в четырехкомнатной

коммунальной квартире. Муж тети - дядя Дима, молчаливый интеллигентный человек, работал, кажется, начальником какого-то цеха на мясокомбинате, у них было две дочери: красавица Эльвира, училась в московском институте, а младшая Ава, тоже красавица, в институте Свердловска.

Маленькая, и судя по фото тех лет, хорошенькая, дикарка, разряженная в пух и прах забавляла, видимо, Аву и она частенько брала меня, отправляясь в магазины, на примерку, или к подругам.

- Лико чё, как баско! - восторженно говорю довольно громким шепотом. Мой указательный пальчик целится прямо на объект внимания, будь то необычное здание или шляпка дамы, сидящей в трамвае напротив нас.

- Дина, так нельзя говорить и пальцем показывать тоже нельзя, - я послушно убираю руку, но ненадолго.

- Ой, а это сколь стоит? - Рука помимо воли снова тянется к роскошной шубе в магазине, а потом и к пальто с чернобуркой, глаза которой остекленело смотрят на меня. В глубине души понимаю, что мне и пуговички от этих вещей не купить на те карманные деньги, которые дают на мороженое или на булочку в школе, да и маме эти вещи не купить ни за что, но с крестьянской основательностью хочется пощупать материал и узнать цену товара. Даже увидев сшитое для меня пальто, задаю тот же вопрос: "Сколь стоит?" - как будто мне предлагали его купить. На зимние каникулы приехали родители, оставив хозяйство на Тамару.

Обрадованная, возбужденная встречей, спешу показать все наряды и болтаю, болтаю без умолка, не давая вставить им ни слова.

- Смотри, смотри, мама: эта шапка называется капор. А это, думаешь, что? Пе-ле-ри-на. Ее можно снимать и одевать снова к любому подходящему платью.

Мама ахает и вертит меня, нарядную ухоженную дочку с чистенькими руками, папа мрачнеет и добавляет себе вина. А я замечаю вдруг, как некрасиво и блекло смотрится самое нарядное мамино платье, как плохо вмещается в рюмочку пальто ее располневшая фигура, а фасонов свободного покроя тогда еще не было, как топорщится матерчатый папин пиджак - не то, что солидный двубортный костюм дяди Димы.

А еще вижу, как неловко справляется мама с вилок, как конфузится папа, пролив рюмку вина на белую скатерть и спешу продемонстрировать близость к той, отличной от родительской жизни, к которой мне только-только позволили прикоснуться.

- Ава, мы пойдем завтра в цирк? - чуть капризно растягивая слова, спрашиваю, тормоша и обнимая свою двоюродную сестру - или сходим с тобой в театр?

- В театр пойдут папа с мамой и Антонина Николаевна, - строго осаживает меня дядя Дима, - а тебе пора спать.

Я осеклась. Еще не совсем осознавая почему? - у меня все-таки мелькает неоформленная, расплывчатая мысль, что вела я себя стыдно, обидно для папы и мамы, что чем-то, наверное, расстроила их, хотя они ничего не сказали, даже не подали вида.

С тетей Тоней, заядлой театралкой, они побывали во всех театрах и, закупив нехитрые гостинцы, уехали домой, а мне уже на второй день после их отъезда стало тоскливо. Городская жизнь сразу потускнела, стала казаться не столь заманчивой. Где, например, играть в лапту летом? В тесном дворике? Шиш там разбежишься, к тому же городские девочки не бегают, а гуляют парочками туда-сюда, да и задаваки они все. А куда, спрашивается, ходить летом за земляникой? Меня стала раздражать гора жирных тарелок, которую надо мыть три раза в день. Разве нельзя есть из одной или, на худой конец, положить второе блюдо в супную тарелку? Почему нельзя выпить через край соус, пахнущий восхитительно? И уж совсем невыносимо выбрасывать недоеденный хлеб, да что там хлеб - и кусочки котлет в помойное ведро. Ах, как бы вонзились острые зубки младших братьев в сочные кусочки мяса! Долго, очень долго тянулось время до лета, но вот, наконец, нас отпустили на каникулы и я дома. До-ма!

Только-только начался июнь, а солнце уже во всю палило, я стояла и раздумывала: в чем пойти гулять. Да, жарко, но ведь может внезапно похолодать? Надев нарядное платье, а сверху летнее пальто, что-то вроде пыльника, пару минут подумала еще и натянула на голову шляпку с красивыми лентами, которые завязывались большим бантом.

- А что вы тут делаете? - спросила, подойдя к девочкам, играющим в куклы. Они лишь мельком взглянули на меня и продолжали заниматься своим делом.

- Разуй глаза, не видишь? - ответила одна из подружек на мой повторный допрос, а вторая ни с того, ни с сего пропела: "Выбразуля, выбразуля, выбразуля номер пять. Разрешите, выбразуля, вам по морде надавать!" Солнце палило все сильнее. Пожалуй, шляпку я зря надела. К тому же мне нестерпимо захотелось - аж руки зазудели, потереть кирпич о кирпич: из красной пыли мы пекли оладушки для кукол, а в нарядном пальто разве можно позволить себе такое удовольствие? Сбросив городской наряд, иду бегать уже босиком, в старом платье и, вся своя, захожу в "клетку".

Но городское воспитание забылось не сразу.

- Мальчики, что вы шумите, - вежливо спрашиваю братьев, а в ответ - ноль внимания.

- Че разорались, брысь отсюда! - поправляюсь я.

- Тебе отдельно положить или с нами будешь кушать? - частенько подначивает сестра.

Из родительского дома сестра упорхнула первой, после семилетки поступила в Красноуфимское педучилище. Как жилось будущим педагогам, кое-что из ее рассказов знала и я.

В одной большой-пребольшой общежитской комнате стояло 25 коек, посередине - длинный стол, за которым девочки обедали и готовились к урокам. Как водится, по субботам бегали на танцы, меняясь нарядами.

Из дома привозили продукты, кто что может. Одна девочка все четыре года привозила в мешочке картофельный крахмал: больше ничего их многодетная семья дать не могла - вот и хлебала она заваренный на воде кисель, да кое-какой привар со стипендии - а деньги нужны еще и на дорогу и на разные разности.

Конечно, подкармливали всем миром, выучилась девочка не хуже других.

Была у студенток вечерняя забава: оттолкнувшись от стены с шиком проехаться, как на коньке, на лапте по отполированному от таких упражнений полу. Все четыре года уборщица будила их по уграм, громко говоря одну и ту же фразу: "Девки, Вставай пришел, солнце в ж... уперлось."

Почти сразу после войны к нам стали приезжать родственники: садов и дач у горожан еще не было. Они приезжали семьями, дети их сначала "задавались", но, покатавшись верхом на лошадях или сходяв с пацанами на рыбалку, забывали про городские привычки. Мы к их приезду готовились загодя: сбивали масло, копили яйца и сахар, постепенно закупали то чай, то баночку кильки. Ну, и бражонку ставила мама. Однажды плотно закупоренный лагунок* на печи рвануло так, что пенистая волна, стрельнув в потолок, широким потоком хлынула с печки, смывая несчастных тараканов. Папа и мама росли в многодетных семьях, так что гостей было много, но места хватало всем. Интересные имена были у некоторых моих двоюродных сестер: Ава (Аврора), Эльвира, Крема (Кремвильда), Геля (Генриетта), да и мое имя для деревни тогдашней тоже звучало необычно - Дина (Диана). Была у родителей еще одна дочка, умершая в самом младенчестве, еще до войны, так ее звали не просто Валя, а Валерия. Вообще тогда встречались девочки Революции, а мальчики - Владлены (Владимир Ленин), Вилоры - сокращенно (Владимир Ленин, организатор революции). Когда приезжали родственники папы, выяснялось, что мама неправильно варит суп и жарит картошку. Папа, в обычной жизни неприхотливый к еде, начинал сомневаться в ее кулинарных способностях, а когда гостили родственники мамы, она обижалась, что папа, подвыпив, "цепляется" к ее сестрам, особенно к тете Асе. Она тоже жила в Свердловске - то у тети Тони, то у тети Риды, помогая по хозяйству, нянча их детей. Своих детей у нее не было - когда-то ее бросил муж: она попала в

* лагунок - небольшой бочонок

катастрофу, поэтому лицо у нее было изуродовано. Тетя Ася привозила в деревню полный чемодан дорогих, красивых нарядов, демонстрируя их перед нами. Мы ахали, заставляли ее пройтись то так, то этак, после чего довольная тетя складывала платья обратно в чемодан: ходить в них некуда, а в огороде в панбархате как-то не с руки полоть и поливать, да и репы можно нацеплять. Однажды тетя Ася взялась воспитывать нашего двухнедельного поросенка, которого мы только что купили: она окружила его такой плотной заботой, чуть ли не пеленала его и поила с ложечки кипяченым молоком, отчего тот быстро сдох...

...Ничем как будто не примечателен тот летний вечер, а вот, поди ж ты - впечатался в память на десятилетия: мы лежим на сеновале, но сон еще далек от нас. Внизу взрослые стучат костяшками домино и о чем-то негромко разговаривают, под нами вздыхает корова, а куры, сидящие на насесте, еще никак не уgomонятся, сонно-разнеженно кудахчет паруха, пряча цыплят. В ограде рыхлыми охалками разбросано полупросохшее сено и запах его, смешанный с запахом свежескошенного хлеба, который приносит с полей теплый ветерок, дурманит нам головы. Мы уже наговорились-насмеялись, на минуту все примолкли. Вдруг в тишину вошла песня: это запел Володька, наш двоюродный тринадцатилетний брат, и мы тихонько повели ее дальше.

*"Я трогаю русые косы, ловлю твой задумчивый взгляд.
Над нами весь вечер березы о чем-то чуть слышно шумят..."*

Березы шепчут о чем-то незнакомом, еще далеком, будто силятся открыть какую-то тайну, я чувствую, что меня заполняет любовь к этим березам, к деревне и дому, где перестали стучать костяшками домино: они, наверное, тоже слушают вздохи берез и наши голоса...

Летом работы в деревне - делать, не переделывать.

- Накорми кур, дай теленку поила, да начинай окучивать картошку - пора уже. Мама с Тamarой ушли на покос, папа колотит забор, Вовка рвет крапиву для кур, Лелька стережет цыплят, Сережа копает червей для рыбалки. Переделав дела, приготовив ужин, я сидела на крыльце, болтала ногами и щелкала семечки, когда пришли мама с Тamarой - голодные, усталые.

- Ты помидоры полила? - спросила мама.
- Ты же не сказала, - растерялась я.
- Запомни, дочь и все остальные тоже: мы с отцом что-то можем забыть - не ждите наших указаний. Взрослые работают - вставайте рядом, делайте, что вам по силам и чтобы я вас без дела не видела. - Она взяла ведро и пошла поливать, но я отстранила маму, взявшись за ведро сама.

Урок этот мы усвоили на всю жизнь. Сестра моя даже сейчас начинает нервничать, если руки ничем не заняты.

Может, это неправильно, может, иногда полезно прекрасное ничегонеделанье, но так уж нас воспитали...

Ну вот, написала - и захотелось погладить себя по голове - до чего же нас правильно воспитали. А ну-ка, ну-ка, пошевелим память. Ага, так и есть! Сидим все на полотах и дуемся в подкидного, шелбанами награждая друг друга за проигрыш. А вот здесь - купаемся до посинения, забыв прополоть грядки. А вот однажды... а вот когда-то... Нет, конечно же, не были родители наши деспотами, изнуряющими детей своих с утра до вечера непосильной работой, но не бегать от работы научили...

Еще не сытно живется в деревне. Разоренная войной, она вставала на ноги медленно и трудно и все-таки то здесь, то там заметны были перемены: в этом дворе корова замычала - купили, наконец-то, в том видна над крышей бани труба - печку сложили, теперь "по белому" будет банька топиться, а на той улице соломенную крышу коровника заменили на тесовую. Все чаще люди собирали "помочь", особенно солдатские вдовы: обща легче, азартней работается, тем более, что обязательная кружка с брагой ходит изредка по кругу, взбадривая уставших. Ну а после работы - кушайте, гости дорогие, не побрезгуйте угощением, да выпейте с устатку. И пошло веселье с песнями да плясками. А музыкальный инструмент есть в каждом доме - бери заслонку да наяривай по ней вилкой - "вжик-вжик".

Папа плясать не может, но энергия в нем так и бурлит, он дирижирует хором и поет сам.

- Ой, Александр Иванович, ну и сила у вас медвежья - кричит соседка по столу, вырываясь из его объятий.

- Терпи уж, раз попалась, - со смешком говорит мама, не портя застольную игру. Руки у папы сильные. Иногда он, в припадке отцовской нежности после выпитого, принимается обнимать нас. Мама не на шутку пугается, вырывая детей из цепких папиных рук.

- Александр! Шею ведь свернешь, как куренку, не заметишь даже!

Правда - удивительно, как целы остались хрупкие шейки младших - не мог он соизмерять силу в таком виде.

"Хаз Булат удалой" - слышится на улице: помочане расходятся по домам.

- Да, иди же ты, иди спать! - мама дотащила - почти на себе папу и сейчас он сидит на крыльце, поет, не давая себя увести спать.

- Закочевряжился опять, - чуть не плачет мама.

- Женщины, идите сюда, вместе петь будем, - кричит папа идущим по улице, отмахиваясь от мамы.

- Иди к нам, Александр Иванович, дадим по разочку, - озорно кричат они, не стесняясь мамы: папа любит женщин, а они его.

Мама улыбается, но я вижу, что улыбка у нее жалкая и растерянная - а я уже училась в седьмом классе и понимала оскорбительную для нее ситуацию. Обиженная за маму, я подговорила братьев, мы мгновенно взлетаем на чердак и ... "Ба-бы ду-ры" - по моей команде скандируем все вместе.

- Живо слезайте оттуда, - зовет мама не очень сердито - ей нравится наше заступничество.

Время от времени мама, доведенная до отчаяния его выпивками и последующими скандалами, грозит разводом, и даже, когда мы были совсем еще маленькими, предприняла первую попытку.

- Все! Сил больше нет! Ухожу я от тебя, - сказала она. Загнав на печку, мама сняла с нас платья-рубашки: не в грязной же одежонке начинать новую жизнь - постирав свое и наше белье, она развесила его на улицу, постоянно выбегая посмотреть, не высохло ли оно. Белье, разумеется, высохло не за минуту, и протрезвевший папа сумел ее уговорить остаться. И правильно сделал, потому что уходить нам было некуда. Выпив немного, папа становился разговорчивым, веселым, шутил с нами и с мамой, выпив побольше - начинал придирается по пустякам, вспоминая все, в чем были мы когда-то виноватыми, читая нудные нотации. Мы огрызались, пытались уложить его в постель. Это удавалось не сразу, перебранка длилась порой долго, а утром все ходили хмурые, неразговорчивые. Третья стадия опьянения всегда кончалась крупным скандалом, криками папы, плачем нашим и мамы, после чего она неделями могла с ним не разговаривать, бросая лишь односложные "да и нет".

В нем уживались два человека: первого я уважала и даже немного побаивалась, ко второму было чувство, похожее на брезгливую жалость.

Еще одну попытку развестись мама сделала позже. Еле-еле уложив папу спать, мама приступила к разделу имущества. Недвижимости у нас никогда не было, поэтому для начала она разделила "ценные" бумаги: облигации государственного займа, которые впоследствии превратились в простые бумажки. Чугуны - ухваты решила не делить и сразу открыла сундук. Нет, это был не купеческий внушительных размеров сундук, а очень скромный сундучок, на крышке которого мама написала имена всех нас. Папина кучка, в которой была пара рубашек и кальсонов оказалась так мала, что маму как громом ударило.

- Эх, думаю, Александр! Не много же ты для себя нажил, муженек дорогой, - рассказала она позже. И жалко стало мне его: совсем ведь пропал бы без нас!

- Мама, так другая-то кучка и должна быть больше на шесть человек! - говорили мы ей, смеясь.

- Все понимаю, только уж очень по-сиротски выглядело его "доб-

ро", - вот с тех пор и маюсь. Трезвый-то ведь он золотой... Это совсем уже старенькой, - сказала мама.

Они прожили трудную, но честную жизнь. Папа умер 72-х лет, мама пережила его на десять лет. Вспоминаю их с бесконечной теплотой, хотя при жизни частенько ссорились и в чем-то не понимали друг друга, впрочем, это бывает почти во всех семьях.

Девичий переполох.

Да, у взрослых своя жизнь, но хотя она проходит на виду - были в ней свои секреты, как были они и у нас. Когда я училась в седьмом классе, сестра привезла первую "развратную" книгу "Декамерон". Приходилось читать украдкой, пряча книгу под подушку, чтобы родители не увидели то, что читает их дочь. Читать в семье пристрастились рано. Иногда мы с Вовкой "терзали" одну и ту же книгу, "прикладываясь" к ней в каждую свободную минуту, поэтому к вечеру, когда с ним садились, как сиамские близнецы вместе, оказывалось, что кто-то ушел вперед. Мы при свете керосиновой лампы сбоку одолевали эту загородку из нескольких страниц. Читали все без разбора, тем более, что мама в нагрузку к урокам заведовала "библиотекой" в школе, состоящей из двух шкафов, а она передоверила это дело нам. Мы с Вовкой выдавали школьникам книги, не забывая, конечно себя. Жюль Верн и Лев Толстой, Достоевский и Горький - всего понемногу. Герои Молодой гвардии мирно уживались в голове с героями Джека Лондона, Павка Корчагин - с Тургеневской "Асей".

- Какие книги вы прочитали за зиму, - спросил меня инспектор района. Он приехал из Чернушки и пришел к маме на урок.

- "Войну и мир", "Преступление и наказание"... - начала перечислять я.

Важный гость удивленно-укоризненно посмотрел на маму - не рано-вато ли? Он задал пару вопросов по содержанию "Войны и мира" - ответ был довольно поверхностным и он, конечно, остался при своем мнении: чтением детей надо руководить.

У меня, разумеется, хватило ума не упомянуть книгу "Декамерон", а то инспектора района точно бы хватил удар.

Естественно, было любопытно открывать тайную сторону человеческих отношений - тех, запрещенных, о которых вслух, тем более у нас дома, не говорили, хотя кое о чем с подружками мы шептались, например, куда девать носы, если придется целоваться. Девчонки в седьмом классе вдруг начали строить мальчишкам глазки и писать записки. Чтобы не отстать от них, стала бросать по сторонам томно-

задумчивые взгляды, хотя этого самого томления не чувствовала ни в каком месте. По необъяснимым законам природы парни-сверстники отставали от нас, девочек в развитии: все мальчики нашего класса выглядели шуплыми недоростками, кроме, пожалуй, Ленки, сына учительницы, самоуверенного нагловатого парня. Подумав, решила: "что я - хуже других?" и тоже решила заняться любовной перепиской. Долго-долго выбирала подходящую кандидатуру и остановилась на Мишке, потому что у него по математике - только отличные оценки, это не могло не вызвать восхищение: к тому времени с математикой у меня сложились довольно-таки натянутые отношения, а вот люди, которые были с ней на "ты" вызывали интерес и удивление.

"Миша, как ты относишься к дружбе?", - записка отправилась по адресу: почта на уроках работала безотказно. Не читая, он сунул ее под тетрадь и преспокойно стал дописывать задание по русскому, с которым я справилась давно. Что-что, а русский язык мне давался неплохо. Мама даже разрешала проверять школьные тетради пятиклассников, когда ее временно переводили с младших классов на пятые классы - я училась в ту пору в четвертом. По этому поводу даже казус один случился.

- Это ты мне два кола влепила? - пылая гневом, спросил мамин ученик.

- Честное пионерское, не я - и это была правда. Мама, возмущенная огромным количеством ошибок, поставила ему жирную единицу, но, видимо, злость не утихла и рядом она влепила, разбрызгивая чернила, еще один кол, жирнее первого.

В конце урока Миша прочитал записку, небрежно скомкал ее, но ответ все-таки написал. Нет, это был не ответ на вопрос, который не очень то волновал его, он не написал даже "дура" - такую записку получила подружка на свой вопрос про любовь, нет, Мишка, отделался какой-то цитатой. А уж цитатами из книг великих людей мы были нашпигованы по самую макушку: их записывали в тетрадку и в нужный момент вставляли в разговор, демонстрируя свой "кругозор", маскируя свои не очень зрелые суждения. Та-ак, значит, дружеских отношений у нас с Мишкой не предвидится? Не очень-то и хотели!.. Но была у нас в классе девочка, у которой и с дружбой, и с любовью дело шло на полную катушку. Да и не девочка она во всех отношениях: оставшись в начальных классах дважды на второй год, она к седьмому классу превратилась в пышную девушку: свысока посматривала Рита вокруг, показывая свои зубки, один из которых был кривой, чем еще больше притягивала, и не только наши, любопытные взгляды. "Слаба на передок..." - говорили о ней взрослые, да мы и сами знали, что она гуляет направо-налево - не с нашими одноклассниками, конечно, а с взрослыми парнями и женатиками. Рита позорила не только честь советской комсомолки,

но и школы вообще. У нас и мысли не было обсудить ее недостойное поведение на комсомольских собраниях, а я была комсоргом. - На повестку дня выносились более конкретные вопросы, например, мы с комсомольским задором бичевали двоечников, опоздания на уроки или драки, которые случались даже у комсомольцев.

Лекции на тему любви и дружбы читали иногда в клубе лекторы из райкома комсомола, слушая их, мы понимали, что "любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне", как, видимо, думала Рита. Дружба, а позже и любовь, должны помогать комсомольцам в работе и учебе в институте, но ведь не в школе же!.. А в седьмом классе лучше дружить по-хорошему, и когда все-таки придет любовь, то это светлое чувство нужно пронести через всю жизнь, не оскорбляя его дурными помыслами.

Взрослые девушки, не стесняясь, задавали лектору вопросы: "Надо ли закрывать глаза, когда целуешься или не надо?" Честно говоря, мы уже обсудили с девчонками этот вопрос, но к однозначному выводу не пришли. Ну, так не задавать же такие вопросы при всех! Впрочем, лектор, на них не отвечал, отделяваясь какой-нибудь цитатой, видимо, он тоже записывал в тетрадочку умные мысли.

Однажды в школе случился "девичий переполох". Кто-то сигнализировал наверх, что в отдельно взятой советской школе наблюдается падение нравов. Вряд ли об этом сообщил директор, лысеющий пожилой мужчина: он в ту пору прямо-таки пылал страстью к сельской красавице Стеше. Директор чуть было не лишился партбилета и директорского кресла, но усадил - пожалели, оставили то и другое. Наверное, он на собрании покаялся, как обычно каются все расшалившиеся дети: "Простите, я больше так делать не буду!", - и остался в своем кресле, хотя "так" он делать продолжал, только более конспиративно побегивал все-таки к Стеше.

Придя утром в школу, я сразу почувствовала необычайное волнение среди одноклассников. Класс четко разделился на две группы мальчиков и девочек. Во второй группе шло бурное обсуждение, а когда я узнала, что именно они обсуждают, то чуть было не повернула назад. У нас должен быть медосмотр, но не тот, который проводит раз в год Анна Ильинична - деревенский фельдшер. Нет, будут осматривать только седьмой класс, к тому же не всех, а только девочек, да не только послушают и в горло заглянут, а совсем даже наоборот. А врач - мужчина, приехавший из райцентра! Домой я все-таки не сбежала, но от почти принудительного медосмотра осталось чувство униженности, беспомощности перед лицом обстоятельств.

Мы так и не узнали, как обстоят дела у нас в классе с моральным обликом, но все-таки думаю, что девушка Рита - единственная, кто потерял девичью честь. А ее надо было беречь как минимум до совершеннолетия, максимум - до свадьбы. Это мы не только из книг знали, но из

деревенской жизни тоже: бывало, что какая-нибудь бойкая тетушка невесты с шутками и прибаутками демонстрировала собравшимся гостям наутро после свадьбы чистоту невесты, тряся простыней, расцветшей за ночь алыми розами. И не одна мамаша ждала со страхом и надеждой другого свадебного ритуала. Жениху выносили поднос, на котором стояли рюмки с белым и красным вином - теща довольно улыбалась, если зять брал рюмку с красным вином, и сникала, когда он с нагловатой ухмылкой поднимал другую: вот мол, тещенька дорогая, подсунули мне девицу с брачком, не доглядели-с, мамаша, за дочкой-то!

Про "минимум", пожалуй, тоже зря сказала - могли ведь по старинке и дегтем ворота измазать, не отскребешь, не отмоешь их, а с краской туго было, никаких денег бы не хватило, что бы скрыть позор. Так что с девичьей честью полагалось быть аккуратней.

Однажды Ленька, сын учительницы, позвал меня кататься на велосипеде. Велосипед в деревне был у него единственный, а потому он здорово важничал - кому-то даст прокатиться, а кому-то и шиш покажет. Его частенько окружали мальчишки, которые бегали за его велосипедом и кланчили прокатиться. Я очень удивилась, когда парень сам предложил свой велосипед мне. Он посадил меня на раму и мы выехали за околицу. Ленька проехал на своем железном коне туда-сюда - только спицы сверкали, а потом сказал:

- Теперь давай ты!
- Боюсь. Не умею я!
- Садись, я поддержу.

Решившись, неуклюже села в седло, вилля рулем проехала несколько метров и чуть не грохнулась, но успела соскочить, спасая машину от неминуемой восьмерки.

- Дашь еще? - спросила я подбежавшего Леньку.
- А ты мне да ш ь?

Посмотрела на него с удивлением - в его голосе чувствовалось какое-то напряжение, да и слово "дашь" он сказал как-то подчеркнуто значительно. Что к чему - до меня дошло не сразу, я растерялась и стала лихорадочно вспоминать подходящую цитату.

"Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!" Нет, совсем нет то. "Умри, но не давай поцелуя без любви!" - уже горячее, но если уж выбирать, я бы, наверное, все же выбрала поцелуй, пусть и без любви, потому что умирать все-таки не хотелось. Да ведь он, кажется, не поцелуй просит, а меня не то, что н а э т о, даже на поцелуй не тянуло, тем более с ним. Дружить мы с ним не дружили, записками не обменивались, учился он средненько, а вот, поди ж ты! Я еще раз украдкой взглянула на парня: лицо его было красным и потным, а из каждого прыща выглядывал гормон. Слова этого мы еще не знали, но догадывались, что есть в людях что-то такое, что в

определенном возрасте заставляет делать всякие глупости - вот как Леньку сейчас.

Прышей у парня было много, значит и этого самого, чему пока мы не знали названия, тоже было много. Позже узнала название: гормоны. Они, видимо, давно по нему бегали и шекотали его, он суетился, нервничал, торопился стать взрослым. Так и не вспомнив подходящую цитату, я молча пошла домой, на затылке, на спине, на всем теле чувствуя его липкий взгляд. Это было неприятно, неудобно как-то...

- Ты чё жопой-то вертишь - неприязненно спросила меня одна немолодая девушка двадцати двух лет, которая работала дояркой в колхозе и крутила любовь с деревенским гармонистом, чем смутила меня несказанно. Мне казалось, да это и действительно было так, что я хожу вполне нормально во всех смыслах. Может, она имела ввиду что-то другое? Так мне ее гармонист даром не нужен, как и никто другой. На всякий случай подобрала то, что было сзади, но тогда выпячивался живот и походка, стала тяжелой, как у статуи командора. Мама, раз-другой взглянув на меня, на всякий случай провела беседу о нехороших девушках, которые в "подолах" приносят, а потом к месту и не к месту бросала: "Манька - то, слышала, ребенка ждет, а о свадьбе что-то не заговаривает, мать ее извелась совсем!". Или: "Верку вчера видела, ну и шалава: хвостом крутит - все мужики за ней, смотреть противно!"

Такие разговоры раздражали, из чувства противоречия хотелось хоть завтра принести ребеночка - чисто теоретически, конечно, больше всего меня возмущало то, что мама не доверяет мне...

Тропинки.

Цок-цок-цок - так стучат каблучками городские девушки, будто гвоздики в асфальт забивают. Хлоп-хлоп-хлоп - а это хлопаем своими лаптями мы, шагая в школу за двенадцать километров: в нашем селе только семилетка и в восьмой класс мы пошли в другое село - Рябки. За плечами - матерчатая котомка с продуктами и учебниками. В Рябках мы в лаптях уже не ходим: переобуваемся в резиновые сапоги, а кое-кто шеголяет в новинке сезона - в резиновых ботах с каблучками - появились они и у меня. В городах носили такие ботики еще до войны, а после войны, почти через десятилетие, дотопали они и до деревни. Городские модницы надевали их поверх туфелек с каблучками, мы же вставляли в полые каблучки баклашки, поддевали шерстяные носки и - топ-топ. Или хлоп-хлоп, если на улице льют дожди и дорога раскисла. Грязь иногда так засасывает наши сапоги или боты, что вышагиваешь из них прямо в носке. Деревянные каблукы были по пяткам - ничего, мода требует жертв...

Дорога между нашими деревнями проселочная, мы идем стайкой в

шесть человек - столько нас пошло из Ананьина в восьмой класс в другую школу. Ля-ля-ля, ля-ля-ля, - о чем только не поговорим дорогой. Мальчишки, чуть впереди, о своем, ну и мы о своем, девичьем. Пройдя около десяти километров, разговоры становятся не такими бойкими, шаг замедляется и тогда ... "Три танкиста, три веселых друга...", или другую какую-то песню затягивает кто-то один, ее подхватывают все и вот уже отстающие подтягиваются и усталость куда-то уходит. Еще чуть-чуть и видны первые дома, сюда же стекаются ребята из других деревень - школ десятилеток в районе всего четыре: после семилетки многие школьники шли в ремесленные училища и техникумы, чтобы скорее получить специальность, обязательного среднего образования тогда не было. К тому же дети колхозников должны были платить за обучение по 50 рублей, деньги по тем временам немалые. Мы, учительские, от платы за учебу были освобождены.

Дойдя до Рябков, расходимся по избам, где квартируем до субботы. Утром, выпив чаю, чистим картошку и хозяйка ставит в печь чугунок с похлебкой нам к обеду. Иногда во время перемены бегаем в "чайную" напротив школы, где можно недорого заказать кашу и чай, а то и просто чай с хлебом, если денег осталось мало. Старшеклассники учатся на втором этаже двухэтажной школы, в перемену все выходят в коридор, где под "тра-ля-ля" устраиваются танцульки.

- Динка, тебя! - Соседка по парте толкает меня локтем.

Секунду другую я еще там, с героями книги, которая всегда лежит у меня на коленях, но вот и до меня доходит раздраженный голос учителя - Короткова, ты что, уснула там?

Я засовываю книгу в парту, встаю медленно-медленно, чтобы успеть взглянуть в учебник, собираясь с мыслями, также медленно иду по ряду, ловя на ходу две-три подсказки. Выйдя к доске, уже примерно знаю, о чем идет речь. Хорошо, если литература или естествознание, а вот если алгебра или геометрия... Синусы и косинусы наводят на меня уныние. Там, у доски, у всех на виду, как-то враз исчезают все отрывочные знания, которые как будто водились в голове. Тяжело вздохнув, с грехом пополам, с помощью учителя и ребят, шепот которых долетает до меня - в этот момент у меня обострятся слух, даже уши, кажется, увеличиваются в размерах, улавливая любую подсказку как сверхчувствительный локатор, довожу задачу до конца. Выслушав приговор учителя: тройка или тощая четверка, облегченно вздыхаю - слава богу, казнь миновала. Возвращаю очередной роман на свое законное место - на колени.

Да, математику я не любила, разумеется, не жаловала физику, геометрию, с физкультурой не дружила тоже. А что остается? Маловато...

15-17 лет - возраст самокопаний, поиск ответов на вопросы. "А кто ты есть на самом деле? Для чего живешь?" и конечно - что о тебе дума-

ют учителя и одноклассники? Долго-долго пыталась найти в себе что-нибудь такое, чем могла бы удивить мир - результаты были неутешительными. Старшеклассники часто готовили концерты и ездили с ними по деревням. У всех одноклассников были таланты: Валя Глухова пела, девчонки разучивали танцы, кадрили, например, а я все время путала фигуры и сбивалась с ритма. Галя Оглезнева была хорошим организатором, а у меня даже таких способностей не было. Результаты исследования собственного "Я" афишировать не стала. К тому же, будучи по природе патологически застенчивой, старалась скрыть этот недостаток одним единственным способом: вела себя достаточно дерзко. Не догадываясь о моей несостоятельности, на концертах мне давали сказать пару-тройку фраз в модных тогда литмонтажах, в спектаклях поручали роли, правда, "второго" плана и в хоре тоже пела, стараясь петь не особенно громко. Кто-то пел первым голосом, кто-то вторым, а я сильно подозреваю, что пела первым и вторым, даже третьим и четвертым, не зная даже, существуют ли они в природе? И в диспутах доводилось вставлять свое слово, а мы проводили их множество, например, "Твой любимый герой, которому ты хочешь подражать" "Комсомольцы - передовой отряд советской молодежи". В передовых, точно помню, меня не было, но умудрялась не быть и в числе отстающих. Всех нас, таких разных, объединял Юра Андрианов, инициативный и неугомонный, ставший позже директором нашей школы. Он через каждые пять лет собирал нас, бывших выпускников "для отчета" - как же мы ждали эти встречи, как нам хотелось увидеть друг друга!

- Ты казалась нам высокомерной, будто не желала снизойти до нас, простых смертных, - сказала мне в достаточно зрелом возрасте Зоя Рогова, моя бывшая соученица - тогда она была скромной трудолюбивой девочкой, тоже из многодетной семьи: младшие ее сестры учились с моими младшими братьями.

Вот так. Перестаралась, голубушка, маскируя свою робость...

Я по-прежнему сидела за партой с низко опущенной головой, во-первых, потому, что на коленях лежала книга, во-вторых, уже с четвертого класса у меня обнаружилась близорукость, причем значительная. Но в детстве, а особенно в юности - кому охота носить очки, тем более, что тогда "очкариков" в школах почти не водилось, да и очки были с грубой роговой оправой, никак не украшавшей лицо, не то, что сейчас. Очки я надевала только тогда, когда надо было списать у рядом сидящей соученицы. Из-за зрения своего у меня вечно случались всякие истории. В школе ввели трудовое обучение и однажды мы пошли на ферму доить коров. Деревенские дети этому делу были обучены с малых лет, но, видимо наш подход к корове был ненаучным, если нас решили этому делу обучать заново. После первой же дойки оказалось, что даже по науке дергать за коровьи сиськи приходилось точно так же - доильных аппаратов еще не

было, да и молоко на вкус было не гуще и не слаще. Однажды чуть было сослепу не подоила быка: уже пристроилась с ведром возле него, как вдруг он повернул голову с такими страшными рогами, что я их разглядела невооруженным взглядом, тут же отскочив от него на приличное расстояние. Бык считался очень свирепым и не поднял нахалку на рога только из-за неожиданности.

Ходила опять же из-за своей близорукости ни на кого не глядя, вроде бы вся устремлена вперед и погружена в мысли свои, а если обиженные одноклассники, с которыми сталкивалась нос к носу, выговаривали за то, что не здороваюсь, отвечала - извините, мол, подружки дорогие, сильно задумалась, не заметила вас. Представляю, что думали учителя, когда я каравеллой проплывала мимо них "ноль внимания, фунт презрения". Из-за этого тоже казалась я девушкой заносчивой. Позже, когда пошла пора свиданий, мне тем более пришлось маскировать свою близорукость: свиданья молодым людям назначала в уединенном месте, чтобы, придя на встречу, как и положено, с опозданием, кинуться к своему парню, а не к первому встречному. И кинофильмы, если поход в кино был запланирован заранее, смотрела на дневном сеансе сначала одна, чтобы вечером реагировать в нужных местах правильно. Но это еще впереди, пока что до свиданий еще далеко, хотя, не буду врать, мальчики на меня посматривали, особенно те, что постарше, да и я уже научилась бросать кокетливые взгляды вокруг, никого в отдельности не замечая - так, на всякий случай...

Вернусь к школьным будням.

Школа наша, хотя и была сельской, но события, происходящие в стране, знала. Только-только появились в деревнях черные тарелки репродукторов, но газеты были у нас в большом количестве. Каждую неделю кто-нибудь из нас делал политинформацию: сначала обзор событий в мире, потом в стране, области, районе.

Мы еще не научились читать между строк и свято верили всему, что писали в газетах и говорили учителя. Судя по отцу, который до конца жизни оставался истинным коммунистом, учителя тоже верили, что мы строим самое лучшее в мире общество, с жалостью читали мы о положении рабочих в каком-нибудь Гондурасе. Не верить было невозможно. Перед самой войной вершились великие стройки, делались великие открытия. Только-только закончилась Великая Отечественная война. Всё было масштабно, захватывающе, страна жила в едином порыве, строила, пахала, училась.

- Ну и что вы добились с вашим энтузиазмом?- услышала недавно в магазинной очереди: холеному молодому человеку надоело ждать, когда скромно одетая старушка выберет, наконец, малюсенький кусочек мяса - подшевле.

- Да кое-что сделали - с достоинством ответила женщина, - вы столько

лет страну разворовываете, а пока еще стоит. Сами-то вы ничего почти не производите, а нашими запасами живете безбедно, пошустрее нас оказались, дай Бог вам здоровья...

Впрочем, не хочу углубляться в эту тему: сердце саднит и кровотоцит от вида обрушившегося здания, в котором жили мы все эти годы. Не все, не все надо было громить бездумно. Нет, совсем небогато жили мы, но были счастливы по большому счету и мне жаль молодых с их корытным "счастьем", когда вижу их потухшие взгляды пресыщенных жизнью старичков, да простит мне читатель за публицистические отступления... Да, были мы наивными и по-своему верующими, но молились не золотому тельцу, как сейчас. Нашими героями были Павка Корчагин и молодогвардейцы, стахановцы и летчики, души наши были чисты и бесхитростны, а сознание не затуманено наркотой да "клинским".

Но - достаточно "публицистики", хотя как можно писать о тех годах, не упомянув о том стержне, за который держались мы?..

Мы ничуть не сомневались в правильности пути, по которому вел нас товарищ Сталин, и смерть его переживали как смерть самого близкого, родного человека. На третий или четвертый день после похорон я была буквально потрясена, увидев учителей: они шли, на ходу о чем-то разговаривая и смеясь. Значит, можно жить и смеяться даже после смерти любимого вождя?

Действительно, жизнь продолжалась, да еще какая: там, наверху, делили власть, а до нас долетали отголоски. Мы с удовольствием распевали первую политическую частушку:

*"Берия, Берия, потерял доверие,
Появился Маленков, надавал тебе пинков".*

Потом надавали "пинков" Маленкову, Молотову и "примкнувшему" к ним Шепилову, чехарда закончилась, штурвал перехватил Н.С.Хрушев. Нам объявили, что наше поколение будет жить при коммунизме и мы стали готовиться.

Где-то вверху решили провести эксперимент: в школьном коридоре поставили стол, на котором выложили ручки, карандаши, тетрадки и блюдечко для мелочи - отныне каждый из нас мог взять все что хочет, расплатившись без продавца. Надо - не надо, мы подходили - чаще группами и демонстративно отсчитывали мелочь. Но ростки коммунизма быстро засохли: кто-то из нас оказался еще не готов жить при коммунизме - стол без лишних слов убрали, о результатах опыта нам ничего не сказали.

Тени.

*Разверзлась земля под ногами,
Раскрыв потайной лабиринт.
А там - тени прошлого, камни,
Огарок чадаяще горит.*

*И предки проходят, безлики...
Тень жертвы... А где - палача?
Роняет неровные блики
На всех равнодушно свеча.*

*Огня бы, огня бы поярче!
Что в сумраке можно узнать?
Героя порой за паяца
Так просто сослепу принять.*

*А время, зависнув над нами,
Открыло не все тайники.
Меняются тени местами
От взмаха Всесильной руки.*

Весна. Май. Как всегда мы вышли гурьбой за околицу Рябков, потому что суббота, потому что торопимся домой. Подойдя к реке, ахнули: обычно спокойная, она разбушевалась так, что снесла мостик и разлилась, выйдя из русла - не подступиться.

- Что делать-то будем? - расстроено спросил кто-то.

- Что-что, - поворачивать обратно, - решили наиболее разумные.

Я осталась одна. Ох, нет, не буду клеветать на себя - не была я настолько легкомысленной, чтобы не понимать, чем грозит мне принятое решение. Но уже к среде-четвергу я начинала отчаянно скучать по дому: даже в мыслях не допускала, что еще на неделю придется остаться у чужих людей. Еще не порвалась, не истончилась даже связь с домом, а понятие "дом" - емкое. Оно включает в себя многое: потрескивание дров по утрам в печи, парное молоко, запах - ни с чем не сравнимый запах свежeweымытого некрашеного пола, когда он, оттертый голиком с золой и даже отскобленный ножом - беленький, влажный, будто заново открывал свои поры, отдавая людям то, что впитал в себя еще будучи зеленым деревцем, когда оно шелестело листвою и тянулось к солнцу; негромкий разговор папы с мамой, что пора мол, купить велосипед и нашим ребятишкам, крики мальчишек, играющих на улице, письма сестры. Дом, наконец, это и мои слезы, беспричинные, казалось бы - ну

никак не могла объяснить маме, почему они закапали, сладкие, когда мы с ней сидели однажды в кухне. Она гладила белье, я тоже что-то делала, в доме пахло едой, занавески трепал ветер, влетевший в раскрытые створки, а на стене подрагивал солнечный зайчик, отраженный водой в ведре. Почему я заплакала тогда? Потому ли, что папа с мамой накануне поссорились, а потом помирились? Или потому, что я любила их, но не могла выразить свою любовь словами и она, любовь эта, заполнив меня, хлынула через край потоком детских слез?

Была я, наверное, очень "домашней" девочкой, не спешила, не готова еще вылететь из гнезда и две недели подряд казались невыносимым сроком. Очень хотелось побыть дома, подпитаться его духом, иначе мне будет плохо. Потом у меня появится другой дом, и я также буду спешить в него, но пока этот - единственный и я иду к нему...

Постояв и подумав, я свернула с дороги, зная, что где-то поодаль над рекой лежало подгнившее дерево. Снег почти сошел, но кое-где лежали зернистые, пропитавшиеся влагой пласты его, я шла, оставляя на них черные большие следы лаптей, иногда по колено проваливаясь в ямки с талой водой, опасно близко подходя к реке - из-за разлива трудно было понять, где само русло, а где не успевшая схлынуть вода. Выбирать дорогу посуше было бессмысленно, все равно ноги были давно мокрые. Упавшего дерева долго не могла найти, хотя блуждала долго и уже отчаявшись, уже подумывая, не повернуть ли обратно, увидела то, что искала. Встав на четвереньки, скользя, почти срываясь, переползла на другой берег и облегченно вздохнула. Ноги ооченели - пришлось достать из котомки грязное белье: в чужом доме постирушками заниматься мы стеснялись. Намотала на одну ногу трусы, на другую комбинашку. Стало чуть теплее, но не надолго, поэтому пошла быстрым шагом, чтобы окончательно не заоченеть. Дома впервые кинулась не к винегрету - мама всегда готовила к моему приходу большое блюдо, а в баню и потом рано утянулась спать, с тайной надеждой заболеть. Как бы не так! Ни чиха, ни кашля в себе утром так и не заметила, хотя долго прислушивалась к себе.

Папа строго-настрого предупредил, чтобы в Рябки я шла в обход, через центр, поэтому выйти пришлось с утра. В общей сложности прошагать надо было 27 километров, зато дорога была трактовая, дошла сухой ногой. Два раза меня обгоняли машины, на мое голосование - ноль внимания, так что в конце пути ноги мои заплетались.

Вот уже почти год, как мы топаем в школу туда-сюда - в субботу домой, в воскресенье обратно. В мае, когда лес одет в кружево первой прозрачной листвы - ходить по проселочной дороге - одно удовольствие. Запах - одуреть можно, дышишь не надышишься тем воздухом - чистым, ничем не оскверненным, а птиц в лесу такое множество, что их весенний гомон перекрывает наш. Сейчас и в лесах птиц - наперечет, и в

садах не лишку - прилетит откуда не возьмись стайка прожорливых дроздов, поклюют ягоды и была такова...

Сколько километров проходила я по этой и по другой дороге - не счесть. К девятому классу переехали мы в другую деревню, поближе к школе. Семь километров - это все-таки не двенадцать, да и дорога тракторная, туда-сюда ходят машины, в основном грузовики да лесовозы. Школьники частенько голосовали и ехали на открытой площадке лесовоза, вцепившись в кабинку; на рытвинах машину подбрасывало так, что казалось: еще рывок и пакет хлыстов, порвав крепеж, рассыплется или приткнет тебя хлыстом к кабинке - мокрого места не останется. На поворотах машина порой кренилась так, что непонятно, какая сила нас хранила - могли бы посыпаться как горох под колеса тяжелых машин.

- Кукушка, кукушка, сколько нам осталось жить лет? - спрашиваем мы, хотя о конце жизни в 16 лет не думает никто.

Щедрая кукушка отсчитывает много-много лет, конечно счастливых, радостных, как думалось нам, потому что мы опьянены весной, молодостью и по-щенячьи радуемся жизни. Казалось все, чего бы мы ни захотели - обязательно сбудется...

- А где мама? - По каким-то неуловимым признакам чувствуя ее отсутствие в доме.

- В больницу положили, - сообщил Сережа, который мял картошку для поросенка. Вовка уже вышел во двор с подойником, но, увидев меня, сунул ведро: "Во время пришла!" и пошел кормить поросенка.

- В комнату пока не входить, пусть просохнет, - предупредил Лёлька, нет уже не Лёлька, а Олег.

- Зовите меня Олегом, - потребовал он, перейдя во второй класс, сейчас он уже в пятом, смешно, по-мужски выжимает тряпку, домывая пол.

- Папа, может недельку мне побыть дома, пока мама в больнице? - спрашиваю на всякий случай, заранее зная ответ.

И ответ последовал:

- Скоро экзамены, забыла?

- У ребят ведь тоже экзамены, - не сдаюсь я.

- Мы здесь все вместе. Справимся ребята?

- А что - справимся, - чуть ли не хором отвечают младшие.

Вот оно - настоящее мужское братство. Им-то хорошо, они все вместе...

Вспомнила про экзамены. Ох уж эти экзамены! Много же мне пришлось сдавать их в жизни - а в то время в школах экзамены проводили с четвертого класса. Потом - экзамены в медучилище, а дальше в институте. Да и в повседневной жизни каждому из нас приходилось дер-

жать экзамены перед людьми, перед собой. Вся жизнь - сплошные уроки да экзамены.

Мама рассказывала однажды свой профессиональный кошмарный сон - у каждой профессии они свои. Учительский сон один и тот же: к ней на урок внезапно приезжает инспектор района, у нее нет плана урока, новый материал излагает путано, ребята отвечают отвратительно и совершенно не слушают ее, разговаривают, громко хохочут, даже выходят из класса без разрешения. Кошмар!

Мой же страшный сон, который вижу с завидным постоянством, с профессией не связан. Снится экзамен по алгебре или геометрии, я вытягиваю билет, который знаю хуже всего - потому что именно его откладывала на "потом", задача не решается, в голове ни одной светлой мысли, ребята заняты, подсказать не могут, а тут еще учитель видит мою шпаргалку и выхватывает ее из рук. Мне никогда не доводилось досмотреть этот кошмар до конца, потому что всякий раз просыпалась в поту со страшным сердцебиением. Нынешние психологи обязательно бы сказали, что у меня сильно занижена самооценка, потому и экзаменов боюсь. Ну вот, мысли мои забежали вперед на много лет...

А что делается здесь, дома?

- Диана, ты бы помогла Владимиру дошить рубашку к выпускному вечеру.

Всех нас папа зовет исключительно взрослыми именами, никогда не пользуется уменьшительными, домашними.

- Не лезь, сам справлюсь, - предупредил меня Вовка.

Да ему и дошить-то осталось всего ничего: из маминой кофты, серой, в черную полосочку, он выкроил и уже дошивает вполне симпатичную рубашку на первый свой выпускной вечер - седьмой класс все-таки.

Поняв, что остаться дома никак не светит, в воскресенье с утра засобиравшись в дорогу - надо было навестить маму. Лежала она в Чернушинской больнице, значит все двадцать семь километров - мои. На этот раз мне повезло - остановилась машина, кузов которой доверху загружен мешками с картошкой. Вместе с ними меня основательно встряхивало, но это - пустяки, зато ноги меньше намаяла: пешком осталось идти всего тринадцать километров.

Великое переселение.

- Мы переезжаем в Зверево, - объявили однажды родители.

Они уже давно обсуждали вопрос, куда бы переехать, чтобы было поближе к десятилетке, вот и нашли одно учительское место в деревне Зверево.

- А мама работать не будет? - удивились мы.

- Пускай дома сидит, наработалась уже, через месяц 55 лет, - объяснил папа.

Про юбилей мы знали и уже готовились вовсю: парни что-то выпиливали лобзиком, да и мы с Тamarой не оставались в стороне. Вообще мы дни рождения отмечали всем: мама шаньги стряпала такие, что никаких тортов не надо. Только у Олега день рождения был неудачным: он родился в конце августа, а в это время мама с папой уезжали в район, на августовское учительское совещание - зато всегда привозили оттуда гостинцы: связки сушек и пряники, да какие-нибудь нехитрые обновки...

- Одна ведь зарплата будет, как жить будем? - вздыхает мама, - пенсия учительская сам знаешь какая...

- Проживем, - сказал папа.

- Проживем, - поддержали мы его, особенно Сережа.

Он у нас был "заготовителем" - собирал грибы, драл лыко и сдавал в сельпо, а мы летом в колхозе работали. Первый раз он вбежал, светлый от радости:

- Папа! Мама! Не беспокойтесь, мы теперь хреном жить будем.

Это он хрен накопал, сдал и принес в ладошке несколько монет. Однажды с ним конфуз приключился: решил Сережа заработать побольше, положил в связку лыковой коры несколько камешков, они выпали в самый неподходящий момент - при взвешивании. Председатель сельпо, смеясь, рассказал папе о Сережиной выходке.

- Да уж не ругай ты его, Александр! - сказала мама.

- А вдруг жуликом вырастет?

Ругать папа Сережу не ругал, но поговорить все-таки поговорил. Нет, жуликом Сережа не стал, это уж точно...

Только-только выгрузили мы вещи с маленького грузовичка у крыльца и побежали смотреть новое наше жилище.

- Ой, какая маленькая школка, - удивились все.

Школа была малокомплектной, мы уже знали, что это такое: в одной классной комнате учатся дети двух возрастов: 1-3 классы, и 2-4 классы. Такие школы нередки в маленьких деревушках.

- А мы будем жить в кухне! - папа распахнул двери маленькой кухоньки. В нее вместились двуспальная кровать, стол с лавкой да небольшой шкафчик для посуды.

- А остальные вещи куда? - мама скептически огляделась.

- Несите в пионерскую комнату, - папа видимо уже все обдумал.

Там, на четырех квадратах, разместилось остальное наше имущество - навалом.

В кухне были просторные полаты - наша спальня. По праву старшей мое место с краю, а мальчишки спали у стенки. Как и в обычных

жилых домах, монументально возвышалась русская печь. В крестьянской жизни у нее особая роль: что обед приготовить, что валенки высушить, что бока согреть - все к ней, родимой. К печке, как дочка к матери, прижалась плита, в которую вделан котел: в нем кипятилась - грелась вода, для нужд школы, да и маме облегчение - не надо туда-сюда чугуны в печке ворочать, грея воду для стирки или для коровы, но из-за котла в кухне частенько стоял парёж. По утрам клубы пара поднимались вверх и заполняли полати. Тесноты мы не замечали, потому что приходили из школы тогда, когда в этой, папиной, занятия уже давно кончались, так что оба класса наши - хоть пляши, хоть уроки делай.

Когда наступало лето, вся школа была в нашем распоряжении: начиналось великое переселение. Ребята выносили из классов парты в коридор и составляли их друг на друга. Мы с мамой, вымыв полы, устраивали в одной комнате парадный "зал", а в другой - спальню. Из пионерской комнаты, превращенной в склад, выносились две железные койки. Сетка на них была не панцирная, на которой покачаться можно, а обычная, да и матрацы не пружинные, а соломенные - мы каждый год их набивали заново. Вначале они возвышались внушительной горой: казалось, что с такой кровати можно скатиться во сне на пол, но нет, через пару недель солома уминалась и постель принимала привычную форму. На кровати мы расстилали подзоры - выстроенные или связанные нашими руками - они кокетливо выглядывали из-под покрывала. На середине комнаты ставился круглый стол, тоже покрытый кружевной скатертью и венские стулья.

- Сходите-ка в магазин, я что-то купил, - загадочно сказал однажды папа.

Магазин был рядышком, и через несколько минут ребята втащили в полупустой зал диванчик. Нет - нет: он и рядом не стоял с мягкими пышными нынешними диванами: был он деревянным, выкрашенный ярко-голубой краской - диван сразу внес праздничный вид и уют.

Украшением в комнате были цветы, особенно огромный фикус, позже высмеянный как пережиток мещанства: сильно ополчились почему-то тогдашние литераторы на фикус, а в особенности на абажуры. Что касается абажуров, то их у нас и не было: лампочки были "голыми". Да хорошо, что были: в старой деревне все еще сидели с керосиновыми лампами - а шел уже 57-й год.

Спальня - другая классная комната, тоже была своеобразной: на полу расстилались ватные одеяла, которые на больших пятах мама стежила сама.

Мне нравилось укрываться "манто" - так мама называла плюшевое пальто, которое папа подарил маме в год моего рождения. Это был шикарный подарок: не все женщины могли похвастаться плюшевыми жакетками, а тут целое манто.

Плюш был отличной выделки и больше походил на бархат, к тому же и подкладка была атласная - в летнюю жару она прекрасно холодила тело: простыней у нас еще не водилось.

- Ребята, раскопайте землю возле забора, - сказал папа после переезда.

- Зачем? - удивилась мама, - огород большой, хватит.

Действительно, в большой школьной ограде был и огород, и сарай для нашей коровы.

- Малину посадим, - объяснил папа.

Мама с удивлением посмотрела на папу, ничего не понимая. Колхозники свои огороды ягодой-малиной не занимали, хочешь - иди в лес, там всего полно.

- Буду малину продавать, глядишь, деньги для школы будут на всякую мелочь.

- Ничего себе, размахнулся папа! - удивился Вовка

- Да кто же у тебя малину-то будет покупать, - засмеялась мама, - чушь какую-то придумал.

- Мало ли... вон сколько горожан летом в деревню приезжает, - упорствовал папа.

- Да ничего у тебя не получится, даже не мечтай! Фантазер!

Мама была права. Техничка Феня летом сумела продать всего литр малины, так что затея папы с треском провалилась

- Откуда ягоды? - спросил однажды папа, увидев на столе к обеду малину: он знал, что мы в этот день в лес не ходили.

-Здесь собрали, - сказала мама, не чувствуя подвоха.

-Ты должна в школьную кассу... - папа подсчитал и назвал сумму.

-Ты, Александр, совсем сдурел, что ли? - мама не на шутку возмущалась, - А малину кто садил? Они, между прочим, и твои дети.

-Ты что - шуток не понимаешь? - поспешил папа погасить ссору.

Мы с ребятами переглянулись и фыркнули. Зная папу, вполне можно было предположить, что если бы мама не осадил его, то пришлось бы из кассы семейной, которую держала мама, перекладывать в школьную, где брэнчала мелочь - уже школьная.

-А папа теперь директор? - спросил Сережа.

-Директор, директор, - засмеялась мама.

Штат сотрудников у папы не велик: кроме него в школе работала еще одна учительница да уборщица, она топила по утрам печи в классах, а вечером делала уборку в школе.

-Вон ЗИС идет, - сказал Сережа, выглянув в окно.

Так ребята прозвали Зверева Ивана Сергеевича, председателя колхоза, по марке грузовичка, бегавшего по деревне, вот только номер

каждый раз увеличивали на число прожитых им лет - сейчас он был ЗИС - 51.

Папа постучал в окно, и председатель свернул в школу: как только мы переехали, они стали друзьями и в праздники и в будни, частенько решали не только сиюминутные проблемы, но и за бутылкой вина - вопросы мирового масштаба.

-Так ты говоришь, колхоз у тебя богатый, - будто продолжая начатый разговор, сказал папа.

-Сам ведь знаешь, Александр Иванович, не тани - для школы что-то надо?

-А давай-ка, Иван Сергеевич, организуем бесплатные завтраки для детей. От колхоза не убудет, всего- то и надо ведро молока да хлеба. Да пора в школе и полы красить, хватить Фене грязь ножом скоблить, так уж разорись и на краску. Вопрос решен: детей стали подкармливать бесплатными обедами, а пол школы, выкрашенный впервые в жизни, засиял, как "пасхальное яичушко"...

Чуть отвлечусь от бытовых тем: выражение "пасхальное яичушко", мама иногда в речи своей употребляла, а вот самих пасхальных яиц в доме у нас никогда не было. Папа был атеист и, естественно, религиозных праздников мы никогда не справляли. Специальных бесед на тему "Бога нет", с нами папа не проводил, это было само собой разумеющееся, достаточно было того, что атеистами нас воспитывала школа: "Религия - опиум народа". К тому же там, где жили раньше, церкви были разрушены задолго до нашего рождения. А здесь, в Звереве, стояла она прямо напротив школы, рядом с колхозным клубом.

На первых порах мне было любопытно, и я несколько раз с подружками заходила в храм: выкрашенный голубой краской, он выгодно отличался от черных деревенских изб, да и от школы тоже. Там шла своя таинственная жизнь, незнакомая и непонятная мне. В церковные праздники со всего района стекались люди - церквушка была единственная во всем районе. В основном это были пожилые верующие, но были, хотя и очень редко, молодые. Помню, как однажды подкатил тарантас, из него выпрыгнул парень и подхватил девушку на руки: молодые приехали венчаться. Под каким-то предлогом выскользнула из дома и с любопытством смотрела на обряд венчания - это было красиво и торжественно, как в кино, не то, что в сельсовете расписаться.

По прошествии многих десятилетий в храме, нечасто, правда, бываю, неумело молюсь. Перед сном, тоже не всегда, читаю: "Отче наш. Иже Еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое"...

Обряд крещения приняла, когда было далеко за 50. Подтолкнула беда, случившаяся с Олегом. "Если с ним все обойдется, обязательно окрещусь" - вызрело решение.

- Диана Александровна, что вы торгуетесь с Богом, - упрекнул знакомый, верующий человек. Он был по большому счету прав. Теперь православное имя мое - Анна. Но все это будет позже...

Теперь мы ходим в школу за семь километров - осенью и весной, да иногда зимой, когда хорошая погода, мы приходим домой каждый день, а в лютые морозы, как и раньше, вставали на постой. Зимой выходили затемно, чтобы успеть на уроки, да и приходили тоже в сумерки.

- Ребята, хотите, часы вам куплю? Сказал папа однажды.

Мы невольно взглянули на ходики, висевшие на стене. Из-за них папа получил нагоняй от мамы: приехал он из райцентра и вместо нужной вещи, заказанной мамой, купил часы.

Но утром, посмотрев, как хитро бегают глаза на толстой морде чеширского кота, изображенного на часах, мама расхохоталась и больше папу не пилила.

- Да нет, я о ручных часах говорю, - заметив наш взгляд, сказал папа. Мы насторожились - наручных часов не было даже у него: папа пользовался карманными, которые на уроках лежали на столе.

Мы смотрели на него выжидательно, а он объяснил, в чем дело: в школе пора чистить нужник, он договорился с ЗИСом-52, мы выполняем работу, которую оплатит колхоз... Ну, ради часов не грех "золотарями" поработать - так называли тех, кто этим грязным и вонючим делом занимался. Дверь в уборную вела прямо из школьных сенок, папа с Вовкой расшили доски вниз, а Олега послали за лошадью.

Столб застывшей массы уходил широким основанием вниз, в яму, высота у него была довольно внушительная.

Мы долбили его ломами и складывали на сани в дощатый короб. Работа была трудоемкая и малоприятная, но, мысленно примеряя сверкающие часики, все работали с остервенением. Нужник, видимо давно не чистили и мы выгребали отходы давно отучившихся школьников. Вонючее месиво, кое-где не вполне застывшее, смачно шлепалось с лопаты в короб, иногда брызги и застывшее крошево дерьма попадали на одежду, достигая порой лица, хотя мы брезгливо отворачивались, тихонько чертыхаясь: "ну когда же это "добро" кончится?". Папа тоже было встал на трудовую вахту, но ребята отобрали у него лопату:

- Без тебя справимся, - и он стал осуществлять общее руководство.

Вскоре ребята "оттерли" и меня.

- Иди, и чтобы к вечеру пельмени были, - сказал Олег.

Баня уже топилась, я долго смывала с себя "скверну", а валенки и одежду пришлось выставить на мороз.

В школе тоже был запах не французских духов, и мама долго выветривала тяжелый дух.

Наконец-то Вовка отправил последний короб на поля, где мужики, вывозившие на поля из фермы навоз, помогали ему освободить короб. В школе еще пахивало, когда они, отмытые в бане сели за пельмени - наше любимое блюдо.

Часы папа купил мужские, на толстом кожаном ремешке, носили их мы, четверо, по очереди: Тамара, первые свои часы купила еще тогда, когда училась в педучилище, наэкономив деньги со стипендии за несколько месяцев. Кроме того, она к этому времени, о котором ведется речь, уже вышла замуж и была, как тогда говорили "отрезанным ломтем".

В зимние каникулы наш десятый класс должен был ехать в Свердловск на экскурсию, и понятно, часы мне были позарез нужны, а очередь была не моя.

И так, и эдак уговаривала братьев, но они уперлись и ни в какую. Папа встал на мою сторону и я одела часы на свою руку. Весь день перед отездом они о чем-то шептались, посматривая в мою сторону, а вечером то один, то другой подходили к ведру на водопой. Пили много, но с неохотой: мне бы сообразить, что мои смысленные братья затеяли кое-что против меня, так нет, бдительность потеряла, счастливая, что поеду с часами. "И что они такое ели - вроде бы ничего соленого и в помине не было?" - подумала я мельком, и все искала оправдание тому, что часы у них забрала. Действительно, мало ли какие ситуации могут быть в поездке? Конечно, у троих десятиклассников часы были, да и наша классная "при часах", - но вдруг кто-то забудет, у кого-то сломаются - тогда, небрежно отогнув рукав и взглянув часы, скажу, например: "поторапливайтесь, на экскурсию опаздываем". Нет, часы в дороге - первое дело. С тем и уснула.

Проснувшись ночью, поднесла часы к уху: идут ли? Тиканье не слышалась. Может, не завела? Провела рукой по запястью - пусто.

В панике начала искать под собой - ничего. Может, обронила, когда ходила давать корове сено?

Холодок пробежал по мне, но потом вспомнила, что заводила их перед самым сном.

Осмотревшись, увидела Вовкину руку, который спал с другого края: луна светила так, что при желании можно было читать - на его руке сверкнули часы. Подползла к нему, осторожно сняла тикающее чудо и наощупь надела на свою руку. Мне приснился страшный сон, что Олег спускается вниз в туалет, а потом снимает с меня часы.

Я кричу, а голоса нет, силюсь проснуться, но не могу. Уже ранним - ранним утром обнаружила пропажу. На этот раз увидела часы на руке у Олега и операция изъятия повторилась, на этот раз я была умнее и драгоценность спрятала под подушку.

Мне еще не спалось, когда вниз полез уже Сережа.

-Что, не спится? - не без ехидства спрашиваю его, а он что-то сердито бурчит в ответ и долго ворочается, борясь со сном, выжидая, когда я усну.

Утром братья ходили хмурые, со мной дружно не разговаривали, опята о чем-то шептались, обсуждая, видимо, свое поражение.

Чувствуя себя виноватой, сразу же после каникул отдала свои часы, вернее - общие, ребятам.

Весна 57-го года. Выпускные экзамены. Мы отчаянно зубрили билеты группами или по одиночке, бегали на консультации, писали шпаргалки. В старших классах я писала их всегда, хотя никогда ими не пользовалась, но с ними было спокойнее, к тому же мини-конспекты лучше запоминаются. Сестра - человек правильный, шпаргалки не писала никогда в жизни, ни в школе, ни потом - в педучилище, в институте, ребята писали, хотя учились хорошо.

Промелькнули, как во сне и экзамены и выпускной вечер. Как не пыталась, не могу вспомнить, в чем была на выпускном вечере. Наверное, мама что-нибудь сшила, или сама что-то смастерила. Не смотря на то, что жили мы довольно скромно, мама все старалась сшить нам платья понарядней. В ходу были комбинированные вещи. Оставшийся лоскуток от ткани обязательно шел в дело. Да и городские родственники кое-что из своих вещей подбрасывали, особенно тетя Тоня, так что на школьных фото мы выглядели довольно прилично.

К этому времени я что-то пыталась шить, но делала это своеобразно: никогда не выкраивая, как положено ткань, а резала - пластала на глазок. Процесс проходил так: вырежу дырку для головы и начинаю соображать - ага, справа надо ушить на два пальца, слева на три, а в пройме чуток прибавить.

Потом на машинке вжик - вжик, примеряю и снова все порю. Ну, это утрировано, тем не менее, в основном так и было. Иногда вместо платья получается юбка, а если не выходит и она - какие-нибудь трусики, но сошью. Чтобы закрыть тему моего портного мастерства, расскажу еще об одном случае. Я уже училась в медучилище, когда, не жить, не быть, захотелось мне сшить сверхшикарное платье из черного панбархата - уже детали все были продуманы: платье должно быть с эффектной драпировкой: когда в нем приду на танцы - все упадут. Сдав кровь несколько раз, купила на "кровавые" деньги ткань - чудо, а не ткань, мягкая, шелковистая, теплая. Раз-два - распластала ее. И ошиблась так, что не только платье, но и юбка уже не выходила. Чуть не взыв от досады на себя, решила хоть что-нибудь сшить. Трусики из панбархата сшить не решилась, а вот перчатки длинные по локоть сшила. Они тогда только- только входили в моду - видела в кино у девушек из "высшего общества". Перчатки получились на одну руку, к тому же пальцы торчали в разные стороны, одевать их было нельзя,

да и не с чем, но я их иногда носила в руке как аксессуар - мол тоже имеем, только вот сняла - жарко потому что.

Ах, нет, чуть слукавила я, дорогой читатель: выкройки делать так и не научилась, но кое-что все же мастерила себе и бывало, коллеги ахали, видя меня в "обновке" и советовали не говорить, что сделала вещь сама. "Скажи, что в модном магазине купила!" - говорили они. А почему, собственно? С каких пор мы стали стыдиться дел рук своих? Почему вещи стали цениться по лейблам?

Что-то далеко вперед ушла я в "модных" своих нарядах. Нет-нет, пока, я еще в деревне и обсуждаю вопрос: "Что делать?"

Родители дали нам четкую установку, сказав примерно следующее: "Ну, добры молодцы, красны девицы, среднее специальное образование мы дадим вам всем, а насчет высшего думайте сами. Если ума хватит, значит, получайте, а если нет - зачем вас насильно тянуть, тем более одной зарплатой, одной пенсии на всех не хватит".

Свое "программное" заявление мама повторяла часто, поэтому усвоили мы его накрепко.

-Лидя, ты куда пойдешь,- спрашиваю свою школьную подружку Лиду Мазунину.

-В медучилище. Но сначала поработаю, - ответила она.

Пораскинув мозгами, решила также - медицина меня привлекала давно. Вот только надо сначала денег хоть немного заработать - но еще не знала, где и как?...

-Николаевна, буди своих, - слышу голос колхозного бригадира. Мы всегда летом работали в колхозе - начиная с дошкольного возраста, когда собирали колоски. В основном - прополка да сенокос, грабли да вилы - наши рабочие инструменты. Мальчишки - те на лошадях не хуже колхозных парней управлялись - они уже подросли.

-Вон принц наследный идет, - старуха, толкнув товарку, сидящую на завалинке, смотрит в след моему брату - вот будет голову девкам крутить - не одна ведь супротив него не устоит.

Володя - парень видный, даже в обычной стезенке и кирзачах умудрялся выглядеть ухоженным франтом. Принц не принц, а выделялся он среди нас выгодно, будто и впрямь в нем была белая косточка и голубая кровь. Девочки в классе, знаю, вздыхали по нему очень, да и в последствии женским вниманием он обделен не был.

- Такой парень мирный, спокойный, а вот поди-ж ты, профессию выбрал военную, - удивлялся Иван Федорович, его классный руководитель, разговаривая с папой.

Но военную службу избрал он, похоже, из любви к порядку, доходящей до педантизма и жесткой самодисциплине: гражданская жизнь, казалась ему безалаберной и неорганизованной.

Рассказывал Володя: при поступлении в военное училище члены при-

емной комиссии с подозрением всматривались в его лицо, которое украшал шрам: не хулиган ли рвется в славные ряды советской армии? - характеристика из школы, конечно, блестящая, аттестат - что надо, а шрам - то откуда? Володя рассказал, как есть: жеребенок лягнул. Меня в тот год в колхозе уже не было, но историю знаю от мамы в деталях: Володя во время отдыха на сенокосе лежал на траве, а рядом, совсем близко, пасся жеребенок. Брат потянулся к нему, что бы схватить его за ногу - поиграть захотелось. Жеребенок шуток не понимал и так припечатал по лицу копытцем, что у Володи хлынул поток крови, он заткнул его потной кепкой, а больница была только в райцентре. Пока довезли, пока зашили - крови много потерял, да и швов наложили порядочно.

Для знакомых девушек придумал он более романтическую историю: про жеребенка ни гу-гу, лаконично отвечал, что нарвался на бандитскую финку, защищая женщину.

Впрочем, шрам придавал лишь загадочность его красивому лицу, тем более что шрам позже стал менее заметным.

Паркетным офицером Володя не стал: вдоволь помотался он после училища по точкам, слава богу, еще "не горячим" - служил и в пустыне Азии, и на Урале и на Севере: крохотную дочку Наташку приходилось пеленать под одеялом: холодно.

Закончил военную Академию - и снова по точкам и лишь позже вернулся в Академию на преподавательскую работу. Сейчас Владимир - полковник в отставке, все так же аккуратен и подтянут, любит своих дочерей - Наташу и Татьяну да троих внуков. "Мой папа самый идеальный отец", - слышала неоднократно от его дочери Наташи, теперь уже взрослой женщины

*Не манят лейтенантские звезды девчонок знакомых,
Только мама любит сына: "Какой же ты франт!",
Да случайные женщины утром выходят из комнат,
А невесты практичными стали. Прости, лейтенант.*

*Их винить не спеши: жизнь-то нынче другая.
А у вас что? Общага, солдатский скупой провиант,
Да казенные письма, что мам, как и раньше, пугают,
Из горячей, (будь проклята) точки. Прости, лейтенант.*

*Где надежный ваш тыл? Снова мажут вас грязью.
Господин на экране - пройдите по их-то местам!
Вновь тебя по частям собирают и шьют грубой вязью -
Кровь твоя на погонах сверкнула. Прости, капитан.*

*И суровым солдатам нужны и забота и ласка:
Будь щедрее, Россия, на них обрати ты свой взор -
Вскинут руки они благодарно к беретам и каскам -
Лишь бы не было поздно. Прости нас, майор.*

*Я за чью-то вину перед вами навывтяжку встану -
Первогодок солдат и каленый войной генерал.
Вы простите нас за невниманье, насмешки и раны...
Слышу, трубы трубят. Ну, так с Богом - в поход вам пора!*

Понимаю - это не стихи. Писала под музыку, которой пока нет.

Младшие, Олег и Сережа, по характеру совсем другие: они полны самых невероятных идей. Однажды мы с мамой сидели дома и вздрогнули от неожиданности: во дворе что-то "бабахнуло".

-Горим ведь! - всполошилась мама, выбежав во двор. Там полыхала небольшая кучка соломы, лежащая возле коровника.

Очаг возгорания потушили моментально, особенно активно гасили виновники происшествия.

-Промашка вышла,- обескуражено почесал затылок Сережа.

- Говорил ведь, что рано еще запускать,- сердится Олег.

- Вы же пожар устроить могли! - возмущается папа.

Ребята постоянно изобретали "вечный двигатель", но был он все же не совсем вечным и частенько взрывался, потому что работал на керосине.

Закончив семь классов, Сережа тринадцатилетним мальчиком поехал учиться в город Сарапул в техникум. В школу он пошел с шести лет: одного оставлять дома было жалко, вот мама и взяла его к себе: как раз так совпало, что она вела первый класс. Сережа - мальчик старательный и способный, так что у мамы проблем в учебе с ним не было, как, впрочем, и с остальными. Пути-дороги мы выбирали сами. Родители что-то советовали нам, от чего-то предостерегали, но последнее слово всегда было за нами.

Наверное, тогда, когда мы встали с четверенек в человеческий рост и, оттолкнув мамину руку "Я сам!", "Я сама!", сделали свой первый в жизни шаг, родители доверились нашей интуиции, не стали бросаться к нам с криками "Ох, ушибся ребенок", когда мы шлепались и набивали первые синяки и шишки. Окончив техникум и проработав какое - то время, Сережа захотел учиться в Свердловске в УПИ, но поступил не сразу, а лишь на второй год.

- Сережа, может поговорить с кем надо, чтобы ты лишний год не терял, мне это нетрудно... - наша свердловская двоюродная сестра Эльвира в ту пору работала заведующей главпочтамтом, связи имела большие и от души хотела помочь брату.

- Я сам, - не согласился брат.

- Сережа может не знать, когда родился В. И. Ленин, а это тогда было существенным недостатком, но сопромат знает отлично, - говорили о нем институтские друзья. Деньги на жизнь он зарабатывал сам: работал в институте лаборантом, разгружал вагоны, а летом, конечно же - стройотряды.

Олег вечный двигатель не изобрел, но стал в последствии, как и Сережа, дельным инженером, хотя вошел в институтские двери не со школьной скамьи: после 10 классов, окончив ремесленное училище № 47 в городе Полевском, поработал на Северском металлургическом заводе, отслужил в армии.

- Пойду в Горный институт, - объявил он родителям. Олег - романтик. Поработав какое-то время в средней полосе России и Латвии, он пропел песенку: " А я еду, а я еду за туманом, за мечтою и за запахом тайги", - и подался на Север. Но не только за туманом гонялся он, потому что Олег тоже трудолюбив. В сезон добычи золота, рассказывал он, спать приходилось урывками, чуть ли не в одежде. Груды золота перерабатывали его драги, но ни одна золотая пылинка не пристала к рукам брата. Получал он зарплату неплохую, случалось, помогал - выручал Володю, слал подарки нам. Кроме зарплату получил кучу благодарностей - целый вкладыш в трудовой книжке повествовал о его трудовых буднях.

С юмором, присущим ему, рассказывал такой случай: работая главным инженером карьера, Олег с большим - большим трудом выбил для своего предприятия очень нужные машины - кажется, речь шла о бульдозерах. И вот идут по трассе эти нехилые машины, а за рулем одной из них восседает гордый Олег: достал-таки технику. Вдруг их догоняет несколько милиционных машин. Остановили колонну, руками машут и в резкой форме, обычной в таких случаях, требуют освободить трассу, по которой с минуты на минуту должен промчаться кортеж очень важной государственной персоны. Если мне не изменяет память, это был Косыгин, который пожаловал в те края с кратковременным рабочим визитом. Олег - парень далеко не робкого десятка, к тому же взрывной по характеру: отворота близко не было, а участок дороги был такой, что в кювет просто так не свернешь - забуриться можно.

- Слышал я, - вспыхнул горячий уральский парень, - что товарищ Косыгин - не дурак, а совсем наоборот - хороший хозяйственник и он может поинтересоваться, почему техника вверх тормашками валяется. А если все-таки дурак, то нечего ему в правительстве штаны протирать, добавил он. Так и простояли на дороге его машины, прижавшись к обочине, пока не промчались высокие гости...

Как же далеко уехала братья своих из деревни: нет-нет, рано, рано еще, хоть недолго, но побудем еще все вместе в тех местах, где прошли наши детство и юность.

Кипит работа на клеверном поле, где мы со зверевскими подружками, с которыми только что закончили десятый класс, выполняем обычную летнюю работу. Дни стоят знойные, поэтому колхозники выезжают скирдовать клевер с вечера, чтобы он отмяк, а то от него одни будылья* останутся. Туда-сюда ездить - лишь время терять, поэтому уезжали на всю ночь, разбивая полевой стан.

Братья тоже здесь, верхом на лошадях: они подвозят на волокушах копешки клевера к месту, где мужики сноровисто выкладывают скирду. Она похожа на огромную тушу динозавра, только без хвоста, а голова имеется - еще не поднятая вверх копна.

- Сережа, не гоняй ты так, опять все вывалил, - иной раз говорят женщины Сереже - он порой лихачит.

- Я "Таблетку" в порошок сотру, а заставлю слушаться, - самонадеянно говорит Олег. Ну, это он для порядка сердится: брат очень любит лошадей, да и вообще всякую живность, поэтому не то что "в порошок стереть" не может, но и лишний раз не огреет вицей, отчего "Таблетка", уросливая лошадь, на полпути к скирде делает поворот к своему стригунку - жеребенку. К ночи, светлой от луны, уже не один, а несколько "динозавров" замерли на поле, взрослые устали, да и неугомонная молодежь двигается не так бойко.

- На сегодня все, - командует старший, - мы плюхаемся на пахучие охапки - ужинать. Колхозные парни и девушки уходят за дальние скирды, откуда слышатся их песни и смех, потом и они стихают.

- Целуются - милуются, наверное, - лениво думаю я и тут же вспоминаю свой первый поцелуй, чувствуя, что лицо снова заалело, как тогда, полгода назад, когда мы, десятиклассники, проводили вечер встречи с бывшими выпускниками.

...Виктор, студент - первокурсник, ранее не обращавший внимания, теперь приметил меня, и мы весь вечер протанцевали вместе, а потом он пошел провожать под взгляды моих одноклассниц. Парень был одет по городскому. Широленные, по моде, брюки, короткое полупальто "москвичка" дополняли суконные боты - новинка, прозванные позже "прощай молодость". Мы же тогда особо не отличались друг от друга одеждой: все те же валенки, да темные пальто единого фасона. Возле дома, где я стояла на квартире, он вдруг обнял меня и поцеловал - носы не помешали, что всегда было для меня загадкой. Губы мои, и без того пухлые, стали еще более полными, к тому же они, помимо моей воли, вновь потянулись к его губам, поцелуй повторился. И снова горячая волна прокатилась по мне, но тут я, устыдившись своего порыва, отпрянула от него и, пробормотав что-то невнятное, убежала в избу.

Ощущение чего-то нового, чувственного, несказанно смутило меня, на второй день, будто по делу, долго ходила по селу: очень хотела встретить Виктора.

* будылья - голые стебли

- А Виктор уехал, - сказала подружка, будто читая мои мысли. Но долго еще приходил он в мои девичьи мечты...

Лежу на охапке клевера, чувствуя во всем теле приятную, необременительную усталость, подружки уснули, взрослые тоже, а у меня сна - ни в одном глазу. Воздух, настоявшийся на запахах трав и колосющейся пшеницы, был густым и теплым, от ветерка он растекается по телу приятной мягкой волной. На ясном небосводе рассыпаны звезды - их много, очень много и кажется, что они сталкиваются друг с другом зазубренными краями и, тихонько позвякивая, вновь отскакивают, поблескивая новой сверкающей гранью.

Вот так же они смотрели на землю и сто, и миллион лет назад, они видели мою маму еще девочкой и бабушку - Анечку Краузе, видели тоже. Звезды будут светить и тогда, когда я состарюсь. Ах, нет, об этом лучше не думать. Где-то тихо заржала стреноженная лошадь, а с опушки леса послышалось негромкое треньканье птицы: то ли не угнездилась еще, то ли готовилась в полет ранняя птица.

Какое-то сладко-томительное чувство тревожило мою расправляющую крылья душу, наверное, раньше она лишь дремала, не сильно беспокоя меня своим присутствием, а теперь, проснувшись, давала о себе знать. Отчего-то хотелось плакать - может, это естественное томление девушки, вступающую в период расцвета, а может, прощалась я с беспечным детством и чуть страшилась вступить на неизведанный путь, по которому мне отныне придется идти.

Слышу дыхание мироздания, оно чуточку пугает меня своей огромностью, но я уже готова любить весь причудливый мир - и этот, знакомый мне и тот, что еще увижу: душу теснила эта готовность к любви - сердце было распахнуто навстречу ей.

Прозрачная ночь истаяла и незаметно перешла в утро, впрочем, четкой грани между ними не было. Зашевелились, просыпаясь, люди, а я так и не сомкнула глаз и снова закипела, до жары, обычная летняя деревенская работа...

- Ну ладно, мы дети колхозников, нам вроде как положено было с родителями работать в колхозе, а вас-то, учительских, что гнало на поля да на фермы? - спросила недавно Зоя Рогова, а ныне Мазеева. Она стала со временем классным специалистом и работала последнее время главным бухгалтером администрации Кировского района Екатеринбург - мы с ней по-прежнему встречаемся.

Услышав ее вопрос, призадумалась. Хотя, что тут долго думать? Конечно, нас никто насильно на колхозные работы не гнал, но вопрос "идти - не идти?" у нас в семье даже не стоял. Идти - это было самой собой разумеющееся. "Жила бы страна родная и нету других забот",

- ведь по большому счету, нас так и воспитывали. Написала эти строчки и представила, как улыбнулась бы ехидно, если бы прочитала их это, нынешняя "продвинутая" молодежь, вся забота которой находится в одной плоскости: "А кто пойдет за Клинским? ". Впрочем, она, занятая этим глобальным вопросом, и читать-то не будет, не для них пишу, стараясь не впасть в назидательно-брюзгливый тон - просто знаю, что основная часть молодежи - хорошие ребята - кто-нибудь из них и прочтет.

Конечно, хоть небольшая пенсия и зарплата у родителей были, а колхозники и того не имели, полагалось им только 50 соток земли для личного хозяйства, излишки кое-какие колхозники продавали, а для учителей существовал неписанный закон: торговать нельзя, потому что это бросает тень на светлый облик советского учителя.

Палочки-трудодни, которые ставил бригадир в замусоленной тетрадке, не оплачивались ни тем, ни другим: получали за работу кое-что натурой: мука, зерно, то, се. Лошадь надо - пожалуйста, дров привезти, огород вспахать - тоже, тем более что дружную нашу семью в деревне уважали.

А еще-то почему бежали с таким желанием в поле и на ферму мы, молодые, хотя работа была не из легких? Думала - думала и к выводу пришла, что шли мы туда, как в своеобразный клуб: здесь тебе и общение и уроки, которые в школе не узнаешь и в книжках не вычитаешь. Молодежь не может существовать индивидуально, ей кучковаться нужно. Конечно, ходили мы в сельский клуб на танцы под гармошку, где танцевали, ставили концерты, - но это - после трудов праведных, а днем, если не ходить на работу, что делать? Понятно, что и в доме на грядках работы хватало, но ведь без сверстников это так неинтересно...

Уже подошел сентябрь, уже все мои подруги разъехались, дети пошли в школу, а я в первый раз в этот день сижу дома как неприкаянная: никак не могла решить, где работать. В районо папа узнал, что в одной деревне есть место учителя начальных классов.

- Пойдешь работать в школу? - спросил он, видя, что из-за своей нерешительности дочь его все никак не может определиться.

Пришлось согласиться, без особого желания, поехать в деревню за двадцать километров от родителей, жить стала на квартире у одной старушки. Учительскую работу я знала изнутри, но когда впервые встала на учительское место, все оказалось не так просто, как это казалось вначале.

Ой, зачем же мы, ученики, изводим бедных учителей? Сразу же вспомнилось, как мама однажды вызвала меня к доске, я урок знала хорошо и мама никак не могла понять, почему класс лег на парты от хохота, только случайно взглянув вниз, мама поняла, в чем дело. Сидя

за партой, я разрисовала свои черные валенки мелом, никак не ожидая, что вызовут к доске. Стою перед классом, демонстрируя невиданный дотоле андеграунд - "роспись по валенкам", а школьники рады, что от уроков отвлеклись. Конечно, мама выгнала меня из класса, хотя валенки смотрелись нарядно. А зачем, спрашивается, делала довольно ехидные, даже дерзкие подписи под замечаниями в тетради по химии, которые красными чернилами аккуратно писала мне учительница? Пишет, к примеру, она мне: "Переписать!", а ниже - моя резолюция: - "Да нужно ли время тратить на такие пустяки?", или под записью Ольги Ивановны: "Задача решена неверно!" - следует подпись: "Ну и что? Бывает!" Тетрадь подходила к концу, я свои дурацкие записи делала в самом начале, поэтому и заметила она их не сразу, а когда все-таки увидела, дома был от мамы нагоняй.

Теперь стою перед классом в новой роли, ребята выжидательно смотрят на меня. Впрочем, не все: кое-кто занят своими делами, далекими от урока. Их надо чему-то научить, пишу планы, готовлюсь, а на уроках весь продуманный ход иногда летит к чертям из-за двух-трех учеников, которые - ни в зуб ногой. Мне приходится вдалбливать в их головы тему занятия, а в это время класс предоставлен сам себе, кроме этого, еще почти столько же времени сижу после уроков с отстающими. Не-ет, быть учителем - дело не мое. Заканчивая учебный год, я с наслаждением дала подзатыльник одному третьекласснику, который, как чеховский злой мальчик, делал мне мелкие пакости целую зиму, да и учился прескверно.

Поворот судьбы.

В это самое время меня позвала к себе сестра, которую волей случая забросило в Полевской. А было это так: она с мужем и ребенком жила в Свердловске, сначала у папиного брата Николая Короткова, потом ютилась в мужском общежитии, огородив свою койку простыней от остальной части населения. Решили они поехать, куда глаза глядят, лишь бы дали жилье. Глаза глянули в сторону Полевского, где сразу же получили отдельную комнату в поселке Октябрьском: там все еще были бараки. Счастливая сестра тут же стала полевчанкой, да и меня перетасила, как это было в те годы.

Было-то было, но не для всех: дети колхозников уехать в город практически не могли - им не давали паспорта - существовал такой негласный закон. Нужны очень веские причины, например, учеба в техникуме или институте, чтобы перебраться в город. А не поступил - живи и работай всю жизнь в колхозе, как работали отцы и деды. По - существу, они были крепостными, вырваться в город считалось большой удачей. Так стала я горожанкой.

В Полевской влюбилась сразу и навсегда, хотя "городских" улиц

было всего две - Пролетарская, ныне Вершинина, да улица Ленина, а остальные занимал частный сектор - все равно он казался мне милей всех городов мира. Даже позже, достаточно поездив не только по Союзу, но и побывав за границей - в качестве туристки, конечно, я всегда рвалась обратно. "Находясь в Париже, скучаю о Полевском", - такую телеграмму отправила домой, совершая круиз по Европе.

А позже родилась песня о Полевском:

Новый день зашагал по кварталам знакомым,
Город солнцем умылся, притихла листва.
Я в горячей любви объяснюсь Полевскому
И отыщутся нужные в сердце слова.

Мы заводов уверенный слушаем рокот
И доверчивый шепот реки Полевой.
И в труде и в беде друга чувствуем локоть:
"Это так!" - полевчанин кивнул головой.

Только в крае родном, где такие рассветы
Мы России черты до конца узнаем.
Мы все дети твои, мы тобою согреты
И тебе, Полевской, всю любовь отдаем.

Припев:

*Тянется мой город прямо к солнцу
А корнями врос в Урал седой
Мы гостей встречаем хлебом-солью,
Родниковой чистою водой.*

Работать устроилась в листопрокатный цех сортировщицей. Новые друзья, новые впечатления, большие, по тем временам, деньги - все было бы хорошо, если бы не одно, но очень существенное обстоятельство. Хотя мы, сортировщицы, работали на холодном переделе, но завод есть завод: мне даже мимо горячего передела, где шла кипучая работа, где сильные, красные от раскаленного металла мужчины ловко орудовали клещами, хватая тяжелые пакеты, проходить было страшно.

- Поберегись! - кричит подкрановой и мимо меня проплывает стопа жести и кажется, что они вот - вот посыплются на мою голову. Душой деревенская, мне было неуютно в этом грохочущем мире железа и огня, копоты и лязга, чувствовала себя жалкой и потерянной. К тому же сортировщицы должны были видеть брак, а я его не видела, по той простой причине, что упорно не хотела носить очки. В брезентовом фарту-

ке и таких же рукавицах простояла на рабочем месте целый год, скопила деньги - решение пойти в медучилище вызрело окончательно. А об этом времени остались если не стихи, то рифмованные строки:

*Читали девчата "с листа" -
Не звонкие нотные знаки -
О людях, о жизни в бараке...
Пронзительны были места,
Писали которые вместе
На стопах тяжелых из жести.*

*Заполнены тонны страниц
В прокатном родном переделе,
Проявлено множество лиц -
Чье ярче, чье видится еле.*

*Завод и рабочее братство -
Ведь было же, было и есть!
Хоть слышу порою злорадство
В речах про рабочую честь...*

*...Гордитесь - "опять первый сорт"-
На смену пришли ваши внуки,
И вас провожает завод
Баюкать уставшие руки.*

*Захлопнута книга, прокатка -
В историю канула ты...
...Старух твоих видела как - то:
На грани живут нищеты...*

Но между работой и мечтой об учебе шла другая жизнь: мы, молодые, бегали на танцы в общежитие и в ремесленное училище - Дворец культуры тогда еще только строился, не была в стороне и я. Куда обычно рвутся девчонки на танцы? Конечно туда, где больше парней: попасть на танцы в РУ - 47 было большой удачей. Мы толпами осаждали двери училища, откуда гремел духовой оркестр - в больших городах так рвались девушки на вечера в военные училища, а в Полевском имелось только ремесленное и мы стремились туда. У входа дежурили парни с повязками, которые порой заворачивали обратно девушек, замеченных в недостойном поведении: это когда девчата, по современному выражаясь, "кидали" славное племя "ремешков", нос от них

воротили, или водили за эти самые носы ничего не подозревающих парней. Меня частенько провожали мальчики, в которых я периодически влюблялась. Хорошо, если это летом, а зимой провожание превращалось в мучение, особенно стояние у подъезда. За границей давно шеголяли в русских меховых сапожках, а мы вышагнули из валенок прямо в туфельки - микропорки, и частенько на танцы прибегали, не смотря на жестокий мороз, прямо в туфлях, так что не до вздохов было у подъезда, когда жгло от мороза ноги, хотя целоваться мы все-таки успевали. Всей мужской братией активно-влюбчивого возраста мудро правила Н. П. Логинова, директор. Вот уж кого парни слушались беспрекословно: дисциплина в училище была практически военной, даже черные шинели носили они. В городе директор РУ- 47 пользовалась неизменным уважением, ребята ее "мамкой" звали.

Секса тогда не было, да и с экранов телевидения не учили подрастающее поколение этой премудрости. Была любовь, счастливая или несчастливая, дети рождались исправно и в гораздо большем количестве, чем сейчас, зато жестокости, а тем более насилия, было не в пример меньше: в ночь-полночь мы проходили по городу, как хозяйева, а ключи от квартир оставляли под ковриками у дверей.

Мальчишки, с которыми я танцевала, стали впоследствии элитой рабочего класса, гордостью завода. Такие, как Иван Солдатов, прокатчик, которого уж нет. А с Раей, его женой, бывшей сортировщицей, мы все еще дружим.

*Ах, какие были формы ладные,
Как звучал в училище оркестр.
Заношу, не исправляя (надо ли?)
В память событийности реестр.*

*Не было погон, расшитых золотом -
Мы не в них влюблялись, а в парней.
После самоволок было солоно
Мальчикам из юности моей.*

*По субботам шли девчата толпами:
Вечер танцев - сколько их за год?
По гудку утрами дружно топали
Говорливой стайкой на завод.*

*Горевать о звездах не пристало им.
Парни - нет надежней их плечей,
Высекали звездочки из стали,
Из огня мартеновских печей.*

*Вновь свиданье. Сердце бьется гулко:
В парке на портрете средь аллеи
Он - в ряду почетных металлургов,
Мальчик тот, из юности моей.*

Легендарной личностью в городе был директор металлургического завода В.Г. Вершинин: он был не только директором завода, но и Хозяином города в самом хорошем смысле этого слова. Мы, рабочие, еще только тянулись широкой полноводной рекой по гудку, который будил город, и растекались ручейками по проходным завода к своим рабочим местам, а директор уже обошел улицы города, делая замечания своим помощникам, если заметит непорядок.

Мне нравится чувствовать причастность к этим сильным и умелым людям, которые плавят сталь и катают жель, а завод был тогда еще металлургическим, а не трубным, как сейчас, но работа, как уже сказала раньше, меня не устраивала. Я поступила в медицинское училище. В удмурдском городе Сарапуле уже учился в техникуме мой младший брат Сережа. Два года пролетели быстрехонько, училась без особых затруднений, хотя зубрежки хватало: что стоит проштудировать толстенный том анатомии, запомнить все наши мышцы да косточки - одним только медикам известно.

Деньги, которые заработала на заводе, растаяли быстро, стипендия была мизерной, так что приходилось крутиться. Конечно, посылали родители, но все равно не хватало: хотелось понаряднее одеться - возраст такой, поэтому мы, студентки, частенько сдавали кровь. Всеми правдами и неправдами я старалась сдавать как можно чаще и по полной программе - по четыреста пятьдесят граммов. Кого грела, спасала моя кровь - кто его знает?

Само собой разумеется, на каникулы приезжали домой. К этому времени по настоянию сестры родители тоже перебрались в Полевской. Тамаре дали комнату по улице Ленина: там ютилась наша большая семья.

- На танцы пойдем? - спрашивает Сережа. Вопрос риторический: по выходным на танцы мы бегали всегда. Он сидит за швейной машинкой, ушивает брюки: на смену широким штанинам пришли "дудочки".

- Посмотри, как? - я верчусь перед братом в новом платье, которое недавно смастерила.

- Отлично выглядишь, - одобрительно хмыкает он. Еще бы! С "Бабеттой" на голове, которая тоже была новинкой, выглядела Сережина сестра очень даже неплохо. Мне с нетерпением хотелось показаться в обновке: в моду только-только вошли "мини" и мы, девчонки, с удоволь-

ствием демонстрировали миру свои ножки под неодобрительные взгляды людей старшего возраста, но не родителей - никогда в жизни не делали они замечания по поводу наших нарядов.

Сережа, потанцевав с девчонками, которых всегда больше, подошел ко мне.

- Спляшем? - подмигнул он: мы только-только выучили модный танец, не помню теперь какой: может "липси", а может - "чарльстон".

С братом я танцевать не стеснялась, как обычно - все сама себе казалась неуклюжей, а тут ничего, раскрепостилась. Мы с ним так увлеклись, что не заметили, как подошли к нам два молодых человека суровой наружности.

- Выйдите из зала, - потребовали они, и я почувствовала, как полыхнуло мое лицо.

- А в чем дело? - спросил Сережа, тоже растерявшийся.

- Вы на кого похожи? Как одеты? А как танцуете? Что еще за кривляние? - отчитывали нас дежурные по Дворцу. Вы работаете или учитесь?

На нас устремились взгляды всего зала: кто-то смотрел с осуждением, а кто-то сочувствовал нам. Я совсем сникла, что-то пыталась возразить, но потом дернула брата, и мы покинули танцы: начиналось гонение на "стиляги". До золотой молодежи мы явно не дотягивали: какие из нас стиляги, когда еле сводили концы с концами и почти все наряды делали своими руками. Помню, как знакомая женщина в более позднее время сшила зимнюю шапочку из куса поролона, только что появившегося, он поблескивал на солнце, вызывая всеобщее восхищение. О ниспровержении или переустройстве существующей системы, как столичные диссиденты, тоже не помышляли, так что опасности для государства не представляли. Зря тогда не дали дотанцевать, надолго испортили настроение нам с Сережей. Платья свои удлинять не стала - мне решительно по душе новая мода, я и сейчас с удовольствием смотрю на молодых в их современной одежде: пусть радуют окружающих своей молодостью и сами радуются жизни.

После училища почти сразу попала в город шахтеров Копейск Челябинской области и, хотя училась на фельдшера, приняли меня медсестрой в Областной противотуберкулезный диспансер. Именно там впервые довелось узнать, что значит любимая, хотя и не денежная работа. В отделении грудной хирургии подобрался коллектив единомышленников, заведовал отделением хирург И. С. Филиппов. Как о человеке, а в особенности как о специалисте, о нем можно было говорить лишь в превосходной степени. На вид простецкий, мужиковатый, но интеллигент по натуре своей, к нему почтительно относились и больные, многие из которых получили заболевание в местах лишения свободы и высокое областное

начальство: считалось редкой удачей попасть к нему на операцию - он их делал не только по туберкулезной этиологии.

Мы как-то стали стесняться говорить высокие слова о труде, сейчас больше говорят - с придыханием, почти что, завистью о "крутых", но мы действительно работали на совесть, иногда мне приходилось дежурить больше суток, если надо было кого-то подменить. Кто сказал, что работа врача легкая да чистенькая?

Послеоперационный блок. Этот месяц работаю здесь. Уже приготовлена постель для больного и все остальное готово, но операция все продолжается. Наконец, меня зовут в операционную. На столе распластан могучего вида мужчина, однако впечатление обманчиво: его легкие продырявлены туберкулезом - только что убрали каверну с внушительной долей легкого. На его груди превосходная татуировка: мастерски наколотая церквушка, "Не забуду мать родную" - надпись на одной руке, на второй что-то про любовь. Не обошел художник и ноги: "Они устали!" - сообщается на одной ноге, на другой - матерное слово, даже на детородном органе проглядывают буквы, чтобы ни у кого сомнения не возникало, что есть что.

- Миша, проснись! - анестезиолог легонько шлепает его по щеке.

Тот, пошевелившись, невнятно пробормотал что-то.

- Далеко ты нас посылаешь! - смеется Иван Сергеевич и кивает мне - Забирайте!

Вместе с другой медсестрой перекладываем тяжелое тело больного на каталку.

Крови мне пришлось в него влить уйму - тяжелый был больной.

Ближе к утру, с трудом посадив на кровать, одной рукой поддерживаю больного за плечи, почти обнимаю, лишь бы он не завалился снова, другой прижимаю шов, чтобы не разошелся и было не так больно, умоляю: - Миша, кашляй! - он захлебывается мокротой, но кашлять больно, он отмахивается от меня.

- Ну, миленький, потерпи, потом легче будет! Нельзя, чтобы мокрота скопилась, осложнение будет, - в который раз втолковываю ему.

Да все он знает и сам, но боится растревожить утихшую после укола наркотика боль, потом собирается с силой, кашляет натужно и долго, разбрызгивая миллионы палочек Коха прямо на меня. Я в маске, да что с того - заразиться дважды два можно, у нас уже работает врач, подцепивший заразу здесь - слишком долго работал в отделении. Слава богу, мой организм, видимо, не по зубам этим страшным "зверушкам", они от меня отскакивают, не причиняя вреда.

Ниже - отделение костной хирургии, мне довелось работать и там. Лечились в нем и дети, некоторые из них лежали на спине в гипсовых кроватках, как в прокрустовом ложе. Частенько ребяташки сбегали со своих

мест в коридор, в другие палаты, а мы вылавливали их и водворяли на место, хотя и жалко было шалунов.

- Диана Александровна, поставьте мою каталку возле окна, - шепчет мне лежащая больная, подкрашивая губы. Вечером больные тянутся в коридор на телевизор, а тех, кто не ходит, мы вывозим на каталках. У девушки любовь с таким же больным, они целый день ждут желанной встречи.

Каждое утро начинается с оперативки.

- 1-й пост, как прошло дежурство?

Докладаваю о больной, у которой опять не было "стула".

- Назначения все делали?

- Да, но не помогло.

- После оперативки задержитесь. Вы заказали пельмени для М.? - это уже вопрос к старшей медсестре.

У больного много дней нет аппетита, он "киснет", хотя операция прошла успешно, вот и заказывают иногда на кухне индивидуальные обеды, чтобы вытащить больного из депрессии.

- Девочки, сегодня в час репетиция! - напоминает старшая медсестра: скоро Первомай, для нас шьют белые платья - мы должны выглядеть на демонстрации белыми лебедушками, да еще пройти с нашей песней. Главный врач диспансера, будучи большим оригиналом, любил продемонстрировать что-нибудь "этакое", что отличало бы нас от других медучреждений, даже медперсонал он подбирал придирчиво. Впрочем, по всем показателям ходили мы в передовых.

После оперативки завотделением велит надеть перчатки, и мы идем к больной. Женщина грузная, давно не встает, мы знали, что дни ее сочтены.

- Ну что же вы стоите, начинайте, - чуть улыбнувшись, сказал Иван Сергеевич.

Догадываюсь, что надо делать: то же самое, что когда-то делала тетя Паня своему малолетнему сыну.

Почему-то тяжело больные, как правило, умирают под утро, словно желая последний раз взглянуть на рассвет. Помню, как в мою смену уходила в мир иной женщина средних лет, она изо всех сил цеплялась за жизнь, но смерть настигла ее как раз на рассвете, будто караулила этот момент. Женщина была глухонемая, она быстро-быстро жестикулировала, пытаясь что-то сказать: это была немая, а потому еще более отчаянная мольба о помощи. Она то билась головой об стену, то хватала мои руки и крепко сжимала их, я гладила ее по голове, женщина немного успокаивалась, потом снова начинала метаться на постели...

Еще и года не прошло, как мне вручили значок "Ударника коммунистического труда" - они только - только появились тогда. Забегая вперед, скажу, что это звание чуть ли не ежегодно подтверждала, грамот

получила тоже достаточно, а вот медаль на грудь повесить забыли, а потому, проработав 40 лет, ветераном не считаюсь. Впрочем, нас много таких...

Уже позже, опять вернувшись в Полевской, я долго переписывалась с коллегами. Не скрою, приятно было читать письмо старшей медсестры, в котором она написала: "Мы любили тебя за добрый нрав и открытое сердце". И куда все подевалось?

Вскоре прислали из Копейска газету: первая страница была занята обязательной "передовицей" и кое-какими заметками, а вся остальная газетная площадь с развернутым вкладышем занимали некрологи соболезнования по поводу кончины Хирурга Филиппова - всего-то 50 лет прожил этот замечательный человек...

А в Полевском снова оказалась потому, что в пору горения на работе случилась у меня Любовь. Раньше все время мучил вопрос: как отличить ее, настоящую, от мимолетных влюбленностей, коих у меня было множество, а вот пришла она - все стало ясно. Большая страсть порождает и большие, подчас непоправимые ошибки.

"Не-на-ви-жу!" - яростно выдохнула ему в лицо, когда после очередной ссоры, увидела его с другой девушкой и вернулась куда? Конечно, к папе с мамой, которые к тому времени по настоянию сестры тоже переехали в Полевской. Я уже стала работать фельдшером на здравпункте завода, когда приехал герой моего романа - Александр Сороков - он в ту пору отрабатывал после Тульского горного института положенные три года. Мимолетная ненависть испарилась мгновенно, он стал мужем и отцом моей дочери Светланы.

Брак продлился недолго: сказывалась разница в воспитании - я росла в большой семье, а его, единственного ребенка, неработающая, как это часто бывало в шахтерских семьях, мать холила и баловала. К тому же он, бросив футбол, которым увлекался, стал попивать, а это было совсем невыносимо. Мы стали жить с дочерью, жизнь пошла своим чередом.

В те годы братья мои учились: Володя - в военном училище, а Сережа и Олег в институтах. Сестра работала инспектором детской комнаты милиции и заочно училась в юридическом институте, воспитывала сына. Работала она так, что и по прошествии многих лет учителя - стажисты вспоминают о ее работе добрым словом.

"Они все учатся, а я глупее, что ли?" - наконец-то и у меня взыграло самолюбие.

Подготовка к вступительным экзаменам давалась непросто: годков мне было уже 35, так что учебную программу надо было учить заново, особенно по биологии. У нас такого предмета не было: была ботаника в седьмом классе, да естествознание в восьмом, а о всяких там хромо-

сомах мы и слыхом не слыхали: каленым железом выжигали в науке всякое упоминание о генетике.

Поступила на деффак пединститута: заочного медицинского нет, а логопед хоть малой частью, но медицины касается. Учиться было легче, чем я думала, только зря годы потеряла, сомневаясь в своих знаниях.

- А почему ты поздно поступила в институт? - спросила знакомая.

- Да у меня позднее умственное развитие, - отшутилась, с некоторой долей любви к себе, - хоть и поздно, узнала, что надо любить и себя: а мы-то любили все человечество.

Для родителей эти годы, наверное, были самыми счастливыми: дети выросли, все учатся, все при деле, уже внуки появились - когда мы собирались вместе, в доме царили праздник и веселье: все обладали изрядным чувством юмора. Квартира у нас уже была двухкомнатная, а не комната в коммуналке, а сестра жила отдельно.

Один из новогодних вечеров решили провести вместе, с родителями.

- Хочу, чтобы рядом со мной в Новый год была девушка, - заявил Сергей.

- Да где же ее взять, поздно уже, - пытались образумить его, зная, что в сердечных делах у него случился перерыв.

- Будет. Пошли ненадолго во Дворец, - Сережа замыслил провести операцию под кодовым названием "Подруга". - Мам, мы скоро...

Бал во Дворце шел полным ходом, но нам было не до него - накрытый стол ждал нас.

- Засекайте время, через десять минут приду не один, - самонадеянно заявил брат.

Мы с сестрой и ее приятельницей смотрим, как он приглашает одну девушку на танец - отказ, другую - тоже; да это и понятно: все уже определились.

- Не сезон, - вздохнул Сережа.

- Чур, моя дама, - оттолкнув Сережу, Олег хватается за Машу, Тамарину подругу. Но потом куда-то исчезает - Маша была много старше того и другого, в подружки им не годилась.

- Ты где был? - спросила утром встревоженная мама.

- Как где? Искал всех. А что, они уже дома? - озабоченно спросил Олег.

- Да где же им быть?

Олег пошел проверять.

- Ага, Тамара дома, Диана тоже. О! И Сережа на месте? Слава Богу, всех нашел, теперь со спокойной совестью могу идти спать, - удовлетворенно сказал он и зевнул: устал, "разыскивая" нас...

Мне хочется побыть вместе с братьями хотя бы в повести, как можно

дольше, цепляясь за каждое воспоминание, особенно добрые светлые моменты, возможно потому, что впереди - много черных бед. Но это потом...потом...

Вот они учат водить нас машину: у папы был "Запорожец" с ручным управлением. Тамара осваивает быстрее, а мне эта премудрость не давалась.

- Ты что, совсем дура? - возмущается порывистый Олег, не понимая, как можно не запомнить, где тормоз, а где скорости: я частенько нажимаю на все сразу. Сережа более терпелив.

- Давай все сначала, - тяжело вздохнув, он пытается меня чему-то научить. Тупая, что ли я - в этой технике абсолютно не разбираюсь. В последствии права получили все пятеро, но асом вождения не стала. Какое там! Как только садилась за руль, у меня сразу же начиналось ушаченно биться сердце и трястись руки.

- Перекресток - зона повышенного риска, его надо проезжать медленно, - назидательно вталкивали они в мою голову, но у меня выходило все с точностью "до наоборот". Доехав до перекрестка, мне хотелось как можно скорее перескочить его и я нажимала на скорость, едва не закрывая глаза со страха. Однажды с размаха въехала в кювет, разбила бампер и выбросила права, о чем ничуть не пожалела.

Еще момент, связанный с младшими братьями высветился так ярко, как будто случился только вчера. "Боже, какими мы были наивными, как же мы счастливы были тогда"... Этот романс в последнее время частенько крутится у меня в голове.

Олег защитил первый в семье диплом горного инженера. Событие не рядовое, поэтому отметили его с русским размахом. Новоиспеченный инженер пригласил в ресторан Ермак друзей, нас с сестрой и братом Сережей. Володя учился в другом городе, так что приехать не смог. Под утро все четверо втиснулись в автомашину, что была одна на всех: все тот же запорожец с ручным управлением. Промчавшись по еще спящим, а потому пустынным улицам Свердловска, покатали дальше. Олег выжимал из машины все, что можно. Мы пели песни, хохотали и "чушь прекрасную несли", но в какой-то момент, утомленные минувшей ночью, все притихли. Замолчал и Олег. Очнулись внезапно от резкого толчка: вильнув, машина остановилась на мосту в селе Курганово, в полуметре от ограждения. Выйдя из машины, мы посмотрели на чернеющую внизу речку и молча переглянулись.

- Задремал на секунду, - виновато произнес Олег.

Хранил нас видно, молодых бесшабашных безбожников Господь Бог. Пока еще хранил...

И снова мне жаль расставаться с братьями, отпускать их во взрослую жизнь, но это от меня, увы, не зависит - они ушли своей дорогой.

...Они уйдут из жизни рано, не дожив и до 50 лет: рак сделал свое

черное дело: сначала не стало младшего, Сережи, а потом и Олега... Светлые они были люди, добрая им память. Из большой дружной семьи мы остались втроем: Тамара, я, Володя.

Здесь, в Полевском, живем только мы с сестрой. В течение жизни характер наших взаимоотношений претерпевал значительные изменения. С детства привыкла я гордиться решительной, волевой, спортивной сестрой, чувствуя себя младшей не только по возрасту, но и по характеру. Тамара - кипящая лава страстей, никогда не знавшая сомнений в собственной правоте. Действующий вулкан - зрелище захватывающее, но за ним лучше наблюдать издали, а я все тянулась и тянулась к сестре. Едва слышав ее голос, внутренне сжималась: "Что-нибудь не так сделала?" - а, получив четкое распоряжение, со всех ног бросалась выполнять его, только что под козырек не брала, как новобранец перед генералом. Так продолжались долгие, долгие годы, пока в голове моей не созрел естественный вопрос: "А почему, собственно?". Я распрямилась, пошла параллельным курсом, и оказалась вполне дееспособной, ложку к уху не ташу и проблемы решаю вполне самостоятельно. Иногда наши пути если не пересекаются, то сближаются так, что искры из глаз, после чего вновь отскакиваю на безопасное расстояние. Мне же всю жизнь не хватало сестры-подруги. У кумира, которого я из нее сотворила, разве поплачешь на плече в горькую минуту, поделишься волнующим женским секретом? Сейчас, когда пьедестал разрушен, вижу в ней усталую, не очень здоровую, но все еще энергичную женщину, однако о душевных беседах за чашкой чая приходится только мечтать, как и прежде. Вот и к ней пришло черное неизбывное горе, но оплакиваем ее сына мы порознь...

Устроившись работать в детский сад, стала осваивать новую профессию. Немного погоржусь собой: это сейчас много логопедических групп в школах и детских садах, а первую специализированную речевую группу в городе довелось открыть мне. Рвались тогда мамы устроить свое чадо в группу всеми правдами и неправдами: к школе детей мы готовили основательно. Перед выпуском в школу дети чуть ли не экзамены держали, на которых случались проколы.

- Кто такой В. И. Ленин? - строго спрашивает ребенка психиатр.

- Он... хороший дяденька, не бьет маму, - отвечает наш воспитанник. Помолчав, добавляет существенную, по его мнению, деталь: - Он зарплату домой приносит, а не пропивает.

Мы с воспитательницей конфузливо переглядываемся, чувствуя свою недоработку.

- Примите, пожалуйста, моего ребенка, - умоляет одна из них, занимающая "внушительную" должность заведующей базой, - у Вас будет все, что пожелаете!

- Да я воспитываю в себе разумные потребности, - смеюсь, - нет мяса - ем рыбу, нет рыбы - картошка, да найдется.

Это было время всеобщего дефицита, воцарились блат и телефонное право.

Как же "доставал" нас, простых смертных, этот дефицит. У меня была знакомая семья, которая многие годы копила деньги на автомашину, а потом десять лет стояла в очереди на нее. Дождалась - первая волна перестройки смыла все: мечту о машине и накопленные деньги, как смыла оплаченные товарные чеки у брата Олега, работающего на севере. Тем, кто уезжал в отпуск в большие города, значительную часть отпускного времени приходилось стоять в очередях. Однажды из-за этого мне довелось попасть в анекдотическую ситуацию. Как только коллеги и знакомые узнали, что в отпуск еду к брату в Саласпилс, который в полчасе езды от Риги - он в ту пору там жил, на меня посыпались многочисленные заказы. В списке числились бюстгальтеры, косметика, кофточки с люрексом и многое другое. Денег тоже надавали прилично - снова пришлось шить карман в нижнем белье. В Риге первую половину дня толкалась по очередям. Хуже всего приходилось тогда, когда впереди оказывалась цыганка. Порою казалось, что ты у цели, возжеленный товар почти в сумке, но не тут-то было. Откуда ни возьмись, налетала толпа цыганок с шумливыми цыганятами: почти что табор, они лепились к стоящей в очереди цыганке, как рой пчел к вылетевшей матке - и ты отброшен далеко назад. Подойдя все же к прилавку, частенько получаешь ответ: товар кончился.

Отвезя покупки домой, снова возвращалась в Ригу на культурную программу: музеи, концерты, прогулки по старым улочкам Риги и прочие приятные моменты. Олег нервничал, считая что "приятных моментов" было меньше, чем он запланировал. Вечерами он поругивал меня, видя, как его квартира превращается в товарный склад. Мои объяснения, что покупаю для знакомых, его еще больше выводили из себя. Наконец, в списках поставлены галочки и цены, деньги истрачены, можно вздохнуть с облегчением. Все, что было упущено, восполнили с Олегом в последние два-три дня. А в день перед вылетом план даже перевыполнили, переходя из одного ресторанчика в другой. Удивительно уютные и симпатичные кафе в Риге - посетили даже кабачок "13 стульев". Домой приехали поздно, однако еще оставалось время, чтобы выпить кофейку со знаменитым рижским бальзамом. Вдруг Олег увидел, что какая-то часть вещей не упакована и с криком "баракольщица!" стал поспешно заталкивать их в чемодан. Он был переполнен, замки никак не хотели закрываться, а в последний момент сломались. Ругаясь на чем свет стоит, мой брат вынес свой чемодан побольше и снова стал укладывать барахло под мое дурацкое хихикание.

Удобных вместительных и легких сумок тогда не было - они появились вместе с армией челноков. Замки в его чемодане тоже барахлили, он закрыл их шпилькой, а для верности перевязал бечевкой: еле-еле мы успели в аэропорт. В Москве нужно было переехать в другой аэропорт, потому что прямого рейса до Свердловска не было. С многочисленными сумками сделать это было нелегко, но мы, советские люди, давно научились преодолевать подобные трудности. Попросив попутчицу, летящую одним рейсом, посмотреть за вещами, я налегке разгуливала по залу, когда услышала голос диктора: "Женщину, взявшую чужой чемодан, просим его вернуть..."

"Надо же, - думаю, - какие растяпы есть на свете. Или воровки?". Размышляя по этому поводу, вдруг почувствовала, как меня легонько хлопнули по плечу. Обернувшись, увидела мужчину, который летел одним рейсом со мной, развлекая разговорами: наши места были рядом.

- Девушка, вы взяли чужой чемодан, - сказал он.

- Да вы что - это мой! - Чемодан, который дал Олег, запомнился смутно, но бечевка была характерной приметой.

- Посмотрите внимательно, - попросил мужчина и подвел меня к женщине, у которой был похожий чемодан, а главное - перевязан точно такой же бечевкой.

Женщина летела с ребенком, в чемодане лежали детские вещи - ей они были нужнее, чем дорогое барахло, лежащее в моем чемодане.

- А как вы меня вычислили? - спрашиваю спутника.

- Легко! По рассеянному взгляду и веселому настроению, - ответил он. Оказалось, что был он следователем.

Оставшееся до посадки время думала: мои ли вещи в чемодане? - но раскрывать его боялась, так как замки могли подвести в самый последний момент. Я представила себе, что было бы, если бы привезла вместо заказов пеленки - мне стало дурно.

Этот урок не прошел бесследно. Больше заказов я никогда не брала, да и других своими просьбами не обременяла.

В новую работу окунулась с головой. Работа интересная, творческая, но зарплата мизерная. А мне хотелось поехать по стране, увидеть мир, поэтому хватала дополнительно полставки и четверть ставки, часы и часики, подрабатывая то медсестрой, то воспитателем в детском саду. Иногда брала ночные дежурства на здравпункте, а утром спешила на основную работу, не гнушалась даже работой сторожа в детском саду, уборщицей в СЭС, чем сильно удивляла коллег. Жаль, что к выходу на пенсию сведения о зарплате в сторонних организациях полностью собрать не смогла.

По стране все-таки поехать удалось, а перед перестройкой посчастливилось побывать в соцстранах и обогнуть Европу на круизном тепло-

ходе. Однажды в Венгрии мы стояли в магазине, обсуждая животрепещущий вопрос, постоянно возникающий у нас: "брать - не брать". Не привыкшие к обилию товара, мы никак ни могли сориентироваться и сделать правильный выбор.

- Не брать, - на русском языке сказала женщина, по виду иностранка, заметившая наше затруднение. Она уже давно наблюдала за нами, а теперь подошла поближе.

- Вы русские, - вопросительно-утвердительно произнесла она, хотя это было и так ясно.

- Рядом в магазине есть вещи чуточку дешевле, - доброжелательно продолжила иностранка. С некоторой опаской мы пошли на контакт, тем более, что железный занавес был давно раздвинут. Шторы не очень плотные, еще были, но кое-что советским людям подсмотреть уже удалось. Елена, как звали женщину, была родом из Москвы, но уже 15 лет жила в Венгрии, выйдя замуж за венгра. Она пригласила нас, пятерых туристов к себе, объяснив, что очень скучает по Москве, по русской речи. Это чрезвычайно понравилось нам - мы были патриотами своей страны.

- Угощу вас кока-колой, - добавила она.

- Вау! Кока-кола! - Посоветовавшись, мы решили пожертвовать обедом - другого времени в распорядке дня у нас не нашлось.

На свой страх и риск мы договорились еще более скрепить узы дружбы двух стран личным общением. В гостинице мы решили, что идти с пустыми руками неприлично: на свет появились вещи, которые тщательно скрывали друг от друга - товар для обмена: хохлома, баночка икры, электроплойка, бутылка водки, и многие другие вещи. У меня по неопытности ничего не было, пришлось купить к чаю пирожное. Хозяйка деловито приняла подарки и убрала их в шкаф, предложив посмотреть шикарную квартиру, потом пригласила в гостиную, где за разговором мы попивали колу. Было время ланча, но запахов национальной венгерской кухни не ощущалось: хозяйка по-прежнему угощала нас милой светской беседой. Наконец, получив от нее по значку, гости поняли, что визит закончен. Международная дружба показалась нам несколько однобокой: мы ушли с легким урчанием в животах, но сохранили на лице приветливые улыбки. Через день встретили Елену в другом магазинчике: она опять разговаривала с русскими туристами. Нас она не узнала и стало понятно, что она работает женщиной, тоскующей по Родине.

На семь капиталистических стран валюты обменяли не густо - 40 долларов.

- Бери водку, на что-нибудь обменяешь, особенно в Турции, - посоветовали мне бывалые туристы.

- Возьми наши десятирублевки, они там в ходу, - вторили другие. Тщательно спрятав бутылку водки, зашив десятирублевки в лифчик

(50 рублей), отправилась в путешествие, обмирая со страха на каждой таможне, чувствуя себя закоренелой преступницей. Как известно, советских туристов можно сразу определить по ошалевшим лицам и глазам вразбег: блеск капитализма моментально затмил скромное очарование социализма, как только мы оказались на той стороне.

В Турции с нами вновь провели инструктаж, в особенности коснулись водки. Оказывается, в этой стране можно запросто попасть в тюрьму за торговлю спиртным. К тому же наши руководители пытались организовать на теплоходе свою таможню, чтобы туристы не позорили честь великой державы, совершая "чечн". В тюрьму мне садиться не хотелось ни в одной стране, мысль о торговой сделке пришлось оставить раз и навсегда. Проехать семь капиталистических стран за 18 дней - это "галопом по Европам". Экскурсии сменялись одна за другой, лучшие музеи мира - Лувр, Сикстинская капелла, исторические памятники такого масштаба, как римский Колизей - все мелькало и крутилось, как в калейдоскопе.

Помню, что на меня не произвела никакого впечатления загадочная улыбка Джоконды - родная "Незнакомка" Крамского была ближе и понятней, от невежества, должно быть. Как это часто бывает, из пестрой кучи впечатлений в памяти ярче остаются какие-то малозначительные детали. Почти сразу же истратив деньги на ерунду, совсем успокоилась: отпала необходимость бегать по развалам, к тому же это не было моим любимым занятием.

Хотелось узнать не внешнюю сторону капитализма, а внутреннюю, однако общение с иностранцами нам категорически запрещалось, потому что нас могли завербовать все разведки мира. Работа шпиона меня не привлекала, поэтому общаться с иностранцами не стала, тем более, что говорила только на русском языке с уральским акцентом. Нам также строго запрещалось посещать зланные места, чтобы растление нравов не перекинулось на нашу страну. Естественно, мы сильно удивились, когда случайно увидели нашего старосту, номенклатурного работника - коммуниста: он выходил из кинотеатра, где крутили порно. Староста шел, напряженно всматриваясь в лица прохожих, в надежде избежать встречи с нашими туристами. Не тут-то было: носом к носу столкнулся с нами, но естественно, докладывать мы "куда надо" не стали.

- Ну, как там с этим делом, - не без ехидства спросили его, стараясь расширить свой кругозор.

- Да все как у нас, только чуть поразнообразней, - поняв, что попался с поличным, застенчиво ответил староста. В подробности он вдаваться не стал, чтобы не искушать нас, хотя выглядел возбужденным и всклоченным, как будто ЭТО проделали с ним. В Германии я проявила гражданскую незрелость: контрабандой провезенный металлический

рубль с изображением вождя революции, пошел не на благое дело. В небольшом зале, где стояли кабины для просмотра неприличных кассет, протянула служителю свою весомую валюту. Он схватился за нее, хохотнул не по-русски, зачем-то попробовал вождя на зуб, хотя Ленин, как оказалось позже, даже при жизни золотым не был, и тут же втолкнул меня в кабину. "Что я делаю?" - с ужасом подумала я, но было уже поздно. Вместе со мной на дармовщину втиснулась супружеская пара с нашего теплохода. Здоровое любопытство сменилось чувством гадливости, когда на экране высветилась пара лесби. Я тут же выбежала из кабины, долго плевалась, искренне раскаиваясь в грехопадении.

Не удивительно: это было время, когда журналы с полуобнаженной натурой у наших туристов таможенники отбирали в свою пользу.

Впрочем, даже сейчас мне неприятны мужчины-шалунишки и женщины, занимающиеся ненормативной любовью. С годами люди, особенно женщины, надевают на себя нимб святости, как модную шляпку, но ханжой выставить себя не хочу - не была ею. Нормальные отношения мужчины и женщины, считаю не только полезными, но и в высшей степени приятными, хотя уже перешла обратно к теории.

Как символ страны, хотя и не главный, провезла я бутылку водки через все страны, деньги в лифчике тоже остались не распакованными. Водка пошла в дело сразу же, как только пересекли границу и услышали постановление партии и правительства о борьбе с алкоголизмом. Сообщение вызвало шок у мужчин: мне стало больно смотреть на них, сникших от беспредела. Такого кайфа от родимого напитка мы еще не испытывали, хотя досталось по глоточку.

Мы - молодые.

Коллектив детской консультации.

Выпуск 57 года, 40 лет спустя. г. Чернушка.

Коллектив детских садов Северского трубного завода.

А. И. Коротков - 1943 г., В. А. Коротков.
Отец и сын, офицеры.

Сестра и брат.

Раскололась удача.

*"Я бросала друзей ради скорой удачи -
Раскололась удача на тысячу бед"* - Написала однажды.

Но это была клевета на саму себя: один единственный, раз погрешила в стихах против истины ради рифмы - к друзьям относусь нежно и преданно, да и они ко мне, судя по всему, так же. Это - вторая семья, они за долгие годы знают меня, как облупленную и принимают такой, какая есть.

А строки, приведенные выше, посвящены... светлой памяти единственной дочери, умницы и красавицы. Только 16 лет пела я счастливую материнскую песню...

Более 20 лет прошло, но даже сейчас страшно и бесконечно больно говорить и писать об этом. Щадя читателей, - у каждого свои беды, как можно короче опишу самую черную страницу своей жизни, тем более, что не хочу давать пищу нездоровому любопытству.

*Сколько сердцу дано пережить и запомнить!
Я весеннему солнцу рванулась вослед...
Может, ночь неурочная вышла за то мне,
Что забыла какой-нибудь мамин завет?*

*Я бросала друзей ради скорой удачи-
Раскололась удача на тысячу бед.
Я улыбкой прикроюсь, а сердце - заплачет:
В доме столько тепла, да душевного нет.*

*И уж подошла я к черте, за которой
Тьма - чернее, а солнца-
Пронзительный свет.
И бывлые года смотрят в душу с укором,
А ведь каждый из них был мечтою согрет...*

Все, что делала я после рождения своей Светланы, было, по большому счету для нее: работа, учеба в институте, общественная жизнь, даже одеваться и выглядеть хотелось так, чтобы не быть перед ней зачуханной теткой, чтобы не стыдилась она матери. Пришлось научиться ходить на лыжах и в походы, хотя раньше терпеть не могла - но это надо было для нее. Потом в походы сама ходила с друзьями с удовольствием и дочь водила с собой. У нас были теплые, доверительные отношения, союз "дочки-матери" мы строили иначе, чем было у нас с мамой...

Ах, как часто мы словоблудим, ничуть не сомневаясь в искренности своих слов, говоря своему самому дорогому человеку: "Если с тобой что-нибудь случится, мне тоже не жить..."

Но оказалось, что прежде чем думать о себе, надо переделать кучу дел: похоронить и памятник поставить единственному ребенку. Вот сделаю это... это... это, тогда уж ...

Дела все прибывали: лукавила, наверно сама с собой, или инстинкт самосохранения сработал.

Еще года не прошло, поехала, заранее списавшись, в один детдом: хотела взять на воспитание девочку десяти лет. Но она, брошенная с пеленок матерью, не потянулась к женщине с черными кругами под глазами и распухшим от слез лицом, да и во мне каждая клеточка закричала, заплакала: "Не мое дитя! Не мое!"

В день семнадцатилетия дочери обещала подарок - купить на весь ее класс билеты, заказать автобус и свозить их в театр. В театр дети ездили, но уже без нее, и еще несколько лет я возила 10 "Б" класс, каждый раз новый, пока не началась перестройка.

- Горе-то, какое, - частенько говорили. Горе? Нет, это не горе. Горе - это когда дом сгорит, машину уведут, или еще хуже - родителей хоронишь. А э т о м у и названия на человеческом языке нет. Вся наша семья очень тяжело пережила ее смерть, да и все друзья, коллеги по работе - тоже.

Было время, когда ничего и никого не хотелось видеть ни земли, ни неба, ни людей. Ни - че - го! Потом опомнилась: люди не виноваты, что у меня такое случилось.

Добрый десяток лет меня как бы не было, по крайней мере, для себя, хотя и работала, и что-то делала. Работу и квартиру поменяла - работать устроилась в детскую поликлинику, тоже логопедом...

*А дорога легла как холстина, что брошена комом,
Приходилось ее на ходу расправлять и латать.
Я иду, как и шла - не толкая друзей и знакомых,
Только над головой стали белые ветры летать.*

*Но холстина моя превращалась и в пути порою.
И подвоха не ждешь - упадешь, да у всех на виду.
Продохнуть- отдохнуть бы мне перед последней горю,
Но у жизни не взять передышку.
Я дальше иду.*

Мне пришлось учиться заново жить и ходить по земле; это была уже другая жизнь, но решение своим горем людей не пугать было твердым.

В середине 90-х меня почти за руку привела В.Н. Молокова, заслу-

женный работник культуры на литобъединение "Рассвет", которым стал руководить поэт А.А. Азовский, который многому научил нас. Общение с новыми людьми встряхнуло меня, вывело из состояния длительной депрессии. Вышла первая скромная книжечка- "Беспокойство". Я как будто "выплакалась" ею и снова надолго замолчала, полагая, что не стоит путаться под ногами у юных гениев с горящими глазами: вон, сколько их толпится, и все хотят погарцевать на Пегасе, ухватившись за его крылышки.

Потом снова что-то стронулось во мне, вызрело и снова пишу.

Вокруг меня всегда много хороших людей, а уж мои "самые-самые" друзья просто замечательные - это удивительно обаятельная Дусенька Вохмякова, ранее работавшая заведующей научно-технической библиотекой, преданная семье женщина. Ее муж Николай Вохмяков - по образованию юрист, а по призванию - спортсмен, долгое время проработал директором ДЮСШ, да и сейчас тренирует малышей по футболу: многих пацанов завернул со скользкой дорожки, приобщив к спорту.

А без Устюговых, особенно последние годы, и дня прожить не могу. Энергичная выдумщица Зоя Михайловна, ее муж Геннадий Петрович, который, выйдя на пенсию, вдруг стал писать музыку к стихам, в основном местных поэтов. Играть на баяне и гармошке научился мастерски - он и раньше играл, но далеко не так, как сейчас. Теперь Геннадий Петрович - нарасхват. Его зовут туда и сюда: - то с клубом "Играй, гармонь", то с солистками этого же клуба где-то выступает. Зоя Михайловна тоже на месте не сидит. Она - "вечный двигатель", своим жизнелюбием подпитывает всех, в том числе и меня - спасибо ей, подруге закадычной.

Да, родственники и друзья - моя опора, одному человеку - никак. Частенько Наташа, дочь Владимира, живущая в Екатеринбурге, протестует: "Ну что Вы, тетя Дина, такие сумки ташите?" А как без подарков для родненьких моих?

Знаю, что Тамара тоже не с пустыми руками их навешает, нагружается, как тяжеловоз. " Не знаю,- говорю Наташе - надо ли это вам, а для меня это точно надо!" - и радуюсь, когда навстречу бегут ее сыновья: "Тетя Дина, Вы шанги привезли?" Люблю их очень, своих неспокойных внучатых племянников, хотя порой достается им от меня за бурные междоусобицы. Наташа - неработающий архитектор. Впрочем, сейчас она работает "мамой", а это и есть, видимо ее призвание, да еще какое! На всю жизнь, без отпуска и выходных.

Муж ее, тоже архитектор, живет в другом городе и к детям приезжает раз- два в год, так что сумки наши им небольшая, но подмога.

Моя племянница - вторая жена Ивана, первую тоже звали Наташей. Испытывая, видимо, тягу к этому имени, третью женщину зовут так же. Посоветовала Наташе создать ассоциации ивановых женщин

или создать клуб "Натали", жить дружно, тем более, что свекровь племянницы зовут тоже Натальей и она тоже разведена. Помнится, Иван крепко переживал развод родителей, хотя это случилось, когда сам он женился вторично. Помню также, что малые сыновья его, а мои внучатые племянники, отчаянно скучали по нему. Сейчас, увы, они уже привыкли к мысли, что их папа - отец на расстоянии. Наташа пока не спешит реализовать идею о женской солидарности, хотя попытку подружить своих мальчиков со старшей сводной сестрой предпринимала.

-Соблазни же ты, наконец, своего мужа,- в один из его приездов, советую племяннице - возможно, тогда он определится, перестанет метаться. Где твой кокетливый взгляд, блеск в глазах? Мобилизуйся! Почему ты ведешь себя с ним как товарищ по партии?

На мои замечания она машет рукой: Наташа получила строгое воспитание девушки из высшего общества.

Одной Наташе справиться со своими музыкальными мальчиками нелегко: они частенько ссорятся и орут друг на друга далеко не музыкальными голосами. Выведенная из себя их непослушанием, она тоже включает в общий хор, который слышится за пределами квартиры. В такие минуты летят к чертям все навыки эстетического воспитания, которые старается она привить сыновьям. Перемирие или нейтралитет восстанавливается с трудом.

Я очень дорожу дружбой со своей племянницей. Наташа уже вторую мою книгу оформляет, а как получилось - судите по обложке, дорогие читатели.

Люблю и Маринку с Людой, дочерей племянника Юры. Они уже взрослые и порой мне кажется, что живут как-то не так, как хотелось бы: наверное, наши родители так же думали, глядя на нас. Впрочем, особых поводов для беспокойства, если честно, мы не доставляли, хотя идеальными детьми, конечно, не были. Племянник Юра, сын сестры - он и для меня сыном был, заботливым, внимательным. Теткой никогда не называл, только по имени, как и моих братьев, для которых был скорее младшим братом - Юра всегда шел по жизни рядом с нами. Был... шел.... Шел- шел да и совсем ушел туда, откуда не возвращаются. Так рано свернула его болезнь, что разумом не поймешь, почему так жестока судьба к нему оказалась.

Не могу не привести стихотворение "Уходят друзья". Оно написано В. Токтаревым намного раньше, к тому же автор никогда не был знаком с моим племянником, но стихотворение поражает не кричащей, не слезливой, но такой сильной мужской, да и просто человеческой скорбью, что "по телу мороз".

*По стенке, до дна, не по лесенке,
Туда, где по телу мороз,
Уходят из жизни ровесники,
Парнишки, с которыми рос.*

*Да разве нас матери нежили,
Им было всерьёз не до нас.
- Эх, парни! Да мы ещё не жили,
Зачем умирать нам сейчас?*

*Как часто у камня могильного
Я слёз не скрывал и прошу:
- Меня пожалейте, двужильного,
Я с каждым из вас ухожу!*

*Прощенья уже не попросите,
Земля упасёт от огня...
- Ребята, за что вы уносите
С собою, ЖИВОГО, меня?*

Я дальше иду...

Тот жар, с которым когда-то начинала я новое дело в детском саду и продолжила в детской поликлинике, уже поостыл: в 60 лет решила уйти в бессрочный отпуск, чем сильно удивила своих коллег.

- Ну, и что Вы будете делать на пенсии? В ночной рубашке по дому слоняться? - спросила меня заведующая детской консультацией.

Нет, по дому не слоняюсь, до обеда в постели не валяюсь - дела всегда нахожу.

Что и как определило мой выбор - даже сама толком сказать не могу: "приблудилась" три года назад в Екатеринбургский "Горный родник", литобъединение при Горной академии.

Кто-то смотрел на меня с недоумением: "Чегой-то тетенька ненашенская тут делает?", кто-то с безразличием: да мало ли - случайно зашла, походит - походит и перестанет, но вот уже третий год, сосчитав свои денежки - на дорогу хватило бы, езжу на занятия. Ко мне все привыкли, я там - своя. Руководил литобъединением Ю. Конецкий, поэт, эрудит и оратор, но его было "немного-много".

Сейчас вместо него пришел Н.Кузин, поэт, писатель, критик, известный в стране, а не только в местных литературных кругах.

Параллельно посещала и занятия поэта Вадима Осипова, руководителя литературного течения "Добряне", мне у них нравилось, но ездить часто трудно, к тому же накладно и "отряд не заметил потери бойца"... А наш "Рассвет" подошел к закату, вернее А.Азовский переключился исключительно на детей. Хожу в новое литобъединение "Простор", руководимое В. Ивановым. Наш руководитель - не профессионал, но спасибо ему хотя бы за то, что не дал нам рассыпаться. Как может, ведет он свою работу, за которую бесплатно никакой профи не возьмется.

*«Мы так, любители,
Присели сбоку.
Нас иногда зовут,
Чтоб тень Великих удлинить» —*

написал однажды очень умные строчки Александр Шахмин.

Л. Сидорова, заместитель начальника Управления культуры и молодежной политики, нас вниманием тоже не обходит.

Выступая перед людьми, усвоила одно: газетные публикации не проходят бесследно, их читают, над ними размышляют. "Спасибо Вам за стихи", - сказала однажды женщина и, поклонившись в пояс, заплакала. Я со своими традиционными, даже старомодными стихами занимаю свою нишу. Великие - они где-то там, в заоблачной выси, а я вот она - рядом с теми, для кого пишу и обратную связь чувствую. Конечно, чтобы чуть-чуть продвинуться, необходимо иметь здоровое честолюбие, умение "подать" себя, но суетиться, толкаться по редакциям, у меня нет ни сил, ни возможностей, да и характер не тот. Но знаю, что люди часто делают имя своей настырностью - глядишь, кто-то один крикнет: "Гениальный поэт!", "Известный писатель!" - и вопль его подхватит второй, третий, а сознаться, что сотворили "Крошку Цахес", никому не хочется. Велика магия имени.

-А сколько поэты получают за стихи? - спросил рабочий трубного цеха, куда меня пригласили на вечер встречи.

Парень, кажется, сам немного писал стихи. Ответ разочаровал его. Очень сильно приходится мне "ужиматься" из-за своих занятий литературой. То в "Складчину" надо деньги собрать, то за компьютерный набор денежки пора готовить. С этим делом у меня проблема. Моя электрическая машинка - капризная штука, то начинает перескакивать буквы, то уплотнять их, то, потюкав немного, она вдруг начинает работать тяжело, как трактор, да еще, ни с того ни с сего, издав утробное урчанье, замолкает надолго. Тогда, делать нечего, иду заниматься бытовыми делами, давая ей отдых.

- Так для чего тебе это надо? - неоднократно спрашивают меня.

А для чего, к примеру, заводской художник - оформитель Г. Л. Колесниченко (Лукич), как зовут его друзья, в тесной двухкомнатной квартире пишет картины - кое-какие из них украшают обложки книг не только местных авторов. "Раскрутить" бы его - цены не было бы ему и его картинам.

Почему после работы люди, оставив домашние дела, бегут на репетиции во Дворец культуры, электрик Александр Шахмин пишет философские стихи, Виктор Осеев - музыку: они частые гости на многих городских мероприятиях. Это - в Полевском.

А взять тот же "Горный родник": что заставляет уважаемого чело-

века - С. А. Тимухина, доктора наук, профессора УГГГА, заниматься еще и литературной работой, приходить на занятия в "Родник" и быть его старостой? А как не упомянуть, коль речь зашла об этом, Л.П. Ратушную, бывшего геофизика, колоритную личность - что заставляет женщину, которой далеко за 70, с больными ногами "пилить" в трамвае, застревая в пробках, на эти самые занятия и писать пронзительные стихи? Понятно, что не только для собственного удовольствия, но и для тех, чьи мысли созвучны с ее поэзией, пишет она свои прекрасные строчки.

Никак, ну никак не хочется верить, что надо о ней писать в прошедшем времени. Ох ты, боже мой, как тонка, как непрочна порой нить человека, связующая его с жизнью. Всего две недели назад сидели с ней рядом на занятии - мне всегда было интересно слушать её замечания по тем или иным вопросам. После занятий ехали вместе до автовокзала: она жила рядом с ним, а мне дальше, в Полевской. Но и в трамвае мы успевали говорить всё о том же - о стихах. "Приезжай 24-ого октября, ко мне придут два-три поэта, посидим, поговорим", - сказала она после занятий на прощанье.

До этого всего однажды мне удалось побывать в её квартире. Чувствовалось, что вопросы быта у неё даже не на втором или третьем месте, а на десятом-двадцатом. Да и возраст не тот, чтобы вылизывать квартиру, где вольно гуляют шесть кошек и две собаки. Она потащила меня на кухню, где разделила разовый пакетик кофе на двоих, а я достала свои шаньги. Не сразу, но почувствовала, что вляпалась во что-то непонятное: вскочив со стула, обнаружила на белых брюках безобразное жирное пятно. "Это я масло кошкам дала, не успела за кормом сходить" - сообщила она. Через час мне надо было успеть на Челябинский автобус, а оттуда к брату - в Железноводск, и пока сушила брюки утюгом, она всё читала и читала стихи. Тогда, признаюсь, мне было не до них...

24 октября к ней приехать не удалось, а на следующем занятии Ратушной уже не было. Именно в тот день похоронили прекрасного поэта и женщину, которую не сломили ни Сталинские лагеря, ни превратности судьбы...

*Бескрайние степи. Ковыльные степи
Мне памятни с давних времён.
Далёкие предки да дикие вепри
Прошли меня, словно сон.
И я оживаю, встречая рассветы,
И боль оставляет меня
И хочется снова скитаться по свету
И мчаться за гривой коня.*

Так писала она. Умчалась душа ее в поднебесье, оставив бренное тело земле. Целое занятие посвятил "Горный родник" памяти этой замечательной женщины.

Здесь, "в Горном роднике", посчастливилось мне наблюдать рождение Поэта Александра Лукьянова. Дай Бог ему высокого полета и поменьше разочарований.

Но вернемся в родной Полевской. Сколько же в нашем провинциальном городке увлеченных людей, взять хотя бы краеведа А. Кожевникова. Иногда критикую его стихи и рассказы, но отдаю должное его краеведческим делам: неутомимый труженик, он откапывает забытые страницы нашей истории, возвращает из небытия фамилии, события, факты. Очень лиричные стихи пишет Л. Пивоварова, много теплых песен слышали полевчане на стихи Т. Шушпанниковой.

Не так давно открылся в городе выставочный комплекс "Бажовский", где раз в месяц собираются за чашкой чая вместе художники и барды, стихотворцы и народные умельцы, которым несть числа на земле уральской. Теплую дружескую атмосферу, как говорят в таких случаях, сумела создать директор комплекса Г.Н.Волкова со своими сотрудниками и добровольными помощниками.

Душа распахивается у гостей навстречу сильным голосам Л. Вагановой, Э. Малыгиной. Эмилия - женщина с многочисленными талантами. Работая в школе, она рисует, поет, плетет из бисера такие уникальные вещи, что взгляд не оторвешь, как от полотен уральских художников, таких как Ефремов, В. Могилкин. Я частенько замираю перед их картинами, еще больше влюбляясь в землю нашу русскую.

Недавно услышала по радио, не помню чей, афоризм: "Если ты будешь молчать - мир не узнает, что ты есть. Если будешь кричать слишком громко, мир подумает, что ты дурак". Людям хочется заявить о себе миру, вот и делают это - кто громче, кто тише, кто - живописными полотнами, кто песнями, а кто - во-от таким арбузом удивит мир: "Смотрите, люди добрые, ни у кого нет, а у меня в теплице вон какой вымахал!"

Человек многогранен, как бы не был он увлечен своей основной работой, всегда остается место для чего-то еще, вот и появляются врачи-поэты, слесари-художники, инженеры-певцы, а для кого-то увлечение становится основным делом его жизни

- Вы сегодня куда пришли - на литобъединение или на КСП (клуб самодеятельной песни), - встретив знакомого во Дворце культуры, спрашиваю его.

- В театральную студию, - смеется Ю. И. Гершов. Он - врач, не очень молодой, не очень здоровый, но играет в спектакле, сочиняет

сценки для детей, пишет отличные стихи и музыку к ним, поет под гитару. Однажды я покритиковала его за слабые, на мой взгляд, стихи "про любовь" и он написал эпиграмму от моего лица.

*Стихи я ваши прочитала:
Белиберда и полный бред,
Скажу я все же для начала,
Что о любви в них речи нет.*

*Вы предлагаете бедняжке
Любви какой-то суррогат.
Любовь - когда трещат подтяжки
И на пол лифчики летят.*

*Любовь - когда в душе тревога
И день, и ночь покоя нет.
Да! О любви я знаю много,
А вам сочувствую, поэт!*

А взять Николая Вахтина, рабочего: Бог дал ему золотые руки, незаурядный поэтический дар, но забыл дать средства на реализацию этого таланта.

Тема "Таланты и поклонники" нескончаема. К тому же писать о конкретных людях трудно: всегда найдутся обиженные: "про этого - вон как написала, а обо мне ни строчки". Извините, милые, талантливые люди, общение со многими из вас дало мне новые уроки, но пора вернуться к героине повести: к себе, любимой.

Однажды решила все-таки заявить миру о себе и провести во Дворце культуры авторский творческий вечер, тем более, что круглая дата подошла.

Зеленый свет дала и Р. Бобкова, директор ДК, женщина царственной осанки, которая мудро правит Дворцом уже много лет.

Это было поистине смелое решение: человек я не публичный, хотя на всякие мероприятия хожу, но в незнакомой обстановке чувствую себя довольно скованно и лишь в камерной, хорошо знакомой аудитории мне комфортно.

"Зная, что быть юбиляром на таком вечере - дело трудное, но ответственное, понимая, что буду отчаянно волноваться, решила переложить бремя тяжести на своих добровольных помощников, - сказала я, когда меня представила ведущая Л. В. Сидорова, она же заместитель начальника отдела культуры. - Сама же буду скромно сидеть, застенчиво

улыбаться и в нужных местах приветливо махать ручкой. Но все же для начала пару-тройку стихов прочитаю сама".

*Изъела ржа меня. Я как подкова
20 -м веком брошенная в пруд.
Устроили мне годы самосуд,
Из горьких бед накинув плат пудовый.*

*Никак размытый не узнать портрет,
На прежнюю меня так непохожий -
Уже наив, открытость и пригожесть
Остались под волною долгих лет.*

*Но все же разглядела - и не малость -
И в свете улыбнувшегося дня
Я соскребу саму себя со дна -
Душа на месте, значит, я осталась!*

Душа-то осталась, но сейчас она где-то в пятках, голос противно дрожит, а руки трясутся. Господи, куда их деть-то?

Снова цветы и речи, слава Богу, не очень затянутые. По этому поводу вспомнился фрагмент какого-то телефильма: идет свадьба, тетушка (или бабушка) невесты разразилась поздравлением в стихах, в которых припомнила всех родственников невесты до седьмого колена, но еще не приступила к описанию светлой личности виновницы торжества. Гости, со вниманием слушавшие первые две-три минуты уже устали, заметно ерзают и зевают. "Убить бы старушку", - тоскливо шепчет один из гостей, в десятый раз поднимая и опуская рюмку. Он уже готов крикнуть "горько", чтобы прервать затянувшийся монолог, но не тут-то было, потому что бабушке не до гостей; она с наслаждением продолжает самовыражаться, реализуя свой нескончаемый творческий потенциал. Если бы вдруг исчезли все гости и даже виновники торжества, она бы и не заметила, наверное.

Меня немного успокаивает уверенный голос ведущей, она в этом деле ас. Как и в других многочисленных делах, за которые берется. "Я войну объявляю войне", - музыка Галины Бунаковой, стихи Д.Сороковой - исполняет Глеб Жуков, город Екатеринбург", - объявляет Любовь Викторовна. Хорошую музыку написала Галина, спасибо ей.

Ах, какой чистый, приятный голосок у Глеба, моего 12-летнего внучатого племянника, ученика музыкальной школы при консерватории!

А вот и Матвейка, его шестилетний брат.

-Стихи тети Дины, - бойко начинает он и запнувшись, вопросительно смотрит на меня. Милый ребенок! Знал бы он, что от страха я забыла не только его стихи, но и то, что должна сказать потом.

Но он, не в пример мне, справляется с волнением быстрее.

*Бах!- летят осколки чашки:
Молоко я с пенкой пил,
А противный Барабашка
Чашку новую разбил.*

*Брат весь вечер учит гаммы:
"До-ре-ми", а может - "си"...
Что ли я, когда без мамы,
Кошке выкрасил усы?*

*Видно, волк напал на Мишку?
Кто там топает, как слон?
Не соседский ли мальчишка
Хулиганит перед сном?*

*Я оденусь утром быстро,
Мама спросит: "Кто, друзья,
Всю посуду вымыл чисто? -
Я признаюсь: "это я!"*

Наконец, первая часть вечера закончилась. В таких мероприятиях людям больше нравится вторая часть, когда с официозом закончено, все чуть-чуть расслабляются за банкетом - не совсем уж так, чтоб начать всеобщее братание и задавать друг другу вопрос глобальной значимости: "А ты меня уважаешь?", но так, чтобы в свободной форме поговорить "за жизнь" и снова почитать стихи.

*Нет, я возраст, бестактность природы,
Не хотела бы маскировать,
Чтоб вошедшему веку в угоду
Вид на жительство заново брать.*

*Я двадцатого века осколок,
Залетевший случайно в другой?
На меня и плакатик приколот:
"Экспонат" - не запнитесь ногой!*

*Но сорву я жестокую надпись:
Черта с два - я живая еще,
И тяжелого времени натиск,
Пусть ослабшим, - держу я плечом!*

Авторский вечер Д. Сороковой

Этот вечер - еще один урок. Поняла две вещи - мои стихи людям близки и нужны, а второе - на новую демонстрацию себя никогда не решусь...

Это я так думала, а через год - сама не пойму, как дала себя уговорить принять участие в городском конкурсе "Серебряный возраст".

На сцене никогда не блистала, микрофона боюсь, как кобры, не то, что другие конкурсантки, которые со сценой дружат десятки лет, знают, как красиво ножку поставить, как эффектно ручкой взмахнуть. Однажды меня попросили сказать несколько слов на фестивале авторской песни. Взойдя на "большую" сцену, я так растерялась, что завопила: "Ой, да уберите от меня микрофон и камеру тоже!", чем сильно обидела телеоператора: он-то делал свое дело, а ему кадр испортили.

Потом, собравшись с духом, слова нужные сказала. В свое время, работая в детских садах, доводилось мне писать "километры" сценариев для всяких мероприятий, но сама была за кадром, а тут...

Целую неделю нянчились с нами организаторы конкурса. Это довольно сложно - продемонстрировать свой возраст, не впадая в крайности.

Наш серебряный возраст удачно подчеркивает юная ведущая Ирочка Измestьева, все подружки выглядят великолепно, талантливо подают себя. К своему удивлению, стоя под взглядами зрителей, обнаруживаю, что не подкачала и я: по сцене прошла почти от "бедра", руки не мешали, с каблучков не свалилась.

Недаром задолго до конкурса училась ходить в туфлях на больших каблучищах - лет десять не надевала. По отзывам зрителей и жюри, состоящее исключительно из мужчин, являла собой элегантность и уверенность в себе, даже в конкурсе "Ах, мода, мода" выиграла.

Подумаешь - мелочь - участие в таком конкурсе, скажет кто-нибудь из читателей. Неправда ваша! "Мне жить захотелось по-другому!" - сказала одна из конкурсанток, да и зрители взглянули на нас и на свои возможности по-другому: ох, почаще бы нам, женщинам, отрываться от садов-огородов да от кухонных плит!

Нет, конечно, полеванчане принимают участие и в других грандиозных проектах в городе и за пределами его, например, в поэтическом марафоне в Екатеринбурге. Но для чего это надо?

Ну как не вспомнить слова В. Маяковского: "Если звёзды зажигаются, значит, это кому-нибудь нужно?". Пусть не звёзды, а звёздочки или просто искорки: даже от них, если их много, на земле светлее.

А у нас в городе Полевском их достаточно.

Серебряный возраст

Наверное, на этом самом месте надо было бы поставить красивую точку - мажорная, оптимистическая концовка получилась бы. Но у самой блестящей медали есть и другая сторона. Конкурсы, творческие вечера - это все-таки праздники. А как живут искорки-звездочки, а речь идет о спокойном возрасте, в будни? Было бы нечестно не коснуться этой стороны вопроса.

- Диана Александровна, посоветуйте, как лучше платье расставить? - спрашивает соседка. Располнела она, конечно, не от карбонатов да калорийных бисквитов. Увы, с годами, когда гормоны в организме перестают играть, появляется нездоровая полнота, к тому же картошка сохранению фигуры не способствует. Подробно объясняю женщине,

как и что надо сделать. У меня в этом деле большой опыт, даже шубу неоднократно самолично реставрировала -годились мамини уроки.

Конечно, пенсионерам кое-что подбрасывают юные родственники, но сапоги на высоченных каблуках на деформированные годами ноги не натянешь, а если и натянешь - далеко не уйдешь, игривые топики на увядшие плечи накинуть постесняешься.

- Рано вы ушли с работы, сидели бы спокойно на своем месте, - неоднократно говорили мне коллеги.

Понятие спринтер и стайер имеет, наверное, более широкое значение, чем спортивные термины. Одни бегут марафон, равномерно распределяя силы, другие на стометровке выложатся так, что могут упасть замертво, как мои младшие братья. Да и сестра привыкла выкладываться на работе по полной программе. Перед выходом на пенсию она занимала должность юрисконсульта в строительном тресте. Управленцев часто гоняли на субботники, на рабочие места, особенно тогда, когда надо было подогнать сдачу дома под какую-то дату. Мало кто соглашался вставать с ней в пару на оклейку обоев или выполнять другую подобную работу - Тамара так и не научилась делать вид, что работает. Дожив до пенсионного возраста, она сразу же уступила место молодым, тем более, что ее требовательность и принципиальность далеко не каждому по вкусу.

Но молодые "честолюбивые дублеры", заняв свободные места, хотят иметь все сразу и сейчас, не особенно выкладываясь на работе. А Тамара пошла "работать" пенсионеркой. Только самые немощные или обеспеченные пенсионеры, которых немного, могут сидеть у подъезда на лавочке, обсуждая текущие события, остальные на практике берут уроки выживания и преподают другим свои наработки.

Итак, пенсионеркам на заметку.

Урок первый. Берем старомодный, узковатый в талии костюм, легким движением руки отсекаем лишнее, к оставшейся кокетке пришиваем плиссированную юбку от этого же костюма. Нарядный блузон готов.

Урок второй знает каждая опытная пенсионерка, а для начинающих не грех и повторить. Старую простыню с выношенной до легких дырочек серединой разрезаем вдоль, сшиваем более прочные края - "новая - старая" простыня послужит еще долго.

Урок третий. Вы отварили рис? Хорошо. Но что вы делаете? Хотите выплеснуть воду, оставшуюся после варки крупы в раковину? Не делайте этого. Разбейте в нее яйцо, сильно подорожавшее за последнее время, добавьте жира и муки, остатки кефира, и выпекайте оладьи. Муки в данном случае потребуется меньше.

Урок четвертый, вернее, рецепт. Берем четыре столовые ложки ов-

сяных хлопьев, разбиваем яйцо, все перемешиваем и выкладываем полученную массу на раскаленную сковороду, стараясь придать форму котлет. Внимание, солить не надо! Обжарив с обеих сторон, добавляем два стакана горячей воды с растворенным бульонным кубиком, тушим до тех пор, пока вода почти вся не испарится. Ваши четыре котлеты готовы, вкус у них почти мясной, кушайте на здоровье.

Или: вы идете гулять, ну, это вы знакомым говорите: "иду гулять", на самом деле идете в больницу или на почту, но льгот нет, а травить лишний раз душу объяснениями не хочется. Если же ноги подводят, можно проехать в автобусе. Тут уж косметики на лицо не кидайте, меха, даже молью побитые, не демонстрируйте.

Смело смотрите в лицо кондуктору, показывая возраст, даже можно пошутить - "Все зайцев ловите?" - доверие завоевано. Если же назойливый контролер не отстает, приступайте к запасному варианту. С оскорбленным видом начинайте долго-долго шарить в сумке, отыскивая льготы, заглядывая в каждый отдел, в кошелек и карманы, искоса наблюдая за контролером, не надоело ли ему. Нет, не отстает. Делать нечего - всплеснув руками, расстроенным голосом произнесите как можно правдивей: "Ой, склероз! Я ведь, кажется, свой пенсионный в другой сумке забыла!". Но лучше все же пройтись пешком - нервы сбережете себе и контролеру, к тому же по дороге вас может встретить приятная неожиданность.

Да, вот она - рядом с магазином на лотке недорого распродают мясные пельмени. Разумеется, в них больше сои, но мясо тоже встречается. Они разморожены, превратились в бесформенную кучу, да и срок годности просрочен, хотя и на чуть-чуть. Чтобы не терять лица, не бросайтесь к ним сразу, расталкивая очередь. Совсем наоборот - произнесите задумчиво: "Не знаю, не знаю, будет ли это есть моя собака. Возьму на пробу, может, не побрезгует!". Разумеется, вам наплевать на собаку, которая морду воротит от такой еды, да и нет ее у вас. Из продукта, потерявшего товарный вид, можно сварить неплохой супчик с клецками, или поджарить мессиво, разрезав на кусочки. Возможны варианты. Если вам посчастливится набрести на магазинчик, в котором распродают ломаное печенье, отложите на другой день поход в баню, в больницу, или на почту (нужное подчеркнуть, ненужное вычеркнуть), а берите целую коробку лома - он хранится долго.

- А какая у вас пенсия? - спрашивает меня женщина, с которой сидим в очереди за жилищной субсидией.

- 1880 рублей, - отвечаю со вздохом.

- Не лишку. Надо было к нам в лес идти работать, - снисходительно отвечает она. Проработав 30 лет сучкорубом, женщина получает на 400 рублей больше.

- Надо было, - невесело смеюсь я.

Представила, что желание переквалифицироваться в лесорубы пришло бы внезапно сразу всем знакомым. Не стало бы ни учителей, ни парикмахеров, ни продавцов - была бы одна большая армия сучкорубов, ну и жизнь была бы!

Нет, не жалею, что с любимой работы не сорвалась, хотя крутиться приходилось и тогда, и сейчас. Жаль, что торговать овощами не научилась, хотя раза два пыталась. Первая попытка пришлась на самое начало перестройки: вынесла на продажу огромную корзину цветов, но людям, ошалевшим от инфляции и всеобщего раздвоя, было не до них. Все старались вложить деньги, которые на глазах превращались в мусор, на что-то существенное. А на что? Мешки муки, сахара купить было нельзя: продукты отпускались по талонам. Те, у кого водились сбережения, приобретали недвижимость, остальные - кто что может, на что денег хватало. Появилось множество магазинчиков или отделов, где продавались неликвидные товары рухнувших производств.

Мы с сестрой закупили, например, сиденья от детских стульчиков, которые аккуратными стопочками лежат на ее даче до сих пор.

Еще об одном предприятии того времени хочется рассказать, но без боли и надрыва, а так, с веселой злостью: не просто извести российский народ, как бы кое-кто не старался.

...Козу Маньку Тамара купила в середине зимы, в самом начале перестройки. Это сейчас перестройка, которой пока не видно конца, идет по накатанным рельсам, передние эшелоны уже в капиталистический рай въехали. А в ту пору люди готовились к ней, как к длительной осаде. Двухнедельная козлушка козой была только в перспективе, а морозы стояли такие, что пришлось ее брать в квартиру, тем более, что на даче никакой сарайки для этой цели не было. Моя жилплощадь была больше, поэтому вопрос решился сам собой. Козы, даже взрослые, одиночества не переносят, а уж Манечка... В общем, началась у меня развеселая жизнь: бегала она за мной куда надо и не надо, все три комнаты были в ее распоряжении. Ограничивать ее свободу, затолкнув в ванную, мне было жалко. Не знаю, как долго она вопила, когда я уходила на работу - об этом старалась не думать. Прохожие частенько задирали головы: в какой это квартире мерзавцы ребенка истязают? Из многих квартир в ту пору слышались нечеловеческие голоса: блянье, хрюканье, кудахтанье. Однажды захотелось мне выгулять козочку и в сумерках, прячась от любопытных взглядов, долго дышали мы свежим воздухом на детской площадке. Не знаю уж, откуда приметил меня незнакомый мужчина - возможно, проезжал мимо, или из окон соседних домов высмотрел, и не только высмотрел, но и признал в козлушке собаку редкой породы. Вечером по телефону -и откуда номер узнал, он долго уговаривал меня продать собаку, а уж если не

собаку, то щенков от нее - обязательно. Отвечала уклончиво, мол, такая собака самой нужна, а что касается щенков - там видно будет, чего раньше времени загадывать! Ну, никак не хотелось признаться, что в квартире скот содержу, хотя и не крупный и пока не рогатый, но все-таки... Могли ведь в ЖЭК донести, неприятностей не оберешься.

После трех - четырех дней совместного проживания поняла: так жить нельзя. Тамара прикупила козленка Ваньку такого же возраста. Мы с ней как подумали: подружатся они, меньше шума будет. Не тут-то было. Теперь орали оба, стараясь перекричать один другого - ревновали ко мне. Позже, подружившись, бодались безрогими лбами, приохотились вставать ночью часа в четыре и носились при скупом свете ночных фонарей по квартире, поднимая такой стукоток, что хоть святых выноси. Неизвестно, как терпели соседи, наверное, крепко спали, а я сна-покоя лишилась - боялась, что посыплются жалобы, но все обошлось. От нескромных расспросов соседней предприняла кое-какие меры: поставила к порогу ведро с водой, сунула туда "лентяйку". Только неожиданный гость на порог, я за тряпку хватаюсь: "Извини соседюшка дорогая, некогда мне, позже сама к тебе забегу". Однажды ответила так, а из другой комнаты блеяние послышалось. На любопытный взгляд соседки ответила: "Совсем замучила кошка Мими, кота требует, а сама импортная, от русских Васек морду воротит. Слышишь, не по-русски мяукает?". Еще не прошли морозы, еще не отvezли мы своих квартирантов на дачу, как прибыло пополнение.

Двоюродная сестра Валентина, теперь она живет в Германии, привезла из Казахстана пару породных кур во главе с красавцем петухом великолепной расцветки. Делать нечего, приютила новых постояльцев в кухне под столом, загородив картонками. Все бы ничего, но петуху петь охота, и очень рано. Однажды я стояла над ним и с ужасом ждала, когда тот, встав в исходную позицию, прокричит побудку раз, наверное, в десятый. Чтобы как-то замаскировать петушиное пение, включила радио на полную мощность, а было шесть часов утра. Красавец мой петь не перестал, потому что ему отклик услышать хотелось, а шуму прибавилось. И вдруг - чудо! По радио прокукарекал петух - там шел разговор о сельском хозяйстве, - мой жилец поперхнулся последним "ку". С тех пор приходилось вставать рано: как только он встанет наизготовку, я его тихонько по клюву - шелк, и негромко - не разбудить бы соседей, вместо него прокукарекаю, чем совершенно сбива гордого петуха с толку. Петь он почти перестал, но появилась в его характере нервность: на кур почти перестал обращать внимание, а на меня посматривал нехорошо, норовя долбануть клювом, когда корм давала. От этой привычки отучала петуха веником - спесь петушиную сбива, но в его поведении стала наблюдаться несвойственная мелочность. Отпихивая кур, он первым набрасывался на корм, выглядел

жалким, потерянным. У них ведь, у петухов, как бывает: десять раз они зернышко в клюв возьмут и снова положат, и клекочат, клекочат - смотрите мол, подружки, какой я добытчик. А тут... поняла я тогда, что мужской род - петушиный или человеческий, унижать никак нельзя: ни веником, ни словами - от этого он теряет мужское достоинство и напрочь забывает о своих многочисленных обязанностях. Придя однажды с работы, я увидела, что куры со своим предводителем, разрушив непрочные заграждения, вырвались на свободу. Петух вновь обрел уверенность в себе, даже козочек не испугался. Теряя на паласе кучки удобрения, клекотал он, созывая кур, делая вид, шельмец лукавый, что отыскал на нем зернышко. Оценив ситуацию, попыталась тихо-мирно водворить кур на место "цып-цып-цып" - голос мой звучал ненатурально-ласково и куры предпочли слушать не меня а петуха, который перед ними шаркал ножками и сверкал опереньем, потихоньку уводя их в следующую комнату.

Мирно разрешить вопрос не удалось, пришлось применить силу. Увидев знакомый веник в моих руках, петух стал носиться по квартире, за ним куры, кудахтая так, будто их кладут под топор. Петух взлетал на кровати и шкафы, роняя посуду, заполошно кричал, закатывая глаза. Не молчали и Ванька с Манькой. С большим трудом удалось мне восстановить порядок, после чего долго прибирала квартиру, выметая кучи битой посуды.

Вскоре после этого переправила и тех и других в деревню: пока не сколотили сарай, жили они все вместе в бане.

На даче мы с сестрой вели подсобное хозяйство, когда еще работали, а теперь, когда вступили в ряды пенсионеров, тем более земля жить помогает: если ее приласкать, она в долгу не остается. Пенсия мала, стихи не кормят, а есть хочется и почему-то каждый день.

Как суровые дети севера или бесстрастные акыны степей, которые что видят, о том и поют, так и я: упомянула о подсобном хозяйстве, и захотелось рассказать курьезный случай, приключившийся со мною в более позднее время. Кстати, самоирония и юмор зачастую помогают мне защититься от горестных мыслей, от превратностей судьбы, от безденежья, наконец. Когда-нибудь, возможно, я создам свою партию - партию любителей юмора (сокращенно ПЛЮ), а пока я Генсек и единственный член этой партии.

Свою дачу купила, когда еще работала: полдома в селе Мраморском. Строение покосившееся, столетней давности, в некоторых местах просвечивало - пришлось сделать кое-какой ремонт: перед наклейкой обоев залатала дыры, в ход пошли даже обложки старых книг, найденных в сарае.

В бане переложила печь, но работа печника мне еще незнакома, поэтому пыhtеть пришлось долго, а когда вывела трубу до крыши,

решила нанять знакомого мужика, но вышла промашка. Он приехал пьяный уже с утра, пришлось его завернуть обратно: как в таком виде пускать его на крышу - навернется, сломает руки-ноги, что тогда с ним делать? Полезла на крышу сама. Ведро раствора как-то сумела закрепить, а вот ведро с кирпичами пришлось поднимать частями: вверх-вниз, вверх-вниз и до того намоталась, что к вечеру, смертельно уставшая, оступилась. Лежу под грудой кирпичей, жалею себя: "Был бы Вася жив, обязательно бы помог", - думаю. Вася жил не здесь, а в другой деревне, где была дача сестры. Частенько помогал нам добрый сосед - напротив он жил, увидит, что мы с сестрой топором да пилой машем, подойдет.

- Девки, неладно вы делаете - и работу сделает ладно и быстро. Мы в долгу не оставались: то картошку поможем копать, если они с женой "зашивались", то на покосе сено гребем. Здесь, на Мраморе, такой палочки-выручалочки не было.

Да и умер Вася уже. Со стоном, кряхтением выбралась из-под кирпичей, а на другой день отлеживалась, только к вечеру немного расходилась. Придя с себя, решила выпилить жердочки для изгороди. Лес рядом, за железной дорогой. Уже выпилила, уже стала собирать их, как откуда ни возьмись - парень передо мной. Наружность дебильная, да еще и вином, как от винной бочки разит, а белая рубаха до пупа расстегнута и глаза нехорошие. Парень был не деревенский: на пригородном поезде частенько наезжали сомнительные личности, промышлявшие мелким воровством.

- Тетка, пошли в лес, - говорит.

- Я и так в лесу, - растерянно ответила ему.

- Пошли, дура, а то зашибу!

Намерения парня были ясны. "И откуда ты такой распахнутый свалился на мою голову! - тоскливо подумала, а вслух предупредила:

- Отстань, кричать буду!

- Ори. Никто не услышит, - ухмыльнулся он.

Действительно, была уже осень, грибников давно в лесу не видно, а люди в домах не услышат. Бежать? Но ведь молодой шустряк тут же одним прыжком догонит меня, тем более, что после вчерашнего трудового подвига я была сильно хроменькой. Тюкнуть его топориком? Но пока шарю в траве, отыскивая инструмент, он меня скорей шарахнет моим же топором, да и в любом случае страшно живого человека, даже насильника, обухом ударить. Мысли пролетели мгновенно - и что на меня нашло, от безысходности, что ли, закричала, что было силы: "Вася!"

Парень, подумав, что "мой Вася" стоит за кустом, да еще с топором, примеряясь к его голове, дал деру, а я в раж вошла и кричу ему вдогонку: "Не туда смотришь, Вася, вправо, вправо он сиганул!", - а сама уже в это время жердочки собираю...

Земли было много, несколько лет половиной участка пользовались родственники и знакомые, но позже у них отпала необходимость у меня садить. Чтобы земля не зарастала травой, засеяла ее пшеницей: ходила с кастрюлей, как древний пахарь с лукошком и бросала зерно в пашню. Но потом подумала - подумала, да и продала, как раз за два месяца до дефолта.

Иногда задумываюсь: почему миллионы людей - не лодыри, не алкаши да и в голове у них не пусто - живут в униженной бедности? Кто же ответит на этот вопрос?

Ау, отзовитесь! Нет ответа.

- Была недавно в Чехии у дочери: живут они гораздо лучше нашего - рассказывала Р.П. Морозова, с которой вместе работала в поликлинике. - А пенсионерки принарядятся, маникюрчик сделают, носики припудрят и в кафе свои пенсионерские ходят, общаются за чашкой кофе.

Мне это известно: двоюродная сестра Валя Ухова, а нынче Гейль, живет в Германии, кое-что о жизни тамошней знаю. Ее брат, Александр Ухов и многочисленные племянники, до сих пор живут в Чернушке, откуда я родом. Разница ощутимая. Государство победителей живет намного беднее побежденных.

Нам, детям страны Советов, так и не удалось посмотреть в глаза социализму, который мы строили. К середине 80-х оказалось, что нам еще предстоит достроить его, но уже с человеческим лицом. Возможно, лицо у социализма и было, только глазки его смотрели куда-то вверх. Поговаривали даже по секрету, что призрак коммунизма, долго бродивший по Европе, был замечен у нас - не призрак даже, а реальный коммунизм, но опять же там, наверху. Разрушив до основания то, что построили, срочно пришлось приниматься за строительство капитализма.

Мой младший брат Сережа, у которого мышление отличалось большой гибкостью, понял, что система хромает на все четыре ноги гораздо раньше, чем остальные, задолго до того, как пришла официальная перестройка. Доживи Сергей до сегодняшних дней, из него получился бы дельный, умный предприниматель. У брата были золотые руки, его ценили на работе, да и дома все спорилось в руках, тем более что жена Нина тоже вела хозяйство образцово, как ведет и сейчас, но уже без него. В конце жизни, получив участок в новом коллективном саду, они освоили его за одно лето. Пока Нина полола - копала грядки, Сережа своими руками построил приличный домик, баню, гараж. Он работал в закрытом городке, а потом на свердловском номерном заводе - возможно, поэтому детей Сережа после себя не оставил. Младших братьев моих уже нет, а мы живем, как можем, проходя то светлую, то черную полосу.

- В одну шеренгу становись! Равняйся! - командует Валентина Волохина. Бывшая медсестра, спортсменка, много лет отстаивала она спортивную честь Северского трубного завода, а сейчас ведет группу здоровья при ДК. В группе нет людей "не нашего круга", все одного социального статуса - пенсионерки. О чем только мы не переговорим, пока раздеваемся-одеваемся.

- Была в больнице, специально 31 декабря выбрала. Думала, что перед Новым годом, - народа поменьше будет, - начинает одна.

- Ну, и как? - Тема эта животрепещущая, больная, напрямую касается всех нас.

- Выстояла полтора часа в очереди...

- Это еще крупно повезло, - замечает кто-то.

- Захожу к хирургу, - продолжает первая - Доктор, говорю, у меня пятка болит. Боль отдает в колено и бедро.

- Идите к травматологу, - не отрываясь от бумаг, отвечает врач.

- Но я не ушибала ногу, почему к травматологу?..

- Повторяю вам - уходите: шпоры лечит врач-травматолог.

- Я долго стояла в очереди, может быть, вы дадите направление на снимок, а с ним я уж к травматологу.

- Еще раз повторяю: выйдете из кабинета, если на ногах не можете - выходите на руках! - потребовал хирург.

- Меня не так отказ обидел, как его издевательская реплика, - жалуется женщина.

- Надо же, какая обидчивая! А ты подумала о его настроении? Нашла время, когда врача беспокоить - кто же 31 декабря о работе думает?

- А может, у него простата разыгралась, а ты его достаешь своей пяткой, права качаешь, ладно бы пятка была молодая! - следует реплика.

- У них теперь есть почетное право - лечить геморрой у олигархов, о неприятной обязанности смотреть на твои пятки они предпочитают не помнить! - добавляет кто-то.

Обсуждение продолжается.

-У него маленькая зарплата, вот он и злится.

Увы, злятся не только он, многие врачи злятся на маленькую зарплату, только вымещают они почему-то на нас.

Проработав в системе здравоохранения в общей сложности 25 лет, невольно сравниваю то, что было, с тем, что есть - дистанция огромного размера. Некоторым из коллег я бы руки теперь не подала, и дело даже не в том, что врачам заработать хочется - это желание естественное, и не в том, что "не почину берут". Иногда виновата и другая сторона, но если речь идет о здоровье близкого человека, если прямо стоит вопрос о жизни и смерти, тогда винить другую сторону не берусь. Вспомнилась мне, как увозила в свердловскую больницу дорогие лекарства для брата, которые оседали в широких карманах заведующей отделением,

не доходя до Олега - позже медсестра по секрету рассказала и тошно стало...

- Ты деньги на лекарства принесла?

- Доктор, у меня таких денег нет, - робко отвечает больной. - Нельзя ли подешевле?

- Дешевле - дома лечись. В отделение зачем пришел? Я тебя не звал - говорит хирург у постели больного.

"А я не к вам домой пришел, не в вашу личную клинику" - сказать бы больному, но он сник, оробел. Такой разговор не придуман мною, а взят с натуры. Знаю, что хирурги всегда отличаются грубоватостью, некоторой долей цинизма: много повидали, много умеют и понимают - на них смотрят зачастую как на Бога. Знаю также, что такая грубоватость врача даже нравится порой больным, заставляет их мобилизоваться, поверить в благополучный исход. Но хамство, которое вошло сейчас в норму, окончательно добивает больного...

Не хочу мазать все и всех черной краской - есть у нас в городе внимательные, сердечные врачи, есть! Много хорошего делается в медицине: ремонтируются больницы, закупается необходимое оборудование, повышает квалификацию медперсонал. Дело за малым: за тем, чтобы душу в Медицину вдохнуть - глядишь, она бы и с нами сердечнее стала - с теми, кто по возрасту и по болезни сошел с трудовой дистанции, с детьми, чьи родители не богаты.

Гульчатай личико открыла, Зухра - тоже, а Медицина, восточная красавица, что же? Хотя бы не в анфас, хотя бы в профиль явила ты личико прекрасное людям, больше всего в тебе нуждающимся. А уж если ты, голубушка наша, кому-то помочь, увы, не в силах, так не хами в печальных случаях, добрым словом успокой боль и страдание.

Задумалась так, что не сразу услышала голос Валентины.

- Построились в шеренгу по четыре. Молодцы!

Я все еще на оздоровительной гимнастике, идет минута психологического тренинга... "Поднимите руки вверх. Поместите в хрустальную вазу все доброе, красивое, светлое. Покачайте-покачайте и пролейте на себя".

Собираю в воображаемый сосуд лукавый взгляд Матвейки, добрую улыбку Володи, всхлип ручейка и цветы с участка Устюговых, на котором колготимся мы в последние годы.

Ваза большая, хороших моментов в жизни тоже много, я с наслаждением лью на себя все радостное и чистое, смывая наскоившуюся грязь. На душе и вокруг меня посветлело.

Стоп! Мои мысли, мои "скакуны" явно помчались в другую сторону, пора их завернуть обратно.

Как - то незаметно перешагнула я из одного века в другой. А что там, в 21-м веке, думала когда-то. Как что? - Жизнь, ответила бы сейчас. А она, как всегда, разнообразна - то черная полоса растянется на многие годы, то светлой полосой порадует. Но не только черно-белый цвет у нее - иногда такой радостной пестротой, как мамины половики, удивит, что дух перехватывает от красоты такой.

Я помню все светлые лица, которые когда-то окружали меня и которых уже нет, стараюсь беречь тех, кто рядом...

Жизнь моя - ни в том, ни в начале этого века ничуть ни героическая, даже "коня на скаку" останавливать не пришлось. Просто жила... Сейчас, подходя к определенной черте, не хотела бы ни идеализировать прошлое, ни тем более, плевать в него: "Понаделали, коммуняки": так ведь можно и на могилу родителей попасть. Но не хочу хулить и будущее - его выбрали молодые, им жить в нем, но кое - что из прошлого надо было бы сохранить.

То, что захотелось описать некоторые штрихи ушедшего времени - отнюдь не для того, чтобы покрасоваться. Пусть новое поколение узнает о нашем чуть больше, чем сейчас, а мои современники еще раз припомнят свою жизнь.

P.S.

А уроки, каждый день новые, еще будут, правда, не знаю, сколько и какие, только вот исправление ошибок в жизни сделать труднее, чем в тетрадке, да и повторение пройденного уже невозможно.

*Как же все-таки жаль: мне дано было имя богини,
Что на первый мой крик залетела случайно в окно.
Как нелепо смешались у матери мысли благие,
С несусветной мечтой из каких-нибудь вычурных снов.*

*Я несла бы с достоинством гордое имя Мария,
Сельской Надей могла б незатейливо семью любить.
"Носишь платье навыворот",- казалось, кругом говорили -
Нелегко россиянке под греческим именем жить.*

*На Олимпе резвится богиня охоты Диана,
Я ж, годами укрытая, нудно считаю «до ста».
Сотня... две... как же тошно в постылых объятьях дивана -
Поспеши, час предупренный, день поскорее сверстай!*

*Пыль с себя отряхну, чтобы вновь соответствовать имени,
Я пройдусь горделиво, вся в искрах бывшего огня,
И сквозь прорезь дождя тихий шепот услышав: "Богиня!",
Захочу и поверю - Богиня коснулась меня.*

*Годы, годы! Пора бы уж каяться
За свои и чужие грехи.
Что же сердце так молодо мается
От ворчанья колдуньи реки.*

*Я усердно читать буду библию,
По уставу ходить буду в храм,
А пока - на прозрачную лилию,
На березку молюсь по утрам.*

*Узловатые корни язычников
Проросли в память с древней поры...
Ах, как роза в окладе наличника
От полуденной млеет жары.*

*На хрупких солнечных лучах я
Сыграю, как на ксилофоне,
И распрямится кустик чахлый
Любви, в его купаясь звоне*

*Высокий звук вплетется в душу,
Настроит камертоном сердце.
Замру на миг, его послушаю,
Как день хорош - самой не верится.*

*Я сегодня гуляла на улице Первой любви,
На потом оставляя кварталы печали,
Там огни полыхают - уже не мои, не твои,
Вверх и вниз чью-то юность качели качают.*

*И на площади Радости я постояла чуть-чуть,
Показалось мне что ли - она стала уже,
И девчонка, и чья же такая? - отправилась в путь
И смеясь, побежала с мальчишкой по лужам.*

*"Вы куда?" "Далеко, до проспекта Заветной мечты!"
Уступлю им дорогу - пускай обгоняют.
Их весна подхватила, роняя под ноги цветы
"Осторожней", - кричу, - "там колючки бывают" ...*

*Вместо грома небесного - снова стрельба
Рыщут черные призраки ночью,
И во мраке растаяла чья-то судьба,
Вновь зарю разорвало на клочья.*

*Хохот дьявольский взрывом летит далеко,
Оскверняя и землю и сушу.
О, Господь! Нынче детям твоим нелегко:
Вразуми, усьмири наши души!*

*Растворилось давно время розовых снов,
Но из них помню светлые лица.
Пережить бы скорей годы бешеных псов,
Чтобы злобою не заразиться!*

*Сгусток ужаса в сердце. Дышать нелегко.
Вдох и выдох. Но, боже ты мой -
Хорошо, что беда от меня далеко
Дом родной обошла стороной.*

*Крепче уши заткну и закрою глаза,
Чтоб не слышать, не видеть, не знать,
Но ладонь обжигая, скользнула слеза,
И опять нет покоя, опять.*

*Я все помню, все знаю: бандиты, Беслан-
Там Аленка, Тагир, Исмаил-
Там с моим православием рядом - ислам
И убитые дети мои.*

*А в обнимку - твои. Они тоже мертвы.
Так за кем еще пули летят?
Но молюсь я: бежит, не касаясь травы,
Уцелевшее н а ш е дитя.*

РАССКАЗЫ

Вечер романсов.

В один из ноябрьских вечеров Галина поняла, что ей надоело всё: жареная картошка, куры с петухом-красавцем, соседка Катерина и кофта, которую она вязала третий год.

"Верунчик, умоляю, выведи меня в свет", - позвонила она в Екатеринбург своей давней институтской подруге, - "Да и сама развеешься, а то скоро нас моль сожрет!". Та охотно согласилась. Из культурных мероприятий выбрали вечер романсов в музыкальной школе - во-первых, это недалеко от Вериного дома, а во-вторых, - бесплатно.

Домик, который держала Галина Петровна под дачу, был на окраине городка, что в часе езды от Екатеринбурга. На улице жили такие же, как она пенсионеры и дачники. Зимой она перебиралась на квартиру, но бегать туда-сюда приходилось ежедневно - хозяйство проведать, кур покормить, соседку навестить. Куры особого дохода не приносили, но живность грела душу: дети выросли, жили далеко и приезжали редко, а Галине Петровне и совсем накладно ездить с пенсии-то! Ладно, пишут, не забывают. Земля с каждым годом становилась тяжелее, но женщина и в мыслях не держала расстаться с огородом: все-таки и подспорье к пенсии, к тому же свежий воздух, и дом был родительский, в нем каждый уголок знаком, каждая половица родная.

"Пока руки лопату держат, ноги ходят, продавать не буду", - отвечала она многочисленным покупателям, которые нет-нет и навевались к ней: место уж очень завидное, вдали от городских дорог, на берегу пруда. В последний год к огородным делам прибавилась и забота о соседке Катерине: обезножила та, а дочь ее непутевая только в день полочки пенсии прибежит, выгребет материнские деньги, да и была такова. Приходят, конечно, социальные работники, да ведь они мыть-стирать не будут, горшки выносить - тем более. Вот и обихаживают, как могут, соседки больную.

С Верой она договорилась, что приедет сразу на концерт. Час езды до Екатеринбурга проехала нормально, а там сразу же попала в пробку: целых полтора часа пилил трамвай, пока добрался до нужного места.

В зале подруги не оказалось. Первую половину концерта Галина млела от удовольствия, вторую - тряслась от страха: что с подругой? Как она одна будет добираться до ее дома? Тихо-тихо, боком-боком выбралась она из зала, не дожидаясь окончания концерта. На улице неожиданно резко похолодало.

"Кис-кис, остановись", - услышала незадачливая меломанка голос

подвыпившего верзилы, рука которого потянулась к ее груди. Сердце женщины зачастило, и она, не помня себя, резко оттолкнула то ли грабителя, то ли насильника.

"Убью, стерва!" - взревел мужик и рванулся за ней, но споткнулся и упал. Нет, Галина не так боялась за свои честь и достоинство, как жалко было расставаться с новенькой горжеткой и норковой шляпой, которые она купила перед самым выходом на пенсию: теперь-то ей и лисьего хвостика не купить! Ах, как радовалась она, когда ее немолодых уже плеч коснулся шелковистый мех: он искрился и переливался мягкими волнами при дуновении ветерка, согревая ее и радуя душу. Наконец-то она рассталась со своей лысой каракулевой шубой, которая расплзлась от старости, хотя Галина постоянно выстригала голые места и вшивала новые кусочки меха. Ну, не совсем новые - на заплатки шли воротники и манжеты старых пальто - свои и соседские, но и они последнее время перестали держать шубу. А шляпа! Это была вторая в ее жизни шляпа из натурального меха: первая продержалась на голове неделю - у ее же подъезда подростки сорвали.

"Радуйся, что по голове не шарахнули", - утешали подруги - "Тебе еще повезло - у одной так-то вот сняли пацаны, за углом рассмотрели: шляпа-то старая! И что ты думаешь? Догнали бабу, да наподавали - не носи, дура, старье. В курятник-то и в мохеровой ладно ходить," - вторила ей другая. Нет, заело, поднатужилась Галина, купила другую, еще краше первой.

Она добежала до остановки первой. Там было темно и пусто: только что отошедший троллейбус подмигнул ей красным глазом. Недолго думая, Галина сорвала с плеч горжетку и затолкала в хозяйственную сумку, туда же отправила шляпу, а на голову натянула старенькую пуховую шаль, пододевшую для тепла под легенькое пальтецо, и враз из элегантной дамы превратилась то ли в бомжиху, то ли в не очень удачную уличную торговку. Подбежавший мужик в скрюченной от холода бабе "стерву" не признал, равнодушно прошел мимо. Теперь главным ее врагом был холод. Отчаянно мерзли руки: перчатки остались в сумке под толстым слоем меха. Галина сунула туда руку, но перчаток не нашла, зато поменяла местами вещи в сумке: в шляпу заботливо положила яйца - свои, домашние, которые везла вместе с бутылкой вина, тоже домашнего, подруге на гостинцы. Рука согрелась. Теперь бедолага отправила в меховое нутро другую руку - пусть погрееется. Какое блаженство! Самой бы нырнуть туда, но вдали показался троллейбус, теперь женщина и хотела, но не могла извлечь из сумки руку. Похоже, браслет часов зацепился за тесьму, которой она хитроумным способом крепила горжетку к пальто, называя ее "ремнями безопасности". Для грабителей такой крепеж - раз плюнуть, вернее, дернуть, но так было спокойней, да и лиса на плечах не юлила. Сейчас же чертова краса-

вица норовила выскочить из сумки и встать в свой вертикальный рост. "Нашла время красоваться, подлая!" - ругнула ее хозяйка, - "сдернут ведь!". Полная сумка дорогих мехов у замерзающей тетеньки могла вызвать нездоровое любопытство, поэтому женщина с трудом влезла в троллейбус как засть: в руке сумка, в которой находились меха, гостинцы и другая рука. Тяжело плюхнувшись на сиденье, Галина уже через минуту освободила плененную руку, а еще через минуту поняла, что села не на свой троллейбус. "Ду-ра! - с чувством, хотя и про себя, протянула Галина, - "И чего понесло искать приключений на старую голову?" Чтобы чуток согреться, она проехала еще пару остановок и вышла в совершенно незнакомом месте. Первый же порыв ветра выдул из нее остатки тепла... Женщина торопливо пошла, почти побежала по улице, потом, сокращая расстояния - по улочкам и закоулочкам и скоро поняла, что окончательно заблудилась. Она растерянно стояла на перекрестке, тоскливо озираясь, пытаясь сориентироваться. "Скажите, какая это улица",- обратилась она к одинокому прохожему, но тот кособоко прошел, пытаясь укрыть кургузым воротником шею и лицо от порывов ветра.

Женщина безуспешно старалась прочитать название улицы, но ей это не удавалось: после катаракты зрение полностью не восстановилось, а потому и с работы пришлось уйти - в ее 58 лет подруги вовсю работают еще! Сейчас в душе Галины Петровны боролись два человека: окоченевшая пожилая провинциалка, готовая умереть на этом самом месте, где стоит, и некогда волевая учительница, к тому же и завучем проработавшая двадцать с лишним лет. "Бороться и искать!" - промелькнуло у второй, и она уже спокойней огляделась. "Прорвемся!" - подбодрила себя Галина. Батюшки! Да ведь она уже с полчаса бежит туда-сюда вдоль гигантской буквы "П" - это и был Верин дом. Обрадованная, она забежала в нужный подъезд. Там пахло кошками и подростками, но было тепло-тепло! Женщина стала подниматься вверх, но вдруг услышала подозрительный шорох. "Николай, ты что отстаешь?" - громко проговорила она и натужно покашляла, - Куришь много, вот и кашляешь! Поднимайся скорее, Василий, наверное, от двери не отходит, нас дожидается..." Мимо нее с шумом пробежала кошка и остановилась у батареи. "Фу ты", - облегченно рассмеялась Галина, - Так это я для тебя речи толкаю? Да не бойся ты, я и сама боюсь!" Она прислонилась к батарее и несколько минут отогревала руки и колени. Отогревшись немного, нацепив на себя меха, мысленно поправила на голове воображаемую корону, и вот уже в дверь к подруге стучала уверенная в себе женщина с горделивой улыбкой на чуть посиневших губах.

-Верунчик, что с тобой? - ахнула она, увидев подругу. Та была в замусоленном виде, с мешками под глазами, постаревшая, вялая.

-Замучил, проклятый! Целый день валяюсь в постели, - буркнула та.

-С кем? - игриво спросила Галина.

-Не с кем, а с чем", - поправила подруга, - грипп подцепила, температуру, хандрю. Извини, что тебе не позвонила, совсем вылетело.

-В постель! Не паниковать! - скомандовала гостья, радуясь, что вовремя приехала. Припарки-заварки, горчичники и обтирания сделали свое дело, и к утру Вера сияла как новенькая.

-Ну, ты уж долечивайся сама, а я поехала! - несмотря на уговоры подруги, она поехала к себе - соскучилась по своему продавленному дивану, курам, да и вообще по дому.

-Вы к Катерине заходили? - спросила она соседку, забежавшую к ней на огонек.

- Ходили, конечно. Знаешь, Галина, ведь с ней совсем невозможно стало. В этот раз деньги от дочери спрятала, да и забыла, с нас требует, еле отыскали. Что делать-то будем?

-Да не она это - болезнь в ней говорит, - тихо проговорила Галина. Сердце ее болезненно сжалось. Ей ли не знать, каково лежачему больному - всего год, как мужа схоронила, два года после инфаркта пролежал, - Потерпим уж, люди же мы...

-Так-то оно так... а ты-то как съездила? - перевела та разговор.

-Отлично! В следующий раз вместе поедem, - добавила Галина, заметив завистливый взгляд соседки, - оторвемcя по полной, как сейчас говорят!

-Оторвемcя, - согласилась гостья.

-Чего нос повесила? А ну проходи, плеснем по чуть-чуть, - пригласила хозяйка. И вот уже приятное тепло разлилось по телу, согрело, расслабило.

-Давай, подруга, нашу, любимую, - озорно тряхнула она головой.

И они затянули сначала одну, потом другую песню, пели романсы и частушки, пели о главном и не очень, но без чего пусто в жизни и скучно жить на свете. Голоса лились слаженно и сильно, тоскуя по чему-то давнему, сокровенному, что могло быть, но не сбылось, радуясь каким то своим, только им известным моментам. За окном стояла тишина - казалось, весь городок затих, слушая женщин.

Узелки.

Годы и болезни сделали свое дело: мир старой женщины сузился до размеров небольшой комнаты, из которой она почти не выходила. Телевизор почти не смотрела: там была чужая, незнакомая жизнь, даже слова были такие, будто люди разговаривали на чужом языке: электорат, ваучер, толерантность. Книга неделями лежала на одной странице - подводило зрение, да частые изматывающие головокружения. По этой же причине она не могла докончить носок, который начала было вязать едва ли не год назад. Иногда женщина просила принести ей тазик с водой и здесь же, сидя на кровати, перестирывала какие-то платочки, тряпочки, салфетки, нужные в ее сидячей жизни. Дочь раздражалась: "Я что, сама не сделаю? Что люди скажут?" - и уносила тазик в ванну. Мать начинала тихонько плакать.

По вечерам с визитом вежливости заглядывал зять, ненатурально - бодренько справлялся о здоровье и, не дожидаясь ответа, отбывал к своему телевизору.

Женщина робко вызывалась почистить картошку, или сделать какую-то другую несложную работу, но от нее отмахивались: "Да отдохнай ты! Не наработалась еще?"

Вытерев слезы, она вставала, тяжело опираясь на спинку стула, двигала его и с трудом - шажок за шажком передвигалась на больных ногах по комнате, а добравшись до шифоньера, бессильно опускалась на стул. Отдохнув минуту-другую, женщина начинала бесцельно перебирать и снова складывать свои ненужные теперь вещи, и без того лежащие в идеальном порядке.

Так проходили день за днем, ничем не отличающиеся один от другого...

Много позже, перебирая оставшиеся от матери вещи, дочь с удивлением увидела, что на платках, салфетках, каких-то старых лентах бугрились, как вздутые нервы, узелки, узелочки, нелепые бантики, будто безмолвная мольба о внимании, напоминание о себе.

Память матери угасала, силы почти оставили ее, но она жила и руки, не привыкшие к праздности, все искали и искали работу...

Коррида.

Если сейчас не встать, то не встать уже никогда, это было совершенно очевидно. Ольга Сергеевна лежала, заживо погребенная лавиной бед - униженная, полураздавленная, жалкая: мешки под глазами, размытое лицо, затравленный взгляд. Еще шесть-семь лет назад она была веселой, привлекательной женщиной: следила за собой, бегала в сауны-бассейны, на репетиции в ДК - романсы и старинные песни она пела на "ура".

Свой 50-летний юбилей Ольга отметила с размахом, готовилась к нему чуть ли не полгода, продумала меню и программу, чтобы гости не просто посидели, поели-попили.

Красивая, нарядная, она встала перед собравшимися друзьями, и озорно блестя глазами, сказала: "Прошу сдать все домашние письменные заготовки - на досуге прочитаю с благодарностью. Устные выступления на тему: "Самая молодая, самая привлекательная Ольга готова слушать в будни. Но понемногу. Но - каждый день. Ответу взаимностью". Гости расхохотались. А потом развернулся капуста, в котором были задействованы все. Гости расходились сытые и довольные.

- Я ухожу, - сказал муж, тоже врач.
- Куда ты на ночь глядя, - удивилась Ольга.
- Я совсем ухожу.
- К Ленке, медсестре своей затраханной, - взвилась Ольга.
- У нас ребенок будет ...
- Допрыгался, козел старый! Да у вас же в хирургии сплошное перекрестное опыление! Чей ребенок-то? - зашлась в крике Ольга.
- Разберусь...

За благополучным прошлым захлопнулась дверь.

Это был мощный удар, от которого женщина сникла, потускнела, "потеряла кураж", как говорят цирковые: рухнул давно отлаженный мир, свет потускнел.

Она перестала обращать внимание на то, что творится вокруг, жила по инерции, а между тем в жизнь ворвалась перестройка и взбесившимся быком мчалась по стране, давя слабых и тех, кто не успел увернуться. Попал под ее копыта и младший брат, к которому Ольга была очень привязана: до смерти забили - запинали не люди, коих развелось множество, и всего-то из-за шапки и полупустого кошелька. Ольга замкнулась, перестала брать подработку, дома вязала-перевязывала кофту, или валялась с книгой, не очень осмысливая прочитанное.

- Ольга Сергеевна, купите платье, вам к лицу будет, - предложила мед-

сестра перед приемом, - она приторговывала то косметикой, то тряпками, частенько убегая с приема.

- Под халатом не видно, - отмахнулась та.

Как вошла она в одно платье, так и ходила в нем и в будни и в праздники. Впрочем, праздники для нее кончились, Ольга даже боялась их прихода, тем более, что и сын тоже закуролесил: то расходится, то сходится со своей благоверной, а страдают, как всегда дети - сноха даже к Ольге их редко стала отпускать, злясь на сына.

Поликлиника стала походить на большую барахолку: все что-то покупали - продавали, но Ольга Сергеевна лишь брезгливо проходила мимо. Впервые получив пенсию, она с каким-то недоумением пересчитала деньги: не густо ей с одной-то ставки начислили, совсем не густо! Пожалуй, только теперь она осознала, что старость - и совсем несладкая, совсем рядом, что лечь и умереть по своему хотению не так-то просто.

Женщина вспомнила: год назад ей делали операцию на почках и первое, что невольно выдохнула она, придя в сознание, было: "Жива все-таки!" и заплакала.

- Все хорошо обошлось, не беспокойтесь, - поспешил заверить хирург, неправильно истолковавший ее слезы. А для кого хорошо-то?...

Была, ох, была у нее грешная мысль "уйти" во время операции, тем более, что сердце стало подводить, а тяги к жизни - никакой... После операции были осложнения, вставала на ноги Ольга трудно и долго.

Но раз вынуждена была жить, похоже, надо позаботиться о себе. На работе то и дело обсуждали вопрос, как и где уберечь деньги от инфляции: кто-то скупал все, что надо и не надо, а кто-то вкладывал их в различные финансовые группы, которые росли, как поганки после дождя. Решилась, наконец и Ольга: скопила пенсию за полгода, продала ваучер, заняла у родственников. Два часа тряслась на электричке, прижимая к себе сумку с деньгами и облегченно вздохнула, поместив их в областной "Купеческий дом"... Через полгода, за неделю до срока, "слиняли" новоявленные "купцы", оставив с носом разъяренных вкладчиков. На фоне прежних бед Ольга переживала, кажется, меньше, чем остальные, но чувство униженности оказалось достаточно сильным.

Между тем идея что-то отложить "на потом" уже овладела ею. Она взяла подработку, дневала - ночевала на приеме и в отделении, отказывала себе во всем, даже питаться стала скудно, ценой жесткой экономии скопила уйму, по ее понятиям, денег и доверила их разрекламированному "Хопру" - большие проценты обещали. Она уже соображала, какую сумму из этих денег потратит на ремонт квартиры: после размена с мужем квартира стояла еле прибранная.

Плакали ее денежки, а вместе с ними и она - горько, очень горько плакала! В третий раз она копить не стала, а пенсию свою за единственный месяц поместила в городской банк опять же под большие

проценты. Жила женщина в небольшом городке, где градообразующим предприятием был солидный машиностроительный завод, который на скорую руку учредил банк.

И полгода не прошло, как позвонила подруга:

- Ольга, лопнул наш банк! - голос был подозрительно веселым, похоже подруга была на грани истерики. Она стала подробно описывать, какой ужас творится в офисе, начала было пересказывать газетную статью - Знаешь, Ольга, заводское начальство от банка открестилось, мол, знать ничего не знаем! Вот мерзавцы, им ведь жить здесь с нами! - но Ольга уже швырнула трубку. Сколько она пролежала - без движения, без единой мысли в голове? Как сумела "соскresti" себя? Она и сама не знала. Шатаясь, прошла в ванную, приняла душ. Слабость, надолго ли? - отступила. Теперь все ее 33 несчастья переплавились в одно большое нечто, и это нечто клочкотало, бурлило в ней, подступало к горлу - дышать трудно. Казалось, еще минута и ОНО взорвется, разнесет в клочья ее и окружающих. Она снова сунула голову под холодную воду. Все! Она приняла решение, дышать стало легче.

- Я подам на вас в суд, - с ненавистью выдохнула женщина в лицо управляющего банком, с трудом прорвавшись в его кабинет.

- Подавайте, ваше право, - безразлично ответил тот, задерганный орущей толпой.

- Будьте вы прокляты, - прошипела женщина.

Управляющий ошалело помотал головой.

Ведь ясно же, ясно, что он - подстава, пешка в большой грязной игре, подумала Ольга брезгливо.

- Простите, - заставила она себя выдать, но злости не убавилось. Она вступила на тропу войны, но с кем - с этим ли паршивым банком, с недоброй ли своей судьбой, а может быть и с собой, Ольга Сергеевна определить не могла, зато твердо решила: она будет бороться за себя!

День, когда должно было состояться слушание, начался неудачно - Ольга поссорилась с сыном: тот собирался бросить завод, где работал начальником смены и открыть свое дело.

- Развелось вас, дельцов паршивых, финансистов долбанных, - кричала мать. - Весь в папашу, попрыгунчик, а не мужик.

Ссора была тяжелой, грозила перейти в разрыв, но ее прервал телефонный звонок.

Звонили из банка, предлагали забрать деньги. Удивленная таким поворотом, она поспешила в офис, на ходу, почти не глядя в зеркало, мазнула губы помадой.

- Ну, мать, при деньгах будешь, расхохотался сын.

- Ольга Сергеевна, мы выдадим вам деньги, правда, без процентов, но вы должны подписать расписку, что претензий к банку не имеете, - любезно сказал управляющий и добавил:

- А иначе денег вернуть не сможем.

Женщина, подумав, молча подписала документ, забрала деньги и, взглянув на часы - успевает, отправилась в суд.

- А вы разве не уладили дело в банке? - неприятно удивился судья.

- Сам же, небось, их консультировал, - подумала Ольга, а вслух сказала

- Документ я подписала под давлением и намерена требовать и проценты, и моральную компенсацию.

Только-только услышала она по радио, что существует такое понятие - моральная компенсация. Она увидела, как вытянулось лицо у судьи. В их городе это - прецедент, судье связываться ох, как не хотелось - кто знает, во что это выльется!

- К сожалению, ваше дело сегодня рассмотреть не можем: управляющий банком болен, а заместитель в командировке, - вежливо ответил он, справившись с замешательством.

- Чудеса, да и только, - сказала потерпевшая, - я их час назад видела на месте и в добром здравии. Или они уже двойниками обзавелись? - не без ехидства добавила женщина, уже обдумывая свои дальнейшие действия. Заведенная в ней пружина закручивалась все сильнее и сильнее.

Слушание отложили на месяц.

Прямо из суда Ольга направилась в поликлинику.

- Смеряйте мне давление и запишите в карточку, - попросила она коллегу.

- Ничего себе, нагуляла, - ахнула та.

Давление было высоким - еще бы ему не быть! В процедурке его "сбили" быстро. Все это она могла бы проделать и дома, но кое-какие соображения выстраивались у нее в голове в стратегию и тактику военных действий. На войне, как на войне, поэтому она не пошла домой отлеживаться, а вошла быстрым шагом, почти вбежала к психиатру, взвинтив себя до предела.

- Галина Юрьевна, помогите! Довели, гады! - она описала свое состояние и то, что ему предшествовало, не посвящая впрочем, в планы.

- Самой мне, кажется, не справиться, совсем расклеилась. Похоже я ваша больная. - Направление дадите?

Галина Юрьевна работала еще и в отделении невротозов психиатрической больницы. Со стороны Ольги это был смелый шаг: то, что было обычным в большой цивилизации, провинциальные обыватели могли истолковать с большим преувеличением.

- Может, лучше дома подлечиться, не заводя карточку, - попыталась было отговорить психиатр. - Зачем Вам ненужные слухи?

- А лучше будет, если я кого-нибудь пришибу своим невротозом? - вспылила Ольга Сергеевна. В отделении, куда она просила направление, лечились не то, чтобы совсем уж душевнобольные, но и не совсем в этом плане здоровые люди. "Пограничники", как их окрестили. Впрочем, Ольга понимала, что сейчас пол-России можно уложить не только в это отделение, но и в "палату №6", диагнозов бы хватило на всех!

Стационар был дневной, пациентка принимала утром процедуры, а кучу таблеток выбрасывала дома в мусорное ведро. Она не только подолгу гуляла, но успела переклеить давным-давно пылившиеся обои, а разохотившись, покрасила двери и окна. В квартире стало нарядней.

Перед назначенным сроком Ольга сделала выписку из амбулаторной карты: "Хорошо, что тогда сообразила в поликлинику пойти" - похвалила себя и зашла в кабинет главврача заверить.

- Вы что надумали, какой суд, какая справка? Не имею права! - замахал тот руками.

- Не дам, для вашего же блага не дам, на весь город прослывете кляузницей! Выкиньте все из головы, успокойтесь и приступайте к работе. - Внештатных ситуаций он избегал.

- О своем благе я позабочусь сама, - твердо проговорила Ольга, а вы пальчиком своим начальственным покажите, где сказано, что такие справки запрещено давать в суд. Я ведь вам клятву Гиппократа нарушать не предлагаю! Я не желаю, слышите - не желаю, чтобы меня по стенке размазывали, - закричала она.

- Ох, какие мы все нервные стали, - сбавил тон главный.

Справка была подписана. У судьи она попросила сделать запрос в отделение неврозов: в психиатрии свои правила, просто так документ не выдают.

Заведующий долго изучал запрос, потом пациентку и вот уже его взгляд переместился на потолок.

- Олег Петрович, я еще здесь! - напонила Ольга Сергеевна.

- Лучше бы вас не было, - буркнул тот и документ выдал.

- Ой, вы, наверное, по рассеянности забыли ответить на третий пункт запроса!

Врач засуетился. В отделение нередко снимали абстинентные синдромы у наркоманов, чьи отцы в городском табеле от ранге были не на последнем месте, да и другие услуги оказывались, потому и снабжалось отделение отменно и в зарплате заведующий отделением был не обижен. Ссориться с системой ему не хотелось, могло аукнуться и довольно сильно, тем более, что до пенсии оставалось недолго.

- А что я могу вам написать? - поежился он.

- Правду, Олег Петрович и только правду. Я ведь, придя к вам, не молча руки свои трясущиеся демонстрировала, не просто голову свою показывала - болит, мол, - но и причину изложила довольно точно.

Врач посмотрел на пациентку. Да перед ним стояла не плачущая неврастеничка, а личность, с которой нельзя не считаться. Долго-долго он изучал каждую букву запроса, будто надеясь найти подсказку, но не нашел и, тяжело вздохнув, сделал приписку в свой ответ.

"Причина болезни - социальные проблемы" - значилось в справке, которую она молча положила перед судьей, предполагая, что предста-

витель банка ее содержимое, скорее всего, знает. Да, так и есть, он сразу хотел взять ситуацию под контроль.

- Но, может быть, ваш невроз связан со смертью брата и другими причинами..., - начал было тот. "Пешка ведь, а держится королем", - мелькнуло у Ольги в голове. В затылке зарождалась тупая боль, но Ольга Сергеевна взяла себя в руки. Только не нервничать. Только не показать слабость - ни голосом, ни видом своим.

"Раз-два-три..." сосчитав до десяти, Ольга Сергеевна встала. Она стояла перед ними прямая, собранная; серые глаза, некогда смотревшие на мир с ласковой задумчивостью, полыхнули колючим холодом. Видимо поняли те, другие, что были по другу сторону невидимой черты, что уже ничто не остановит эту женщину - напролом пойдет, чтобы снова почувствовать себя человеком - и дело не в той мизерной сумме, что требовала она. Женщина и сама почувствовала, как внутренняя уверенность возвращается к ней.

- Я ухожу, - с достоинством произнесла она, - но мы еще встретимся и полагаю, что вам придется решать вопрос о гораздо большей сумме, чем сейчас, - четко добавила она уже у выхода. Она уходила непобежденной, она всей кожей поняла, что победила или еще победит...

- Подождите, - услышала она за спиной.

Да, это была уже настоящая победа. Она смогла ... Она встала...

Пробуждение.

Звонок тренькнул громко и неожиданно. Впрочем, в 6 часов так всегда кажется, тем более в деревне, где утреннюю тишину не нарушает ни лязг трамваев, ни вой тормозов. Татьяна услышала в трубке незнакомый голос.

- Николаевна, сбегай, будь добра, к Зое, скажи, что у нее сестра умерла, похороны сегодня. - Голос долго и подробно объяснял, что и как надо сделать.

Женщина слушала молча, понимая, что сейчас не время объяснять, кто есть кто.

Ее, видно, приняли за сестру Веру: телефонов в деревне раз два и обчелся, вот и приходится Вере бегать по соседям с поручениями, вот как ей сейчас.

Татьяна гостила в деревне третью неделю, приглядывая за хозяйством сестры, которая на месяц уехала к дочери. Муж, хоть и работал, жену отпустил: "Езжай, конечно, что тебе в городе в такую жару делать!", а сын взрослый в опеке не нуждается.

Татьяна заторопилась в дом напротив, едва накинув халат. Зою она

знала давно: после медицинского училища направили ее в их деревню - сама Татьяна давно перебралась в Свердловск, а Зоя, или как ее сразу стали звать уважительно сельчане, Зоя Сергеевна, так здесь и прижилась и замуж за хорошего человека вышла, и двоих дочерей вырастила с ним уже. Полюбились она всем - отзывчивая, безотказная. В ночь-полночь, в жару и стужу бегала по вызовам, однажды из-за стола на собственной свадьбе выдернули - у женщины начались преждевременные роды.

Щедрой рукой расплачивались люди со своей фельдшерницей, по полной чаше наливали: чтоб с устатку лучше спалось, чтоб не простыла - вон под какой ливень попала, до больного добираясь, да мало ли причин найдется. В молодости Зоя от угощения решительно отказывалась, но позже иногда опрокидывала рюмочку то в одном, то в другом доме, а в последние годы стала пить, причем по-черному. В районе еле дождалась, когда ей стукнет 55 лет - сразу же предложили уволиться. И пошло-поехало, тем более что умер муж, с которым жили душа в душу и который сдерживал тягу к зеленому змею, незаметно подползавшему.

Татьяна распахнула дверь, ведущую в крытый двор - изнутри она не была задвинута шеколдой, как раньше. Голодная собака тявкнула было, но скорее для порядка и тут же завиляла хвостом, ожидая подачки, которая порой доставалась ей от гостей. Изба тоже была не заперта, запах в кухне стоял отвратительный. Небольшой закуток для кухонной утвари был забран по краю русской печи легкой перегородкой. В селе уже два года назад провели газ, но откуда деньги на него у пьющей пенсионерки? Топила Зоя печь дровами, а иногда в холодной избе ночевала. В проеме был виден распахнутый подпол, на краю которого стояла не полная трехлитровая банка с мутной жидкостью. Сама хозяйка лежала в одежде в передней части кухни на продавленном диванчике. На ее лице спокойно разгуливали две большие мухи. Им, похоже, нравился запах, исходивший из полуоткрытого рта, а уж тоненькую струйку слюнки, блестевшую в уголке, они вообще сочли за лакомство, подолгу замирая над ней, хотя еды для мух в доме хватало. На столе в беспорядке лежали огрызок дешевой колбасы, грубо заломанный батон, в тарелке застывшей горкой возвышалась картошка с воткнутой ложкой, на которой атели капли варенья. Стол венчала пустая бутылка с притулившимися к ней рюмками.

- Зоя, проснись! - Татьяна потрясла ее за плечи.

- А? Что? Сказала ведь я - долг завтра отдам. Завтра! Да иди ты ... - Зоя отмахнулась, но тут же открыла глаза. - Тань, ты, что ли?

Она вскочила, вроде бы даже устыдилась беспорядка, схватила веник и взмахнула раз другой по полу, не вслушиваясь в то, что говорит соседка, потом бросила веник и метнулась к столу, заученным движением слила из рюмки в раковку.

- Будешь? - Зоя протянула вино гостье, но рука помимо ее воли вернулась обратно. Она проглотила содержимое и со вкусом выдохнула.

- Зоя, у тебя сестра умерла, похороны сегодня.

Зоины глаза, принявшие осмысленное выражение, округлились.

- Умерла? Господи, горе-то какое? Так она моложе меня была, да и не болела ничем, не то, что я...

- Ехать тебе надо на семь тридцать...

- А паспорт? С нашим то в заграницу разве пустят? А деньги? Господи, предупредили бы заранее, я бы денег подкопила... А так вот сразу... - она безнадежно махнула рукой.

- Да в Екатеринбурге будут хоронить, - Татьяна как можно доходчивей объяснила услышанное.

- Вот сервис нынче, а? Не успела умереть, а ее уже на родину доставили, - восхитилась Зоя. - Да, Тань? Сервис, говорю, у нас что надо... - Сестра у нее жила на Украине.

- Ты все поняла? Давай одевайся пока, я сбегаю домой, платье накину и провожу тебя до автобуса. Поторопись, а то не успеешь!

- Ты меня за дуру-то не держи. Иди, иди, сама как-нибудь, - обиделась хозяйка.

Только-только успела Татьяна добежать до дома и набросить на себя платье, как услышала во дворе шаги и Зоино бормотанье.

- Тань, скажи, а хоронить-то кто будет? У меня денег не лишку! - она помахала десятирублевкой.

- Сказали, что сын ее все расходы взял на себя, - терпеливо разъяснила Татьяна.

- Сын? Вот молодец, не то, что мой... Постой подруга, у меня ведь не сын, а зять!... Все равно жмот, хотя бы когда бутылочку для тещи привез. Одна ведь у меня дочь осталась, слышала, поди? - Похороны сестры отошли на второй план, Зоя заплакала о своем, размазывая слезы.

- Да не задерживайся ты, на автобус опоздаешь, - снова заторопила ее Татьяна.

Зоя с минуту постояла молча, что-то соображая, потом проговорила ошеломленно

- Слушай, так ведь сестру мою в прошлом году схоронили. Там, на Украине и схоронили, а меня даже и не позвали. Точно ... Ванька... нет, Васькой сына-то ее зовут летал туда ... - глаза женщины подозрительно уставились на хозяйку.

- Ты что, разыгрываешь меня, да? Совсем рехнулась, - такими вещами шутить вздумала?

Татьяна тоже посмотрела на нее, ничего не понимая. Теперь и она припомнила, что слышала об этом от Веры, не особо вникая в услышанное, потому что ни Галину, ни детей ее не знала.

- У тебя выпить не найдется? - неожиданно спросила соседка.

- Да нет у меня, откуда?

Зоя насухо вытерла слезы и вдруг озлилась.

- Да ну их, взяли моду по два раза умирать - хорони их потом... А

деньги - то где взять? - она снова помахала десяткой. - Мы с тобой живые? Вот и выпьем за это. Пошли ко мне, у меня, кажется, брага есть.

Татьяна отрицательно помотала головой. Взвизгнули тормоза и перед домом остановилась машина. В полуоткрытую дверцу неуклюже опустилась на землю сначала одна нога, потом другая, а вслед за ними, распахивая двери до отказа, выкатилась фигура еще одной соседки, жившей за два дома - Зои Егоровны.

Тяжело ступая, она пошла к дому, поглядывая на окна - встала ли соседка?

Зайдя в дом, она с порога заплакала, а высморкавшись, деловито проговорила:

- Таня, будь добра, встретить вечером корову: у меня сестра умерла. Брат заехал, так мы в город поехали.

- И у тебя тоже умерла? - ахнула Зоя первая. - Они что, сговорились, что ли, все в один день поумирали? Я ведь тоже свою Галину еду хоронить! - слезливо сообщила она - у нее что-то опять сдвинулось в сознании.

- Тьфу ты! Чего мелешь пьяным своим языком, прости господи! - Зоя вторая перекрестилась. - С утра налила, видно zenки-то свои? Мы ведь год назад Галину поминали - племянник твой на девятый день у тебя застолье делал. Ну и ну, совсем память вином залила...

Она даже отступила назад от непутевой соседки, с которой раньше дружила, особенно тогда, когда дети были малы. Болели они часто, и дня не проходило, чтобы не забежала к ним фельдшерица - то укол поставить, то лекарство дефицитное передать.

- Так ты уж, Таня, приberi корову мою...

- Сделаю все, езжайте.- Брат уже подавал сигналы.

- Может, меня с собой возьмете, я ведь тоже покойницу-то знала, царство ей небесное... - проговорила Зоя просительно: она видимо уже свыклась с мыслью, что кого-то сегодня обязательно должна кого-то похоронить.

- Еще чего! - поджав губы, отрезала Зоя Егоровна. Ей не понравилось, что посторонний человек хочет примазаться к ее горю. Похороны ожидалась приличные, нечего этой опойке рюмки на чужих поминках сшибать, стыдобушки за нее не оберешься.

Она вышла, с достоинством неся скорбь на тяжелых плечах, а Зоя "первая" понуро утпелась домой. Глядя ей вслед, Татьяна невольно задумалась о том, как быстро покатилась под откос жизнь соседки.

Старшая дочь с детьми и мужем уехали жить в Челябинскую область к родственникам мужа, пишет редко, да и не было особой теплоты у Зои Сергеевны в отношениях со старшей дочерью: росла она ленивенькой да дерзкой, а сейчас сама не ездит, и детей перестала отпус-

кать, зная о пьянках матери.

Другое дело младшая: незаметно выросла и она, училась отлично, без труда поступила в институт. С собой была хороша: рослая, статная, с густыми русыми волосами, что спускались тяжелой накидкой с плеч - не бросакая красавица, нет, но исходило от Елены что-то светлое, что притягивало к ней людей независимо от возраста. Казалась она не очень современной, однако не терялась ни на молодежных вечеринках, ни на деревенских праздниках. С ней-то, с родительской любимицей и случилось что-то непонятное, а потому страшное своей неопределенностью.

В последний год учебы в институте она еще больше расцвела, стали появляться у нее и дорогие наряды.

- Откуда? - допытывалась мать.

- От верблюда! - отшучивалась Лена и уводила разговор в сторону.

Заныло, заплакало материнское сердце, беду предчувствуя, когда после долгого перерыва приехала Лена посеревшая, молчаливая, будто душу из нее вынули.

- В институт больше не поеду. - заявила она, как отрезала.

- Да в уме ли ты, девка! Тебя же в аспирантуре хотели оставить! - еще не веря своим ушам, вскрикнула Зоя Сергеевна.

Отец ходил по дому туча тучей, дочь тоже слонялась тенью или валялась в постели, отвернувшись к стене, делая вид, что спит, но мать все видела и слышала: плакала дочь по ночам, будто похоронила кого.

- Да скажи ты, наконец, в чем дело, - умоляла мать. Не чужие мы тебе, посмотри на отца: совсем ведь извелся. Болен он, пожалей хотя бы его, если себя не жалко!

Дочь молчала.

- Может беременная ты? Так ведь я женщина, мать, все пойму - с кем не бывает...

Елена будто не слышала.

Разговор с отцом и вовсе закончился плохо, не разговор даже, потому что говорил только он. Муж в ту пору уже тяжело болел, но только одна Зоя Сергеевна знала, что дни его сочтены: рак разъедал его легкие, а потому был он раздражительным и несдержанным. Он раскричался было на дочь, но зашелся в приступе удушливого кашля и от бессилия может быть, ударил дочь по щеке и, что еще хуже, сказал, задыхаясь: - Духу чтобы твоего не было здесь, если бросишь институт.

Елена глянула на отца исподлобья и уехала, не простившись.

- Что ты наделал, отец! - плакала жена.

- Приедет, куда денется, - хорохорился тот.

Но когда она не появилась и через месяц, не на шутку встревоженные, они поехали в город.

В деканате подтвердили: да, Елена забрала документы, хотя они долго отговаривали ее не делать опрометчивый шаг. В общежитии ее тоже

не было, но выяснить ничего не удалось.

- Беременная она была, - неохотно сказала подруга, которая несколько раз приезжала с дочерью к ним в деревню.

- А где она сейчас? Парень-то кто? Ну скажи ты мне правду, подруга ведь она тебе, - умоляла мать, утирая слезы.

- Да не знаю я, тетя Зоя. Парня всего раз видела, да и то издали, когда приезжал за ней на машине. Она ведь последнее время у него жила, на свадьбу обещала пригласить. Да не больно-то она об этих вещах трепалась, сами ведь знаете - гордая она.

- Я слышала, уехала она куда-то, - подала голос другая девушка.

- Куда? С кем? - ответа не последовало. Девушки только молча пожимали плечами да переглядывались: то ли они действительно не знали, то ли не хотели знать, ввязываться в темную, возможно, криминальную историю за полгода до диплома.

Вскоре после этого Зоя Сергеевна, похоронив мужа, запила горькую. Хозяйство, некогда крепкое, пришло в запустение, но огород, хоть и не весь, Зоя садила: морковка да картошка, огурцы да капуста, а без них она голодом насиделась бы.

Мужики к ней захаживали частенько, но не за тем, зачем обычно ходят к одиноким женщинам: Зоя Сергеевна и раньше была строга по этой части, а теперь и подавно ее на "сладкое" не тянуло, тем более, что годы и вино былую красоту давно смыли. Тянулись к ней местные выпивохи потому, что в ее доме можно было не торопясь, не на ходу и даже не в подворотне собственного дома, откуда может жена шугануть, распить бутылочку, тем более, что закуска - картошка и огурцы, всегда находилась. И ей перепадало, и им хорошо, а застигнет безденежье, бражонка у Зои частенько бывала, хоть и стояла недолго. Пенсия тоже разлеталась быстрехонько и мужики заботливо давали ей в долг.

Жены сначала сердились на нее, ругались даже, но потом махнули рукой, рассудив, что "свинья лужу найдет". Им хотя бы не бегать по деревне с вопросом: "У вас моего нет?" - иди и забирай их "тепленьких", как детей из детского сада вечерами в праздники или в дни получек...

Вскоре приехала Вера, а Татьяна уехала в город. Следующий приезд в деревню случился лишь через полгода: все дела да дела, а тут поссорилась с Алексеем, вот и приехала к сестре плакаться в жилетку.

Алексей с девятнадцати лет жил отдельно от родителей в однокомнатной квартире, доставшейся в наследство от дяди.

Мать сначала протестовала, мол, рано ему в самостоятельное плавание пускаться, но на сторону сына встал муж.

- Живут же студенты с восемнадцати лет отдельно от родителей? Не век ему за материнскую юбку цепляться!

Теперь сын, окончив юридический институт, открыл свое дело, занялся бизнесом. С работой, слышала Татьяна, у сына все в порядке, а вот о женитьбе и слышать не хочет, хотя девушек около него крутятся толпы, но все не нагуляется. А матери внуков хочется, да еще как! Только начинает об этом думать, как запах чистенького тельца ребенка чужится, его голосок "баба" слышится.

Знала Татьяна, что была у Алексея девушка, даже о свадьбе поговаривал сын. "Ляля!" Имя-то какое, наверняка шалава какая-нибудь", - подумала мать, впервые услышав о ней. Но, сын, судя по всему, души в ней не чаял. Алексей уже собрался было познакомить родителей с девушкой, но Татьяна легла на операцию, а потом с полгода почти не вставала, не до подруг сына было. За это время невеста исчезла не только из жизни сына, но и, видимо, из города.

По обмолвкам друзей, с которыми забегал иногда к родителям сын, она знала, что любил девушку не только Алексей, но и его лучший друг, только безответно. Через него с Лялей сын и познакомился.

Возможно поэтому не испытал Алексей особого восторга, когда девушка сказала, что забеременела. Поводов для ревности она не давала - лишь однажды, придя с работы раньше, увидел Алексей, что Ляля сидит на кухне с Олегом, пьют чай и над чем-то весело хохочут. Олег сказал, что дожидался его. А чего явился, когда знал, что он еще на работе? А позвонить не мог?

Алексей сделал вид, что ничего не произошло, но подлый червячок сомнения в его душу заполз.

- Что, киндер-сюрприз решил мне устроить? - неприятно улыбнувшись, сказал он, когда однажды сидели за бутылкой с друзьями на кухне.

- Ты это о чем? - удивился Олег.

- Фу-ты, ну-ты, какие мы непонятливые. Ничего, у меня шея крепкая, могу еще одного подкидыша посадить - он еще не закончил, как мощный удар в скулу заставил его замолчать.

Парни загалдели, вскакивая с мест. Алексей, набывившись, пошел было на Олега, как вдруг увидел в дверях свою девушку: никто не заметил, как она вошла. Всегда веселая, приветливая, стояла она вытянутая в струночку. Алексей хотел было подойти к ней, но Ляля бескровными губами холодно и бесстрастно проговорила: "Не подходи. Никогда..."

С этой, теперешней, сын Татьяны то расходился, то сбежался вновь. "Моя женщина", - хохотнул он, когда она впервые застала ее у сына. Вот так: ни жена, ни любимая - просто женщина, каких тысячи.

-Хоть бы ребеночка завели, была бы у вас нормальная семья, - сказала ей однажды Татьяна.

- Ха-ха! Мечтала тут одна родить, - начала, было, она.

- Прикуси язык! - резко перебил ее сын. Слово за слово, поссорились они, досталось и Татьяне: "Не лезь не в свое дело"...

Они сидели с Верой, чаевничали, когда увидела Татьяна, как из дома напротив вышла Зоя Сергеевна, везя саночки с ребенком.

- Что это она - никак трезвая? А ребеночек-то чей?

- Елена объявилась, да еще с мальчонкой.

А дело было так: чуть больше месяца назад у Зоиного дома остановилась машина, из которой вышла женщина с ребенком. Приглядевшись, Вера ахнула: "Ленка ведь это!" Ее разбирало любопытство и она уже искала предлог, чтобы сбегать к соседке, когда Лена постучала сама.

- Вера Николаевна, последите тут за матерью, я сына оставила, а мама... да вы и сами все знаете...

Она торопилась и уже в дверях добавила, что муж, уехавший в командировку в Москву, попал в автокатастрофу, надо срочно лететь к нему.

Через полчаса, едва выпроводив забежавшую позвонить знакомую, Вера прибежала к Зое: как там она с малышом управляется?

К удивлению своему увидела Вера Зою Сергеевну протрезвевшей, даже принаряженной: та протягивала дольки апельсина мальчику и что-то приговаривала. На столе было полно другой, непривычно вкусной для этого дома еды.

-Слышу я, как будит меня кто-то и голосом Ленки говорит: "Мама, вставай...", - А мне просыпаться неохота - хоть во сне, думаю, встречаюсь я с доченькой. Лежу и жду, что она еще скажет, но послышался почему-то детский голос, - плача и смеясь, позже не один раз пересказывала этот момент Зоя Сергеевна. - Ну, тут уж я не вытерпела, открыла глаза и вижу: мальчик около меня сидит и ручки тянет. Э, думаю, умерла ведь я, вот и ангел прилетел. Крылышек, правда не разглядела, а так - чисто ангел, светленький, красивенький. Значит, в рай меня пустили, соображаю, может, не дошло до них еще, что я пьющая?

Слышу, ангел мой говорит человеческим голосом: "Я писать хочу!" Удивилась страшно, думала что шутит он, а когда увидела, что у него все как у людей, поняла: не ангел это.

-Ты кто? - спрашиваю.

-Внучек твой, - отвечает, - буду у тебя жить, что ли ты не знаешь?

Тут я записку Ленину увидела и сообразила, что к чему.

А внучонок на колени просится, оробел в незнакомом-то доме. Глянула я ненароком на себя в зеркало и стыдно стало - ну чисто страхолудина какая... Постой, говорю внучок, я сейчас, умоюсь только...

Зоя долго-долго мыла опухшее лицо, еще дольше чистила зубы. Метнулась к шифоньеру, надела хотя и немодное, но еще приличное пла-

тье, причесалась.

- Баба, какая ты у меня красавица, - восхитился малыш.

- Слышь, Вер, он мне так и сказал, - красавица мол я, - проговорила Зоя задумчиво и засмущалась...

Три года назад большая любовь Лены разбилась вдребезги. Она почти физически чувствовала, как болит душа, эта мучительная боль не давала ей возможности ни подумать, ни принять правильное решение. Очертя голову она вышла замуж за человека, который давно любил ее и они сразу же уехали во Владивосток к матери мужа.

Брак оказался на редкость удачным. Они уже подумывали о втором ребенке и собирались навестить ее родителей - она и не знала, что отца уже нет, когда случилось несчастье с мужем...

Не торопясь, Вера пересказывала последние новости. Татьяна слушала сестру и дивилась: надо же, как бывает, однако чувствовала, что сестра что-то не договаривает.

- А когда Елена-то приедет?

- С этим тоже не просто. Десять дней прошло, а от нее ни слуху, ни духу, потом еще с полмесяца пробежало. Зоя волнуется, мальчонка мать - отца требует. А вчера получила большущее письмо: теперь все в порядке, придет скоро.

- Матери не писала три года, а тебе написала? - удивилась Татьяна.

- Да писала она несколько раз - но ты ведь знаешь в каком состоянии мать была, может, на растопку бросила, не читая.

- Неужели все это время Зоя не пьет?

- Как стеклышко ходит и приятелей - выпивох от дома отвадила.

- Чудеса, да и только! - Татьяна еще раз взглянула на Зою Сергеевну с малышом: вот и еще одного внука та дождалась, а она...

Вечером, возвращаясь из магазина, Татьяна нос к носу столкнулась с ней. Та почему-то нервно загородила малыша и настороженно глянула на Татьяну.

- Здравствуй, Зоя! Что не показываешь внука-то? Как зовут тебя, мальчик?

Тот не ответил, но из-за бабушкиного подола выглянул. Татьяна онемела.

- Баба! - позвал малыш неизвестно кого.

Он по-прежнему держался за руку Зои Сергеевны, но смотрел в глаза Татьяны ясными глазами Алешки - того, любимого двухлетнего сына, фотография которого до сих пор стоит у нее в спальне: каждая черточка на ней совпадала с личиком незнакомого, но такого родного мальчугана...

Парус любви.

- А я замуж выхожу, - выпалила Галина при встрече с подругой.

- За кого? - удивилась та - она была старше Галины и вечно опекала ее.

- Пока не знаю, там видно будет!

Желание вторично выйти замуж, прочно засело в голове у Галины после того, как она побывала на работе у подруги.

-Ты, Зайка все хорошеешь? - бросил на ходу Зоин сотрудник.

И ведь комплимент-то так себе, плевенький, а зацепило.

Другой мимоходом обронил:

- Ты опять опоздала, подруга!

А ведь это здорово: значит не пустое место, раз заметили! Не то, что у них в детском саду, где вместо мужчин - вечно спешащие папаша-малолетки: утром промелькнут, сунут к ней свое чадо и привет.

-Ну что ты заладила, замуж, замуж. Влипнешь, как в первый раз. Скажу я своему Геннадию, будет тебе комплименты делать с утра до вечера, что тебе еще надо? - Зоя считала, что она в ответе за Галину, которая казалась ей несколько легкомысленной.

Но то ли Галине действительно что-то надо было, толи обиделась, что ей комплименты только по телефону делать будут, но решения своего не отменила. Порывшись в объявлениях, нашла кафе "Парус любви" проводил мероприятие - "Любовь с первого взгляда". Это почти тоже самое, что "Нам за 30", но покруче: намекалось на последующие серьезные отношения.

Нет, прямо про отношения в объявления не было, но между строк можно прочесть все, что угодно, если сильно захотеть, а Галине хотелось. Перетряхнув гардероб, Галина выбрала потрясающее платье, сделала модную прическу, а на лице написала картину позднего, но еще теплого лета. Критически оглядела дело рук своих и несказанно, обрадовалась: "Королева красоты!" - одобрительно хмыкнула она и крунулась, довольная. Бах! Очки слетели и брызнули осколками: давно дужка на них болталась, вот случилось то, что случилось. Очки сложные, на минус семь, их так просто в оптике не купишь!

- Будь, что будет! - решила она и вызвала такси.

Подруг решила не вовлекать - отговорят или высмеют, чего доброго!

В фойе официант задал ей нужное направление и Галина пошла в зал, изредка натываясь на потенциальных конкуренток, радуясь и удивляясь, что их было немного.

Оё-ё-ёй! Сроду не видела в одном месте сразу столько мужчин, желающих жениться! Женщине казалось, что все они смотрят на нее и

только на нее! Она пошла между столиков, внутренним взглядом контролируя себе, пытаясь сохранить на лице непринужденную улыбку. Еще, еще немного, плечи горделиво расправлены, походка легкая (лишь бы не запнуться за ковровую дорожку, ни на кого не налететь!).

"Так, хорошо, Галина, теперь вон тот столик обогнуть и ты на месте. Смотрите, смотрите все: вот она - я. Силикона - ни грамма, волосы, ресницы - все свое, не сомневайтесь", - мысленно говорила она. "Ох, стыдобушка, ох, дура-баба!" - укорял другой голос.

Галина села и минут десять терпеливо ждала, когда к ней придет "любовь с первого взгляда", но она почему-то не шла, возможно, и у нее взгляд был не сфокусирован.

Не видя никого в отдельности, Галина стала улыбаться всем сразу. Мужчины казались ей на одно лицо, как близнецы-братья.

- Спокойно, спокойно! - одернула она себя. Подумают еще, что я из группы риска!

Переменив тактику, женщина стала целенаправленно улыбаться мужчине, сидящему возле колонны. Хотя и он казался ей пятном неясной конфигурации, она чутьем почувствовала его интерес к ней. Галина усилила обаяние. "Рост, кажется, ничего, правда, пока сидя! - размышляла она. Сердце ее забило. Мужчина встал и направился к ней. "Нет, с ростом точно все в порядке,- вновь подумала она и рассердилась: да что это я заладила - рост, рост! Был бы человеком хорошим, не бабником, не алкашом". Галина стала соображать, сразу ли ей соглашаться на серьезные намерения или сказать, что еще подумает. Вспомнила подругу: ничего, у нее тоже будет семья - еще и ребеночка успеет родить!

Мужчина присел за чей-то столик.

- И чего привязались к мужику, - раздраженно подумала она на тех, других, что тянулись к нему с рюмками - Не пьяница ли? - снова засомневалась она. Нет, встал, пошел, пошел... Она вся подобралась и слегка запаниковала: не виден ли сломанный зуб? На всякий случай слегка пригасила улыбку и села чуть вполоборота, мол, не очень-то и ждем. "А худой-то какой", - жалостливо подумалось ей. "Ну, да это дело поправимое, что-то, а пироги у меня отменные. Да и сама что надо, все при мне" - ободряюще внушала Галина сама себе.

- Тетя Галя, а вас и не узнать: без очков вы такая красавица, - услышала она голос подошедшего и насторожилась. Приблизившись к нему, она стала внимательно изучать его лицо по частям. Сведя увиденное в одно целое, ахнула разочаровано: это был сын Зои, курсант военного училища.

- Ты что, жениться надумал, - строго спросила тетя Галя.

- С чего вы взяли? - изумился Иван.

- А почему ты здесь? - все еще недоверчиво спросила она.

- Да мы сегодня лейтенантские звездочки обмываем. Здесь почти весь наш курс! - счастливо завопил Иван.

Звезды были малого размера и тетя Галя, конечно же, не заметила их, как не заметила военные формы у сидящих в зале.

- Это кафе "Парус любви"? - на всякий случай уточнила она.

- Да нет, это в конце улицы!

- Кругом! - скомандовала женщина, подталкивая парня к выходу.

- Тетя Галя, да мы...

- Даю вводную:, - не слушая его, продолжала Галина - молодая, красивая женщина желает...

- Ой, вы влюбились, - обрадовался парень.

- Пока нет, но очень даже может быть, - загадочно сказала она и попросила проводить ее в нужное кафе.

Иван тормознул первую попавшую машину, назвал адрес, попросил отвезти даму.

- В кафе? - удивился владелец машины, - В такую жару? Одна?

Галина вздрогнула. Удивительный был голос - мягкий, заволакивающий и вместе с тем требовательный. Поймав близорукий, беззащитно - доверчивый взгляд женщины, мужчина присмотрелся внимательно. Галина ахнула: пришла она, любовь с первого раза!! Вот она - рядышком сидит! Она еще раз взглянула на мужчину, проверяя себя, не особенно доверяя своему близорукому взгляду. Нет, любовь и со второго взгляда не исчезла. Да что там взгляд - уже и в груди сладко зануло, и вся она доверчиво расслабилась, когда он, минув кафе, повел машину.

- Алексей, - представился он. - Так куда мы едем?

Как он догадался, что теперь сама мысль о кафе казалась ей дурацкой?

- В зоопарк, - не особо задумываясь, выпалила она и расхохоталась звонко и заразительно.

- Хорошая мысль, - развеселился Алексей. Судя по его виду, он был деловым и занятым человеком, но нелепая идея женщины понравилась ему какой-то обескураживающей наивностью и неожиданностью. Машина помчалась вдаль, в ней сидели Он, Она и Любовь.

Цвела акация.

Князь Андрей заботливо поправил на плечах жены накидку и учтиво предложил руку, помогая спуститься с крыльца. Они гуляли по саду, запах цветущей акации будил воспоминания о первой встрече, хотелось петь, смеяться, делать милые глупости.

Вдруг князь заметил на лице Анны мимолетное облако тревоги.

- Княгиня, вы чем-то взволнованы? - подозрения, терзавшие его в последние дни, вспыхнули снова. Очарование летнего дня исчезло.

- Вы... опять встречались с Николя?

Анна вздрогнула и закрыла лицо руками.

- Отвечайте же! Вы так неопытны, безрассудны. Вы непременно, непременно должны все рассказать. Ну же!

- Я... Он... да, он потребовал... - не договорив, княгиня безутешно заплакала.

- Как! Этот недостойный человек уже смеет что-то требовать с вас? - вскричал князь с чрезвычайным волнением. - Но продолжайте же, Анна.

- Ваши подозрения верны! Ах, отчего я не открылась раньше. Я отдала всю свою...

- Ты отдала ему всю свою пенсию? Дура безмозглая, корова тупая, - заорал князь, он же сантехник Петрович. - Шиш ты теперь получишь, а не машину с навозом. А Колька-то, Колька - хорош, соседушко. То-то я смотрю, он третий день квасит - морда распухла, что твоя задница!

- Мужик как мужик был, - горевал меж тем сосед Николай, распивая с корешами третью бутылку.. - Эх-ма, вздрогнем? Хорошо шибанула, зараза! Ставлю вопрос ребром: шандарахнем на посошок за нас с вами и фиг с ними... Конечно, Петрович и раньше с резьбы слетал, ежели, к примеру, форсунку выше ушей зальет, дак с кем не бывало? А все почему? Дочка его, едрит ее королеву, дерево какое-то привезла. А оно вовсе и не дерево оказалось, а дре-во. С корнями. А в их кишмя кишат всякие графья да князья. Так и копошатся, заразы. И все - нет мужика. Я ему вчера: "Ты меня уважаешь?" А он: " Я, - грит, - вам от дома откажу!" - сбрендил, в натуре.

Меж тем ссора на дворе Петровича грозила перерасти в крутую разборку: жена сорвала с плеч старенькую шаль и заняла боевую позицию.

- Сам дурак и мать у тебя такая же дура.
 - Соболаговолите о родительнице моей изъясняться так почтительно, как требует того древнейший род наш, - твердо сказал князь, с трудом взяв себя в руки.
 - Да на что мне твое дворянство, титулы... - Анна перешла на визг, - забор бы лучше починил да у поросенка вычистил!
- Анна хотела было добавить еще что-то веское, но вдруг ее слегка потускневший фингал, полученный в до к н я ж е с к и й период жизни, высветил батарею запылившихся пустых бутылок, и она прикусила язык.
- Цвела акация, ее упоительный аромат смешивался с ядреным запахом настоявшегося коровяка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ПЕРВЫЕ УРОКИ

Все васильки, васильки, васильки...	7
«Подайте, Христа ради»	11
Делу время, потехе - час	22
Королева - мать	34
Победа	36
Семь «я»	47
Девичий переполох	61
Тропинки	65
Великое переселение	73
Поворот судьбы	88
Раскололась удача	107
Я дальше иду...	111
Серебряный возраст	119

II. РАССКАЗЫ

Вечер романсов	133
Узелки	137
Коррида	138
Пробуждение	143
Парус любви	152
Цвела акация	155

Сорокова Диана

Технолог Л. Ю. Агалакова
Набор, верстка Э. Г. Зелениной
Корректор О. М. Фердерер

Сдано в набор 29.05.2005 г. г. Подписано в печать 23.05.05г.
Формат 60х84 1/16. Гарнитура «Times New Roman Cyr»
Бумага офсетная. Усл. печ. листов 10.

Лицензия ИД № 013558
Издано в соответствии со ст. 12 Закона
«О средствах массовой информации»

Заказ 51764.

Тираж 400.

Отпечатано в филиале «Березовская типография»
ГУП СО «Серебряное кольцо». 623700, Свердлов. область,
г. Березовский, ул. Красных Героев, 10.

Привет и

А что такое,

девушка

мне,

на. Но

однажды

каждый

бедно

а то

как и

пора

заключи

как

во

и-

и-

есть

кто

мне,

сидит,

нет,

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

